

"Крик молчания"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Одри стояла на тротуаре у входа в кафе. Расселл опаздывал. Как обычно.

Она сделала глубокий, успокаивающий вдох и медленно выдохнула, заставляя себя сохранять спокойствие, не волноваться понапрасну.

— После сегодняшнего тебе уже не придется нервничать по поводу его постоянных опозданий, — сурово напомнила она себе, — Расселл перестанет быть частью твоей жизни...

Но ничего не могло унять глубокую боль в ее сердце.

Почему я связалась с таким очевидным бабником, как он, задавала она себе мучительный вопрос. Почему поверила его любовным клятвам? И почему, ну, почему я позволила ему завлечь себя в постель?..

... Это произошло, как только Одри увидела его, элегантного мужчину в сером деловом костюме. Расселл обладал всеми соблазнительными признаками романтического чаровника. Это был прекрасно выглядящийся блондин с синими глазами, а его стремительная скороговорка делала из него отличного продавца.

Когда несколько месяцев назад он стал работать в качестве представителя фирмы «Оборудование современных офисов», то сразу произвел впечатление на всех девушек в конторе.

И в течение нескольких дней выделил ее из остальных.

Поначалу она была настроена скептически. Рядом работало много куда более привлекательных девушек. Но он был так настойчив и казался таким искренним. Разумеется, она была весьма польщена. Какой наивной дурочкой она оказалась!..

Одри бросила косой взгляд на отражение в соседней витрине и едва не вздрогнула в отвращении от собственного вида. Ей достаточно было только посмотреться хорошенько в зеркало, чтобы понять: Расселл не мог столь быстро влюбиться в такую простушку, как она.

Господи, как же она ненавидела свою внешность! Свою белую кожу, свои большие, похожие на олени, карие глаза, свой рот бантиком, как у маленькой девочки. Что же касается волос, то они всегда выглядели безобразно... Родилась она с тонкими мышинными коричневыми локонами;

сейчас же они были выкрашены в красно-винный цвет и мелко завиты. Лавиния уверяла, что ей идет такая прическа. Одри не была в этом уверена. К тому же она чувствовала себя дискомфортно в красном шерстяном платье, подаренном ей мачехой, — та считала, что красный был одним из «ее» цветов. Одри же казалось, что ни один цвет не подходил ей.

С содроганием она перевела свой взгляд на Рассела, который с широкой извиняющейся улыбкой на лице уже подходил к ней.

— Извини, что опоздал, дорогая, — произнес он шелковистым голосом и наклонился, чтобы

чмокнуть ее в щеку.

Все внутри нее, казалось, перевернулось от тревоги. Как же счастлива она была, когда он впервые назвал ее так! Теперь слово «дорогая будто предательски вонзенный кинжал, пронзило ее сердце.

— Ох-ох, кажется, я что-то сделал не так.-

Расселл попытался рассмеяться, увидев ее побелевшее напряженное лицо.-Ты попросила о встрече, чтобы задать мне взбучку? Или сделала такое страшное лицо только потому, что я чуть-чуть опоздал?-добавил он с долей ехидства в голосе. «Как странно, — по думала Одри. Сейчас я уже не нахожу его красивым или очаровательным».

— Опоздал на целых полчаса, Расселл, — про-говорила она ледяным голосом, — это совсем не чуть-чуть. Я просила тебя придти в три, а сейчас уже почти три тридцать,

Он небрежно пожал плечами, безуспешно пы-таясь улыбкой растопить лед в ее сердце.

— Верно. Но я ведь стою того, чтобы подо- ждать меня немного, не так ли?

Одри съежилась как от страха. Неужели было время, когда ей нравились такие фразы? Она не могла поверить, что оказалась такой простофилей. Но непривлекательные девушки, предположила она, весьма уязвимы, когда речь идет о внимании со стороны мужчин. «Это от отчаяния горько подумала она.

— Не могли бы мы войти в кафе и присесть?-резко спросила она.

— Разумеется. Я закажу нам кофе. Кафе было точно таким же, как и тысячи других кафе, которые можно найти на улицах в пригороде Сиднея: длинная узкая прямоугольная комната с кабинками вдоль одной стены и блестящей стойкой вдоль другой. Одри думала, что в этот час в пятницу кафе окажется практически пустым и что они смогут уединиться. Но все оказалось не так. Почти все кабинки были заняты, свободными оказались только последние две.

Одри направилась к ближайшей. С каждой секундой в ней росло нервное напряжение. Пришло время для окончательного выяснения отношений.

Однако предпоследняя кабинка тоже оказалась занятой. Там склонился над газетой мужчина. Он бросил на нее быстрый взгляд, когда она прошла мимо, но явно не заинтересовался ею.

Наконец Одри нашла место в последней кабинке, села за столик, утомленно вздохнув. Потом стала наблюдать, как Расселл флиртовал с девушкой за стойкой. Глаза девушки жадно проследили за Расселлом, когда он вразвалку, с нахальной усмешкой на лице, прошел в кабинку. Одри показалось, что в эти минуты она поняла его еще •лучше. Вот так он получает удовольствие от жизни, завоевывая девушек на каждом шагу. Интересно, какой она была у него по счету? Десятой?.. Двадцатой?.. Сотой?..

Он скользнул на зеленое виниловое сиденье напротив и бросил на нее выжидательный взгляд.

— Ну? Собираешься ли ты удовлетворить мое любопытство и сказать наконец, в чем дело?

— Да, — сухо ответила она и хрипло вздохнула. Слова были произнесены пронзительным, дрожащим голосом. Сердце заколотилось в ее груди.-Сегодня Диана сказала мне, что ты провел с ней ночь в субботу. Это та ночь, когда, как ты уверял меня, у тебя был деловой обед.

Она сказала также, что ты... ты переспал с ней...

Расселл нахмурился, и его лицо окончательно потеряло привлекательность. Верхняя губа злобно искривилась, а глаза неприятно сузились.

— Так вот почему ты позвала меня сюда — чтобы я отвечал на кучу дурацких обвинений! Я полагал, что у тебя хватит здравого смысла, чтобы не слушать такую глупую сучку, как Диана!

— Она не лгала, — прерывисто произнесла Одри, получившая новое подтверждение того, каким отвратительным чудовищем на самом деле был Расселл. Никогда раньше не употреблял он грубые слова в ее присутствии, всегда изображал из себя джентльмена.

— Конечно, она лгала, — усмехнулся он. — Она ревнует меня к тебе. Если бы у тебя были мозги, ты сама поняла бы это.

Одри даже задохнулась от оскорбления. Но боль обиды только придала ей большую решимость покончить с этим человеком раз и навсегда. Дрожащим голосом, но решительно она сказала:

— Диана показала мне квитанцию об уплате за номер в мотеле в субботнюю ночь, и она подписана тобой. Я... я ведь знаю твою подпись...

Наступила пауза, за которой последовал раздраженный вздох Расселла.

— Одри...-начал было он нетерпеливым тоном.

Она подняла голову повыше и постаралась говорить без дрожи в голосе.

— Нет смысла лгать мне, Расселл. В любом случае, я рву с тобой всякие отношения.

— Ты вовсе не собираешься сделать это.

— Именно это я и делаю... Я верю Диане, что бы ты там ни говорил.

— Вот как?-злобно пробормотал он.-В таком случае ты можешь услышать все от меня. Я действительно трахнул ее. Ну и что из этого?

Одри задохнулась в шоке, услышав новую грубость Расселла.

— Ты говорил, что любишь меня, — произнесла она теперь уже совсем жалким голосом, — что хочешь жениться на мне...

— Ну да, конечно, я это говорил, — колко отпарировал он. — Ты ведь дочь большого босса, не так ли? Его единственная дочь, его единственный ребенок... Нужно ли пояснять дальше?

— Так ты говорил и делал все это только ради денег?'-произнесла она придушенным голосом. Его смех был жесток.

— Какие проблемы, золотце? Неужели ты действительно думала, что я был очарован твоей красотой и привлекательностью? О, ты не так уж плохо выглядишь, когда снимаешь эту жуткую одежду, которую постоянно носишь. Но, мой бог, ты даже не умеешь ублажить мужчину в постели. Ты просто скучна, Одри! Я делал тебе большое одолжение, выводя тебя в свет и даже затаскивая тебя в койку, но, полагаю, ты этого не поймешь. Я также думаю, что ты кинешься домой и расскажешь своему дорогому папочке, что один из нехороших служащих его компании соблазнил его маленькую девственницу-дочку...

Отвращение охватило все ее существо.

— Не волнуйся, — выдохнула она. — Папе я ничего не скажу.

Господи, оставалось же у нее хоть что-то от гордости! Немного, но все же есть за что зацепиться, чтобы не свалиться в отчаяние, которое, она почувствовала, подступало к ней со всех сторон.

— Просто замечательно! Ведь если бы ты рассказала ему и меня бы вытурили с работы, я сделал бы так, чтобы все в компании и весь чертов Сидней знали бы, что ты за злобная и мстительная сучка. И попробуй сказать в конторе, что это ты порвала со мной, дорогая — тебе не поверят. Черт побери, — я могу поймать там любую птичку-какую только захочу. Мне просто было жалко тебя, вот и все. Ты должна быть благодарна мне за небольшие милости...

Расселл продолжал бессвязно говорить что-то, но мозг Одри оградил себя от его злобных и высокомерных слов. Она пыталась думать о том, что случается с такими девушками, как она, которые не пользуются успехом у мужчин и ничего не смыслят в сексе, а соблазнить могут лишь своими деньгами. Девушкам вроде ее покойной матери...

Она закрыла глаза, словно могла таким образом избавиться от боли, которую вызывала в ее мозгу только что услышанная горькая правда. Но вместе с болью ее охватила ярость на судьбу, которая сделала состоятельную девушку совсем непривлекательной. А ведь больше всего на свете она мечтала завести семью, любить и лелеять мужа. Мечтала об этом невыносимо долго.

Ее пальцы крепко сжали сумочку, и она готова уже была метнуться боком из кабинки, когда кто-то встал на ее пути.

С удивлением она посмотрела вверх-ей пришлось очень высоко поднять голову-на мужчину лет тридцати, стоявшего перед ней с извиняющейся улыбкой на весьма привлекательном лице. Ослепительно белые зубы сверкали на фоне загорелой кожи, а умные глаза глядели на нее из-под густых вьющихся волос, черных как вороново крыло.

Но удивившись внезапному появлению этого симпатичного мужчины, она еще более изумилась его словам.

— Одри, дорогая, — произнес он глубоким, мужественным баритоном, — я просто не мог, ждать больше в машине. Правда, ты сказала, что и сама справишься с этим, но все же я посчитал нужным прийти на всякий случай.

Пока он говорил, его выразительные серые глаза легко держали ее изумленный взгляд, и их стальная сила заставила ее не отводить своих глаз и промолчать, не выдать, что она его совсем не знала.

Или знала?

В нем было что-то отдаленно знакомое, но она все же не могла узнать его. В замешательстве Одри нахмурилась. Кто это такой, откуда он знает ее имя? И почему говорит такие странные вещи?

Кончив тираду, он перевел взгляд на Расселла, сидевшего с разинутым ртом и с самым растерянным видом.

— Тебя ведь зовут Расселл, правда?-продолжал говорить незнакомец в своей жизнерадостной

манере, удивив Одри тем, что знал ее собеседника. Задыхаясь от изумления, она было открыла рот, но тут же захлопнула его под жестким взглядом незнакомца.

— Сожалею, старина, — услышала она еще более удивительные слова, — но такое случается:

мы с Одри встретились лишь в прошлую субботу, но для нас обоих это оказалась любовь с первого взгляда. Я сам никогда не верил в подобный романтический вздор, но теперь вынужден пересмотреть свои взгляды. Разве не так, Одри, моя сладкая?

Одри, его сладкая, была так ошеломлена, что онемела и не могла произнести ни слова. Ее оленьи глаза были широко открыты, губы бантиком плотно сжаты.

Расселл тоже был ошеломлен, но не до такой степени, чтобы смолчать.

— Одри, это что еще за тип? — требовательно воскликнул он. — О, боже! Только ты не говори мне, что встречалась с кем-то за моей спиной!

Его глаза сузились от ярости.

— Ты маленькая лицемерка, да я...

— Одри, гадкая девочка, — вмешался мужчина твердым, сухим, но одновременно смешливым голосом, — ты ему еще ничего не сказала?... Он элегантно и выразительно пожал плечами, привлекая внимание Одри к своему необычному, даже лихому наряду: просторные черные брюки и черная водолазка, заправленная под светло-коричневый кожаный пояс, подчеркивающий узкие бедра.

— Ну разве это на нее не похоже, Расселл? — продолжил он. — Она ведь так не любит доставлять неприятности... Послушай, может, нам выйти побеседовать один на один, если у тебя есть что сказать. Мы же оба знаем, как чувствительна Одри и, может, нам лучше поговорить как мужчина с женщиной?

Расселл вскочил со стула, возбужденный до неистовства. Но рядом с незнакомцем он выглядел довольно тщедушным, что удивило Одри — ведь в Расселле было пять футов одиннадцать дюймов росту, и он был совсем не плохо сложен. Но незнакомец был выше по крайней мере на четыре или пять дюймов, к тому же обладал широкими плечами и мощным торсом.

— В этом нет никакой необходимости, — отозвался Расселл, сообразивший, что не имеет никаких шансов против незнакомца. — Мне все ясно. Добро пожаловать! Никаких денег в мире не стоит...

— Незнакомец быстро выкинул руку. вперед и захватил левую кисть Расселла. Одри невольно обратила внимание на длинные и мощные пальцы. Лицо Расселла искривилось от боли.

— На твоём месте я бы помолчал, — предупредил незнакомец тихим голосом, прозвучавшим более угрожающе, чем самый громкий — крик. — Я также предлагаю тебе убраться отсюда как можно быстрее и как можно дальше прежде, чем я забуду, что я джентльмен и нахожусь в присутствии леди.

Расселл раскрыл было рот, но передумал и быстренько захлопнул его. Бросив свирепый взгляд на Одри, он выбрался из кабинки и поспешил к ВЫХОДУ.

Незнакомец смотрел ему вслед с жесткой, но довольной усмешкой на лице.

— Кто... кто вы такой?-выпала Одри, облегченная уже тем, что смогла облечь в слова свои смущение и замешательство. До этого она сдерживала себя, испытывая, впрочем, удовольствие от того, что видела Расселла таким перепуганным.

Его улыбка смягчилась, когда он присел на освободившееся место напротив нее и просто сказал:

— ДРУГ.

Она откинулась на зеленую кожаную спинку и уставилась на него. Разве они встречались раньше? Или это был один из деловых партнеров ее отца? Нет-нет, немедленно отбросила она эту мысль. Такого мужчину она никогда бы не забыла.

— Я вас не знаю, — довольно твердо заявила она, хоть и с легкой дрожью в голосе.

— Ах да, совершенно верно.-Он нахмурился и. несколько секунд потирал пальцами свой подбородок. Потом его лицо прояснилось, и на нем появилось смешливое выражение. — Поверили бы вы мне, если бы я сказал, что я ваш ангел-хранитель, оживший, чтобы спасти вас от подлого злодея?

— Вы вовсе не похожи на ангела, — сказала она, улыбнувшись при мысли, что одетый во все черное ее спаситель скорее выглядел «представителем противоположной стороны»,:

Его ответная улыбка была обворожительной, и от нее у Одри аж мурашки по спине побежали.

— Так как насчет рыцаря, спасающего прекрасную даму, оказавшуюся в беде?-хохотнул он.

— А что тут смешного?-бесхитростно поинтересовалась она, прежде чем до нее «дошло», и улыбка слиняла с ее лица.-Впрочем, меня вряд ли можно назвать «прекрасной дамой»...

— О господи, Одри, — вздохнул он в явном отчаянии.-Дело вовсе не в этом! Просто меня зовут Найт, Эллиот Найт. Почему же вас нельзя назвать «прекрасной дамой»? У вас самая восхитительная кожа, чудесные большие карие глаза и рот, просто напрашивающийся на поцелуй.

От удивления ее пальцы непроизвольно вспорхнули, чтобы прикрыть рот. Чего хочет добиться от неё такой нахальной лести этот мужчина? Ее охватило замешательство, вызвавшее даже панику. —

— Я... я не знаю, кто вы такой, как вы узнали мое имя и все остальное, но я... я думаю, мне пора вернуться на работу!

Она подхватила свою сумочку и стала подниматься.

— Не будьте такой глупенькой маленькой упрямницей!-резко возразил он, и его жесткие слова заставили ее снова опуститься на сиденье и уставиться на него. Он устало вздохнул:

— Прошу прощения... Я не хотел быть таким грубым. Но, черт побери, зачем возвращаться в контору на глаза усмехающейся Дианы? Уже почти четыре часа, и сегодня к тому же пятница. Вы дочь хозяина-прогуляйте остаток дня. К понедельнику известие о вашем с Расселлом разрыве станет уже новостью прошлой недели. Поедьте ко мне, выпьем чего-нибудь, посидим у огня, а чуть позже я отвезу вас домой. Ну что вы на это скажете?

Она часто заморгала.

— Откуда вы знаете столько обо мне? О Расселле и о Диане?

Что-то, как показалось Одри, промелькнуло в его завораживающих серых глазах.

— Я подслушал вашу... э... беседу с молодым человеком. Он привел меня в такую ярость, что я решил преподать ему урок.

Так вот почему он показался ей знакомым! Одри почти успокоилась, найдя логическое объяснение тому, что этот мужчина так много знал о ней. Но потом она вспомнила все, что он мог услышать, и жар смущения залил ее щеки.

— О, боже! — воскликнула она и зарделась от стыда.

— Вы не сделали ничего такого, чего должны были бы стыдиться, Одри, — мягко проговорил он. — Очевидно, вы были влюблены в этого человека и думали, что и он любит вас. Вся вина лежит на нем, а отнюдь не на вас.

— Может быть, — прошептала она, думая, что подобная наивность непрослительна для девушки, которой на следующей неделе исполнится, двадцать один год. Разве она уже давно не знала, что непривлекательна для мужчин? Почему даже не задумалась, по какой причине Расселл выделил ее из других девушек?

— Теперь вы от него освободились, Одри, — продолжил ее собеседник все тем же мягким голосом.

— Можно сказать и так, — прошептала она, — но мне все еще больно.

— Да, — кивнул он, — я понимаю... Прозвучавшее в голосе ее спасителя истинное понимание отвлекло ее мысли от Расселла и заставило подумать о том, что сделал для нее только что Эллиот Найт. И это ее растрогало. А как галантно он прогнал ее врага, сделав так, что она не потеряла своего лица. И как согрел своей лестью относительно ее внешности...

— Вы действительно рыцарь в сверкающих доспехах, не так ли? — в ее глазах зажегся огонек нежности к незнакомому.

— Но вам незачем продолжать спасать меня, мистер Найт, — продолжила она с дрожью в голо— • се. — Вы и так уже сделали достаточно. Я... очень благодарна вам. — Одри прикусила нижнюю губу, а на ее глазах внезапно выступили слезы.

— Ну-ну, пошли-ка, — взяв молодую женщину за руку, он выскользнул из кабинки и потянул ее за собой. — Вы поедете на некоторое время ко мне домой и не возражайте. Я живу здесь недалеко.

— Но я не могу, мистер Найт. Я... я...

— Не спорьте со мной, Одри. Это пойдет вам самой на пользу. И умоляю вас, зовите меня просто Эллиот! И, чтобы вы не спрашивали — нет, я не женат. И у меня нет подруги, которая могла бы подумать черте что. Ну как, это развеяло ваши сомнения?

Одри могла бы посопротивляться, но, по правде говоря, ей не хотелось возвращаться в контору. Да и не думала она, что Эллиот приглашал ее к себе домой с сексуальными намерениями.

Но когда он подвел ее к черному кабриолету «сааб», она остановилась, как вкопанная, и вырвала свою кисть из его руки.

— Это ваша машина?—спросила она с дрожью в голосе.

Он посмотрел на Одри, потом перевел взгляд на свою машину:

— Да, а что? Что-нибудь не так?

— Да нет, все так, я полагаю, — она с мрачной решимостью забралась в спортивную машину;

Тем не менее напряжение овладело ею, как только машина поехала по узкой горной извивающейся дороге, ведущей от Ньюпорта к Эвелан-Бич.

Она надеялась, что во время короткой поездки спрятала свой страх достаточно надежно, и испытала истинное облегчение, когда автомобиль покинул главную дорогу и повернул на круто поднимающуюся вверх подъездную дорожку. Когда Эллиот въехал в гараж, ворота которого раскрылись с помощью электронного приспособления, под впечатляюще огромным домом с видом на океан и наконец выключил зажигание, она сделала долго сдерживаемый выдох.

Он бросил на нее короткий взгляд и повернулся, чтобы взять газету, лежавшую на заднем сиденье.

— Вы очень нервная пассажирка.

— Да... Скорость заставляет меня нервничать, — признала она.—На спортивных машинах люди обычно ездят очень быстро. Но вы этого не делаете. И вы вообще... очень отличаетесь от большинства мужчин.

— В самом деле?—сухо рассмеялся он.—Я в этом сомневаюсь, Одри. Я очень в этом сомневаюсь.

Он наградил ее чрезвычайно странным взглядом прежде, чем повернуться и выйти из машины.

Затем он вел ее по спиральной лестнице, которая вывела их на нижний уровень дома, расположенного в двух уровнях. Что он хотел сказать этим взглядом и этим замечанием? Что он не лучше Расселла? Что он тоже не прочь соблазнить «богатую наследницу», даже если она не совсем привлекательна?

Хотя она и не могла поверить, что ее рыцарь В сияющих доспехах мог совершить что-либо предосудительное, однако что-то заставляло Одри держаться настороже.

Но вид огромной гостиной с высоким сводчатым потолком и обшитыми деревянными панелями стенами снова вселил в нее уверенность, равно как мебель и ковры, явно антикварного происхождения. Люди не снимают дома, полные таких сокровищ, логично заключила она, они ими владеют.

— Вы, должно быть, довольно состоятельный человек, Эллиот, — произнесла она, осматривая ее успокоенным взглядом.

Ну и ну, если она только не ошибалась, на одной из стен висела картина Ренуара. А рядом Гоген! И обе даже выглядели оригиналами.

— Довольно, — согласился он, пересекая комнату и бросив газету на кофейный столик эпохи короля Эдуарда. — Будьте как дома.

Жестом он показал на коричневую кожаную софу, стоящую перед камином.

— Интересно, чем вы занимаетесь?—спросила она, присаживаясь.

Эллиот стоял у мраморного камина, когда Одри выстрелила в него этим вопросом. Бросив на нее косой взгляд из-за плеча, он нагнулся, чтобы положить растопку на потухшую золу, аккуратно, крест-на-крест раскладывая щепки и куски дерева.

— Чем я занимаюсь?..—проговорил он, растягивая слова и зажигая спичку. — Попытаюсь объяснить...

Он выпрямился, повернулся к ней лицом с насмешливой улыбкой.

— Последнее время я в самом деле мало чем занимался. Две недели назад катался на лыжах. Вчера читал довольно интересную книгу. Завтра попытаюсь поиграть на скачках.

— Стало быть, вы не работаете?

— Скажем так: мне нет необходимости работать, если только я не пожелаю этого.

— Господи!—воскликнула она, окончательно заинтригованная. — Вы родились богатым?

— Вовсе нет, — Эллиот открыл встроенный бар. — Что вы предпочитаете? Джин? Водку? Стакан белого вина?

— О... э... да, белое вино.

Он повернулся, достал бутылку рислинга из встроенного в стенку холодильника и открыл ее вполне умело, даже профессионально. Наполнив два стакана, принес их к софе.

Зачарованно она следила за каждым его движением. Эллиот двигался с неосознанной грациозностью и в то же время так... по-мужски.

— Я не родился богатым, — проговорил он, протягивая ей стакан и садясь перед уже потрескивающим огнем, — правда, был женат на богатой женщине...

Стакан слегка вздрогнул в руке Одри. Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами:

— Уж не хотите ли вы сказать, что женились на этой женщине ради ее денег?

Его лицо выразило явное недовольство самим собой.

— Нет, конечно. Пожалуйста, не думайте так. Я просто объяснил, откуда у меня столько денег. Понимаете, Мойра умерла. В конце прошлого года. От воспаления легких.

Одри была поражена тем, что кто-то мог умереть в наши дни от пневмонии, в мире, полном антибиотиков, и сказала об этом.

— В последнее время моя жена страдала от обширного склероза, — неохотно пояснил он, — и у нее развилось отвращение к врачам. Меня не было дома, когда она заболела тем, что посчитала гриппом. Друзья рассказывали, что она отказывалась вызвать врача. Когда я вернулся домой, она была уже очень больна. Я поспешно отвез ее в больницу, но она сгорела за несколько часов.

— Как это, наверное, было тяжело для вас, Эллиот, — прошептала Одри.

Ему, казалось, стало не по себе от ее сочувствия, пальцы его сильно сжали стакан, когда он хрипло проговорил:

— Да, нелегко...

Одри подумала о том, какое опустошительное ощущение было бы у нее в такой ситуации. Впрочем, любая неожиданная смерть всегда опустошительна. Ничто не может подготовить человека к открытой ране в жизни, когда внезапно оказалась вырванной из жизни его любимая.

Одри отдавала себе отчет, что заплачет, если будет продолжать думать в том же духе. Огромным усилием воли она взяла себя в руки, выпрямила плечи и сделала успокоительный вдох. Только тогда она заметила, что Эллиот пристально наблюдает за ней с задумчивым выражением на лице. Она поспешно подняла стакан и отпила глоток, смущенная его испытующим взглядом.

— У вас... не было детей?-спросила она. Мышцы на его лице напряглись

— Нет. У Мойры не могло быть детей. Однако... не могли бы мы сменить тему?-требовательно попросил он.

— Да-да, разумеется, — она почувствовала некую вину за свое поведение.

Он, очевидно, очень любил свою Мойру. И ее ему очень не хватало. Она замолчала, ощущая неловкость.

— Расскажите мне о Расселле, — попросил он наконец.

Она содрогнулась:

— Нужно ли?

— Я думаю, это было бы неплохо, — сухо обронил он. — Может быть, я смогу представить его вам в ином свете, показать таким, каков он есть на самом деле-человеком, не заслуживающим сердечной боли.

— Поверьте мне, я в этом уже сама разобралась.

— А что ваш отец? Она нахмурилась:

— При чем тут отец?

— Он знал, что вы дружили с этим парнем? В груди ее образовался ком.

— Да.

—И он одобрял это?

Она пожала плечами, пытаясь отделаться от внезапного внутреннего напряжения.

— Он, казалось, был доволен тем, что наконец-то какой-то мужчина обратил на меня внимание. Мой папа один из тех мужчин, которые считают, что женщины должны выходить замуж. Он

боялся, что я засижусь в старых девах, — заключила она с горьким смешком.

— Ну это-то в любом случае ерунда! В наши дни женщинам незачем выходить рано замуж. Да и вообще не обязательно. К тому же, вы еще слишком юны.

На следующей неделе мне будет двадцать один.

Он сухо рассмеялся:

— Совсем старушка...

— Это действительно так, если взглянуть на вопрос моими глазами. Лавиния постоянно говорит, что с деньгами даже дурнушка может смотреться неплохо, пока она молода, но после определенного возраста уже ничто не поможет.

Одри поразила ярость, сверкнувшая в его глазах.

— А кто такая, эта Лавиния?-проскрипел он.

— Моя мачеха.

— Ваша мачеха?...одна из его темных бровей насмешливо приподнялась.-Ваша мачеха говорит вам, что вы непривлекательны?

Одри поняла, о чем он подумал. Что Лавиния была пошлой злой ведьмой, какими обычно бывают все мачехи.

— Нет-нет, Лавиния не так жестока. Она добра ко мне. И очень старается помочь мне с моей прической и с моей одеждой. Но я, похоже, невезучая... Ничто, кажется, не годится для меня.

Произнося все это, Одри видела, что Эллиот новее не был в этом убежден.

— А сколько лет вашей мачехе?-поинтересовался он, окидывая ее непроницаемым взглядом. — Той самой, которая помогает вам с прической и одеждой?

— О, ей уже около сорока. Но выглядит она моложе. Она очень красива и очень уверена в себе.

Одри не смогла удержаться от завистливого вздоха. Ей иногда хотелось выглядеть хоть наполовину так великолепно, как могла выглядеть Лавиния.

— Не знаю, с чего вы взяли, Одри, что вы непривлекательны, — промолвил Эллиот.

Внутри нее вспыхнуло гневное возмущение.

— Пожалуйста, не льстите мне, Эллиот, — в этом нет необходимости. Я знаю, что я из себя представляю и как выгляжу.

И здесь она уже не могла сдержать копившиеся в ней слезы. Они заполнили ее глаза и стали скатываться по бледным щекам. Недовольная собой, Одри попыталась сдержать рыдания, и это ей удалось. Она поставила стакан с вином на пол и спрятала лицо в свои руки. Но плечи предательски вздрагивали, и она не могла даже представить, как жалко выглядела, сгорбившаяся и молча заливающаяся горькими, отчаянными слезами.

— Не надо, Одри, — почти простонал Эллиот и, поставив свой стакан, обнял ее. Почти

автоматически ее руки обвили вокруг его мощного торса.

Когда же рука Эллиота поднялась и погладила ее волосы, то его ответное желание застало ее врасплох. Несмотря на свои страдания, Одри откликнулась на его прикосновение и, когда он зашептал сладкие слова утешения, задрожала от тайного наслаждения.

— Вы прекрасно выглядите, Одри. Я совсем не лщу вам...

Как это случилось? В следующий момент он поднял ее залитое слезами лицо, и его губы накрыли ее рот. Одри замерла на секунду, но его губы были такими мягкими и утешающими, такими ласковыми и сочувствующими... Она выдохнула, ее собственные губы разжались, а ее руки обвили вокруг его шеи.

В этот момент характер поцелуя изменился:

рот Эллиота стал твердым и требовательным, его руки крепко сжали ее. Он широко раздвинул ее губы и глубоко внедрил между ними свой язык.

Одри в шоке вздрогнула всем телом и начала бороться с ним, ее кулачки в панике забарабанили по его груди.

Когда Эллиот наконец откачнулся назад, ее большие карие глаза пронзили его выражением боли.

Он покачал головой, и на его лице появилось отвращение к самому себе.

— О, господи... Я очень сожалею, Одри, очень, — он пожал плечами и продолжил расстроенным голосом, — я слишком увлекся.

— Но... почему?-выдохнула она, уставившись на него, — Я имею в виду...

Мрачная сардоническая гримаса исказила его лицо.

— Еще один урок, вам, Одри, по поводу мужчин, — проворчал он.-Когда речь заходит о сексе, они в основном действуют как животные. Они хотят то, что хотят, тогда, когда хотят, и их даже не очень заботит, с кем они в этот момент. Я в безбрачии уже около года. Судя по тому, что только что случилось, мое монашеское бытие подошло к концу. — Но не с вами, моя дорогая, юная особа, — добавил он.-Не с вами... Пошли, я отвезу вас домой.

2

В понедельник утром Одри была в полном смятении. Она не хотела идти на работу, не желая встречаться ни с вечно усмехающейся Дианой, ни с угрюмо враждебным Расселлом. Ей не хотелось целый день делать вид, что все в порядке, когда все было так плохо.

Тяжело опустившись на краешек постели, она зарылась лицом в свои руки. Но слез уже не оставалось. Она выплакалась в пятницу ночью. Она рыдала до тех пор, пока не иссякли слезы, а вместе с ними-энергия и эмоции.

Субботу она провела в тяжелой депрессии, а воскресенье-в безразличном унынии.

Сегодня же начиналась рабочая неделя, и жизнь продолжалась, хотела, она того или нет. У нее не было иного выбора, кроме как взять себя в руки и жить дальше. Но прежде чем сделать это, она должна была проанализировать то, что случилось в пятницу.

Она подняла лицо из рук, однако чувство смятения не проходило.

Что было больней всего, задавала она вопрос самой себе. Предательство Расселла? Или поспешное дезертирство Эллиота Найта?

Она не находила ответ на эти вопросы. И не была уверена ни в чем. Единственное, что она знала наверняка, — это о своем вечном и полном неуспехе у мужчин. Расселл ухаживал за ней только лишь из алчности, а Эллиот приласкал из жалости. Да и его короткий поцелуй нельзя было назвать «ухаживанием».

Ей никогда не забыть потрясения Эллиота от ее поведения. Что это, черт побери, я делаю, очевидно, подумал он, целуя эту глупенькую недотепу? Почему я позволила себе увлечься? Вне сомнения, он здорово расстроился в тот момент, с горечью решила Одри. Ничто не могло объяснить, как мужчина вроде него оказался охваченным безудержной страстью к такой девушке, как она. В ней ведь не больше сексуальной привлекательности, чем в раздавленной лягушке! Примерно это говорил ей Расселл. Расселл...

Одри с болью думала о нем, о том, что он с ней сделал. Или, точнее, о том, что она ему позволила сделать с собой. Она была дурочкой — глупой, наивной, некрасивой, неуверенной в себе маленькой дурочкой!

Она уже готова была. впасть в еще большее отчаяние, когда вдруг припомнила комплименты Эллиота, к тому же заверившего ее в своей искренности. Он сказал, что у нее прекрасная кожа, чудесные глаза и рот, просто напрашивающийся на поцелуй. Неужели он льстил ей из одного лишь желания сделать так, чтобы она не чувствовала себя такой несчастной? Или он говорил правду? Боль немного отпустила ее сердце. Ведь даже Расселл признавал, что она не так уж плохо выглядела.

Одри поднялась и нерешительно подошла к высокому зеркалу на ножках, что стояло в углу комнаты. Уставившись на свое отражение, она провела рукой по лицу и рту. По ее собственному мнению, ее кожа всегда выглядела слишком бледной, глаза — слишком большими, а рот, казалось, принадлежал маленькой девочке. Но в общем... в общем она не была совсем уж дурнушкой. Пожалуй, всего лишь бесцветной...

Ей припомнилось обидное замечание Расселла о том, что одежда ее была ужасной, и она невольно присмотрелась к ярко-розовому костюму, в который была одета. Одри нахмурилась, признавая, что, костюм, если и не был ужасным, то все же плохо подходил к ней. Странно, — ведь у Лавинии был точно такой же костюм, только красный, и на ней он смотрелся великолепно. Одри понимала, что ее фигура не была столь эффектной, как у мачехи, но все же она была хорошей. Стройная и достаточно выпуклая в нужных местах.

Расстроенная, она нахмурилась еще больше. Если бы у нее было «чувство моды», свойственное многим женщинам. Но у нее этого чувства, увы не было. Никогда. Как она хотела, чтобы у нее был кто-то еще кроме Лавинии, у кого она могла бы спросить мнение о себе. Кто-то достаточно взрослый и объективный, кто был бы абсолютно честным с ней. А ведь Лавиния могла говорить, что те или иные тряпки хорошо смотрятся на ней, лишь из желания не сделать ей больно.

И тут в который раз с вечера в пятницу ее мысли вернулись к Эллиоту Найту.

Эллиот сказал бы ей правду. Эллиот честен до грубости. Эллиот...

... Он привез ее домой в мрачном молчании и грубовато простился с ней на ступеньках,

ведущих к дому.

— Я не буду извиняться за то, что случилось, Одри, — резко произнес он. — Часть ответственности лежит на вас самой. Вы взрослая женщина, и вам пора уже начать думать и действовать как таковой. Во-первых, в будущем не позволяйте любому привлекательному незнакомцу увозить вас к себе домой, как вы это позволили мне сегодня вечером. Это наивно и опасно. Во-вторых, не давайте заманить себя в постель любому мужчине, если только сами не захотите лечь с ним в эту постель. В-третьих, будьте самой собой в любых обстоятельствах. Сами составляйте свои мнения о том, каковы вы на самом деле и что собираетесь делать. У вас только одна жизнь, Одри. В конце концов, вы должны жить в соответствии со своими собственными решениями. Только позаботьтесь, чтобы они были действительно вашими.

Уже уходя, он бросил через плечо:

— Я не собираюсь звонить вам, Одри. Продолжение дружбы со мной в данный момент не отвечает вашим интересам. Конечно, если вы опять попадете в настоящую беду, не колеблясь, позвоните мне, — я помогу, чем смогу.

Одри со вздохом опустилась на краешек кровати. Она вынуждена была признать, что желание спросить совета вряд ли можно было приравнять к действительной беде. Да и не осмелится она ему позвонить. Если откровенно, ей просто не хватит на это храбрости. Сама мысль о том, как Эллиот будет отвечать ей своим ледяным голосом, бросила ее в дрожь. Вообще любая мысль об Эллиоте выводила ее из равновесия.

У нее екнуло под ложечкой, когда она вспомнила ощущение от его поцелуя, от его языка, проникшего глубоко в ее рот. Ее сердце сумасшедше забилося, и несколько секунд кровь с шумом бурлила в ее голове. В тот момент она была поражена вспыхнувшим в ней желанием. Такого она ни разу не чувствовала с Расселлом. Даже сейчас, при одном воспоминании, ее бросило в жар. Хотелось бы ей знать, что произошло бы, если в панике она не начала бы сопротивляться, а Эллиот не остановился.

От этой мысли ее сердце снова забилося часто-часто. Одри подозревала, что именно эта мощная физическая реакция, которую мог вызвать в ней Эллиот, а вовсе не измена Расселла, привела ее к таким страданиям ночью в пятницу. Одри не хотела, чтобы Эллиот отвозил ее домой. Она жаждала, чтобы он уложил ее в постель. Неужели такое возможно: за один вечер она разлюбила одного мужчину и тут же влюбилась в другого! Но ведь это безумие!

Хотя, может быть, и не такое уж безумие, призналась себе Одри, если на самом деле она вовсе не была влюблена в Расселла. Вероятно, ее просто привлекала его внешность, ей льстило его внимание и соблазнила его ложь. Маленькая, глупенькая Одри, жаждущая любви, готовая в отчаянии поверить любому, кто пообещает ей любовь. Ее бросило в дрожь при воспоминании о той лжи, к которой прибегал Расселл, чтобы заманить ее в постель. Совершенно очевидно, что внутренне он постоянно смеялся над ней.

И правильно делал, с отчаянием подумала Одри. Она была доверчивой юной идиоткой. И продолжала оставаться идиоткой, воображая, что теперь влюбилась в другого мужчину только потому, что он возбудил ее одним страстным поцелуем.

Одри в испуге покачала головой. Боже, когда же, наконец она встанет взрослой и начнет видеть вещи такими, какими они являются на самом деле, а не такими, какими желает их видеть ее романтическое сердце? Эллиот красивый, сексуальный, искушенный мужчина, который галантно вел себя по отношению к ней, а потом, в уязвимый момент расшевелил ее

одним поцелуем. Это не значило, что она влюбилась в него. Увлеклась-быть может. Вот и все...

Но если она не была влюблена в Эллиота, почему мысль о том, что никогда не увидит его, вызывала в ней такие щемящие чувства, такую безысходную тоску?..

Одри прыгнула с кровати, рассердившись на саму себя. Ее уже тошнило от своих ощущений, от жалости к себе, от романтических иллюзий и замешательства. Ты молода и богата, и у тебя не такая уж непривлекательная внешность, строго сказала она себе. Ты еще встретишь кого-нибудь, кто действительно полюбит тебя и кого ты тоже полюбишь без намека на сомнения и страдания. А теперь перестань хныкать и стенать и иди завтракать.

... Ее отец был уже на веранде, где обычно подавался завтрак, и поглощал свой обычный бифштекс с яйцами, Элси стояла у его плеча и подливала кофе в чашку.

— Доброе утро, — произнесла Одри с решительной легкостью, отставляя стул от круглого стола. — Мне только кофе и один тост, Элси.

— Уже подаю, дорогуша. — Элси вышла вперевалку из комнаты.

Будучи всю свою жизнь кухаркой, она слишком часто и в больших количествах пробовала свои блюда. Но была доброй старушкой, и Одри очень любила ее.

Варвик Фарнсуорт взглянул на дочку с укором:

— Уж не собираешься ли ты стать одной из этих постоянно недоедающих худышек, а, Одри?

Она посмотрела через стол на отца и вынуждена была признать, что в свои пятьдесят он все еще был красивым мужчиной. Широкоплечий, стройный как скрипка, с густыми каштановыми полосами, элегантно поседевшими на висках, с пронзительными голубыми глазами. На короткий миг у Одри возникло недоумение, почему она не унаследовала его гены.

Но она совсем не сожалела, что не унаследовала свойственное ему отсутствие такта.

Он и понятия не имел, как вести себя со своей дочкой. Большинство его разговоров с ней начиналось с малоприятных реплик. — Я вовсе не худышка, папа. Во мне пять футов четыре дюйма, и я вешу сто четырнадцать фунтов. Ровно столько, сколько полагается по росту.

Одри давно научилась беседовать с отцом, прибегая к голым фактам. Он был «человек факта».

— Хм! — неопределенно пробурчал он, взял чашку кофе и раскрыл лежавшую рядом с его локтем газету на деловом разделе.

„Элси принесла тост и кофе, и Одри стала намазывать на тост маргарин и джем. Как только отец углублялся в газету, все разговоры обычно прекращались. Поэтому она удивилась, когда тот вдруг заговорил снова.

— Ты ведь знаешь, Одри, что Лавиния развернула бурную деятельность-подготовку к празднованию твоего дня рождения в пятницу вечером?

Одри изо всех сил старалась не быть неблагодарной. Стеснительная в любой публичной ситуации, она не хотела вообще устраивать каких-либо празднеств, но Лавиния настояла на обеде с приглашением группы коллег с работы. Одри согласилась, лишь когда Расселл сказал, что ему нравится эта идея.

— У тебя добрая мачеха, — продолжил отец. — Очень добрая. Даже в самом начале, когда ты ее на дух не переносила, она была добра к тебе. И ни разу не теряла терпения, несмотря на твое замкнутое поведение в то время.

Замкнутое?..

Чувство обиды охватило Одри. Вряд ли можно было тогда назвать ее поведение замкнутым. Просто она страдала от боли-от своих собственных ран, полученных в том дорожно-транспортном происшествии, в котором погибла ее мать. Тяжелые переломы обеих ног заживали слишком долго. Не говоря уже о душевной боли, порожденной потерей обожаемой ею матери. Но отцу этого было не понять. Он продемонстрировал свою бесчувственность, женившись во второй раз всего через полгода после трагической смерти своей супруги.

С несвойственной ей прежде ясностью Одри наконец сочла правдивыми те слухи, которые доходили до нее и раньше и которые слепо отвергала. Слухи о том, что отец не любил ее мать и что женился на ней только в интересах своей компании.

Она пристально посмотрела на отца, находя теперь, что он похож на Расселла. Безжалостный, честолюбивый человек, который не мог любить по-настоящему. Он, вероятно, не любил и Лавинию. Она была лишь декоративной хозяйкой, с красивым и удобным в постели телом, собственностью наподобие картин и скульптур, которые он начал недавно коллекционировать.

Но еще больше ее раздражало то, что, зная о недостатках отца, она продолжала любить его — Лавиния говорит, что ты отказала в приглашении на обед Расселлу, — проворчал он Это верно?

— Да.

— Почему?

Ее сердце просто громыхало в груди.

— Мы разошлись.

— Почему?-настаивал он.

Она уже собиралась дать какое-то неуклюжее объяснение, когда что-то-какое-то подспудное мятежное чувство-заставило ее сказать:

— Я встретила другого.

Лицо отца изобразило изумление.

— Вот как? Кого же?

Одри проглотила ком в горле. Надо же было проговориться...

— Ты... ты его не знаешь.

— Как его зовут? Где ты его встретила? Чем он занимается?

— Я... э... его зовут Эллиот Найт. Он живет на Эвелон-Бич и у него есть средства.-Одри благоразумно решила не говорить, где она встретила Найта. Она не думала, что отцу понравилось бы, скажи она, что Эллиот подцепил ее в кафе.

— Ты хочешь сказать, что он богат?

— Полагаю, что да.

— И он заинтересовался тобой?

Одри была в большой тревоге. Отец знал, что Расселла интересовали только ее деньги. И все же не препятствовал продолжению их связи. Ее самооценка опять резко понизилась. Ни один мужчина не интересовался ею ради нее самой. Единственная подлинная эмоция, которую она вызвала у мужчины, была жалость. Именно из жалости Эллиот поспешил ей на помощь, поцеловал ее, привез домой. Из жалости...

Она чуть не расплакалась от отчаяния. Но отец пристально смотрел на нее, и какая-то новая сила, рожденная, вероятно, недавним горьким опытом, заставила ее держать подбородок высоко, не опускать глаз и сказать:

— Очень заинтересовался.

— Тогда почему ты не пригласишь его на свой день рождения

— Пригласить кого?-спросила Лавиния, вplывая на веранду в своем любимом черном сатиновом неглиже. Высокая, роскошно сложенная, с длинными вьющимися черными волосами, опускающимися на плечи, она была весьма привлекательной и выглядела очень чувственно.

— Доброе утро, дорогой, — она наклонилась, чтобы поцеловать мужа в лоб, потом двинулась к боковому столику и налила себе кофе.

Одри следила за ней с нескрываемой завистью. Как это здорово-быть бы такой элегантной, уверенной в себе, такой чертовски сексуальной!

— У Одри новый приятель-объяснил отец со смесью удивления и отеческой гордости.-Она утверждает, что он очень заинтересовался ею.

Одри сделала гримасу. Да, она действительно попала как кур в ощип.

Лавиния резко повернулась и недоверчиво уставилась на нее.

— В самом деле? Мы его знаем?

— Я уже спрашивал. Нет, не знаем. Состоятельный молодой повеса, судя по всему.

— Но где Одри могла встретить такого типа?-с усмешкой спросила Лавиния.-Она же совсем не вращается в общественных кругах Сиднея. Не то чтобы кто-то мешал ей-просто это ее никогда не интересовало. "Ты уверен, что она говорит правду? Все это очень странно...

Одри терпеть не могла, когда отец и Лавиния говорили о ней в третьем лице. Обычно она смирялась с этим или уходила. Но не сегодня утром.

— Зачем это я стала бы лгать, Лавиния?-с вызовом спросила она. '

— Действительно, зачем?-удивилась Лавиния.

— Я просто счастлива рассказать вам об Эллиоте. Спрашивайте.

Лавиния приподняла свои тонко очерченные брови и с чашкой в руке лениво прошла на свое место за столом.

— Ну?—нетерпеливо продолжила она.—Расскажи же нам, где вы познакомились?

Одри сглотнула слюну, и новообетенная храбрость покинула ее:

— Я... э... Я...

Насмешливый огонек в черных глазах Лавинии вынудил Одри собраться с последними силами.

— Мы познакомились на вечеринке в прошлую субботу, — воспользовалась она ложью, сказанной Эллитом Расселлу.—Но только не в последнюю, а неделю назад.

— Но в ту субботу ты не выходила из дому, — уличила ее Лавиния.

Одри обратилась за помощью к своей памяти. В ту ночь отец и Лавиния ходили в свой клуб. Вернулись они далеко за полночь и наверняка не проверяли ее комнату. Элси была единственной из прислуги, ночевавшей в доме, но она ложилась рано.

С бьющимся сердцем она ухитрилась беспечно пожать плечами.

— Я не собиралась выходить, но, когда вы ушли, мне позвонила старая школьная подруга и пригласила на импровизированную вечеринку у себя дома. И я очень рада, что пошла. Эллит — очаровашка.

Но от Лавинии не так легко было отделаться.

— Если этот Эллит так заинтересован тобой, почему он позволил тебе хандрить дома весь уик-энд? Почему он не пригласил тебя куда-нибудь.

— Он уезжал кататься на лыжах. А я не поехала. Я ненавижу лыжи.

—Кажется, у Одри все налаживается наконец, — проговорил отец под несомненным впечатлением от услышанного.—Можем ли мы надеяться на скорую помолвку?

Одри покраснела.

— Ну ты скажешь, папа! Мы же едва знакомы...

— На мой взгляд достаточно долго. И когда этот твой Эллит вернется с катания на лыжах?

— Сегодня, — ответила она с удивившей ее саму бойкостью; по мере того как она набиралась опыта, лгать становилось все легче. — К вечеру.

— Тогда ты сможешь позвонить ему сегодня, — поспешно вставила Лавиния, — и пригласить на свой день рождения.

— Но я... Впрочем, конечно...

— Послушай, Одри!—не без раздражения проговорил отец.—Девушка в наши дни вполне может позвонить своему мальчику. К тому же речь идет о твоём совершеннолети. Я уверен, что молодому человеку и в голову не придет, что ты охотишься за ним, если ты пригласишь его на свой день рождения.

Одри простонала про себя: чего доброго они еще захотят, чтобы она позвонила в их присутствии.

— Разумеется, если ты полагаешь, что Эллиот не придет...-произнесла Лавиния, растягивая слова.

Одри пристально поглядела на мачеху. Странно, но ей всегда казалось, что Лавиния любит ее. Но просто невозможно было не заметить злобный блеск ее глаз и сарказм в голосе. Это прибавило Одри решимости, о которой даже не подозревала.

— Не беспокойся, — огрызнулась она, — обязательно придет...

Самодовольство Лавинии было поколеблено, и Одри почувствовала удовлетворение. Она заставит Эллиота придти, даже если это будет последнее, что она сделает в своей жизни. Она его уговорит, подкупит чем-нибудь. Если же ничего не получится, придумает какую-нибудь новую ложь.

... Просто удивительно, как десятичасовая отсрочка могла поколебать решимость человека. Когда вечером Одри приблизилась к ночному столику у кровати, на котором стоял телефон, руки ее тряслись. Она села на одеяло и уставилась на лежавший на подушке раскрытый телефонный справочник и на обведенную в нем кружочком фамилию.

НАЙТ Э. Г. Единственный Э. Найт в справочнике, живущий в пригороде Эвелон. Это должен быть он.:

Сделав вдох и стараясь унять дрожь в руке, она потянулась к телефону, сняла трубку и отстучала на кнопках номер в резком стаккато. На другом конце линии послышалось мучительное «зннн... зннн...».

Может ли он быть дома в шесть вечера в понедельник, взволнованно думала Одри, слушая "гудки. Должен быть, уговаривала она себя. Еще рано идти на обед и достаточно поздно, чтобы вернуться домой, если он уходил в течение дня. В шесть часов вечера в июле в Сиднее было уже темно-зима в полном разгаре. С каждым гудком ее волнение возрастало. Одна ее половина жаждала, чтобы он ответил. Другая надеялась, что он отправился в Швейцарию до конца зимы.

На седьмом гудке кто-то поднял трубку. Одри задержала дыхание.

Мужской голос назвал номер, который она только что набрала.

Она шумно выдохнула задержанный воздух.

— Эл... Эллиот?

Последовало короткое молчание, которое довело внутреннее напряжение Одри до предела.

—Одри? Это вы?-спросил он таким голосом, словно был недоволен ее звонком. Этого ей и следовало ожидать.

— Да, это я, — произнесла она и впала в тягостное молчание.

— Ну так?-попытался он подогнать ее. — Чем я могу быть вам полезен?-Голос его был холоден, и она внезапно поняла, что сейчас выставляет себя в дурацком свете. Но отказаться от разговора было невыносимо. Она не могла предстать перед Лавинией с известием о том, что

Эллиот не придет.

— У меня проблема...

— Да? Какая же?

Господи, он и не пытался помочь ей.

Ощущение неминуемой неудачи усилилось и охватило все ее существо. Он наверняка ответит отказом. Зачем ей унижаться и просить о чем-то?

Сердце Одри сжалось от боли. Если бы она была красивой и сексапильной!.. Если бы Эллиот не был богат и нацелился бы на ее деньги, как Расселл... Если бы существовал какой-нибудь способ заставить его действительно захотеть прийти!..

— Вы... вы говорили, что я могу позвонить, если мне понадобится помощь.

— Да.

— Она мне понадобилась.

— Какая именно?

Одри сделала глубокий вдох... и «нырнула».

— Помните, я упоминала, что скоро мне исполняется двадцать один? Ну так вот, это произойдет в следующую пятницу, и Лавиния организует для меня обед у нас дома. Я собиралась пригласить Расселла, понимаете ли, и теперь осталась без пары. Вот я и подумала, что... что... Я надеюсь, вы могли бы восполнить отсутствие Расселла.

В ожидании его ответа она задержала дыхание.

— Мне кажется, я выразился достаточно ясно, Одри, — проворчал он, — что я вовсе не гожусь для того, чтобы заменить Расселла в каком бы то ни было качестве.

Одри была рада, что Эллиот не мог видеть румянец, заливший ее щеки. Ей не понравились произнесенные им слова. И она хотела бы, чтобы он выразился иначе. Ибо они вызвали в ее воображении удивительно яркие и возбуждающие образы.

— Не можете ли вы пригласить, кого-нибудь еще?-спросил он расстроенным голосом.-Кого-нибудь вашего же возраста?

— Да нет, — ответила она, делая огромное усилие, чтобы взять себя в руки.-Никого, кем я могла бы гордиться. Неужели вы не понимаете, Эллиот, что я хочу гордиться своим гостем? Это... это очень важно для меня.-Одри почувствовала, что ее последняя просьба была ударом ниже пояса. В отчаянии она преднамеренно сыграла на способности Эллиота сострадать.

В его вздохе слышалась покорность:

— Да, я понимаю. К сожалению... Хорошо, Одри. Скажите мне свой адрес и когда вы меня ждете. И мне неплохо, пожалуй, было бы знать вашу фамилию. Мы ведь так и не были представлены друг другу.

Успех принес не только ощущение победы, но и новое волнение. Он придет. Он действительно

придет! Дрожь неудержимого возбуждения прокатилась вверх и вниз по ее позвоночнику.

Все же она сумела выговорить адрес своего дома в Ньюпорте, свои полное имя и фамилию— Одри Генриетта Фарнсуорт. А также номер своего телефона на случай, если какая-нибудь катастрофа помешает ему прийти. Но, господи, молилась она, пожалуйста-никаких катастроф!..

— Могли бы вы появиться здесь вскоре после семи?-бездыханно спросила-Перед обедом у нас будут коктейли. Ах да, наденьте смокинг. Вечер вполне формальный.

Когда он заколебался, она обеспокоенно спросила:

— У вас ведь есть смокинг, не так ли? Он явно улыбнулся, когда ответил:

— Да, Одри, у меня есть смокинг.

— Я так и думала. Принимая во внимание...

— Что-принимая во внимание?

— Что вы богаты и... э... очевидно, склонны к общению.

— Не очень-то я склонен к этому в последнее время, — пробормотал он.-Хотя, вероятно, мне следовало бы больше быть в обществе. А что будет надето на вас, Одри? Формальный вечер предполагает длинное платье?

— Длинные платья уже не в моде. В ходу длина по икры. Я пока еще не знаю, что надену. В четверг после работы мы собираемся с Лавинией за покупками. Быть может, я куплю что-нибудь блестящее. Лавиния говорит, что блестящее сейчас в моде.

Одри замолчала, чтобы перевести дыхание. Она не отдавала себе отчет в том, что лепетала, — нервы иногда играли с ней такую шутку.

— Вам не приходило в голову, что модное не всегда может подойти вам?-ворчливо заметил он. — Или что Лавиния может выбрать нечто подходящее ей, но не вам?

— Да, — созналась она.-Такое мне приходило в голову.

— Так почему бы вам не купить что-нибудь себе самой, то. Что понравилось бы вам?

Эта мысль слегка как бы опьянила Одри, ибо она совершенно не была уверена в своем вкусе.

— Мне бы, конечно, хотелось, — ответила она несчастным голосом.-Беда в том, что я... никогда не знаю, что купить. Продавщицы постоянно уверяют, что мне идет все, и в результате я прихожу в полное замешательство. Недавно я сама купила себе вечернее платье, а Лавиния назвала его чудовищным. Сказала, что на мне оно выглядит безжизненным и мрачным.

— Какого оно цвета?

— Обыкновенного кремового, из шелковистого материала.

— Какого стиля?

— Ничего особенного. Длинные узкие рукава, обтягивающий лиф, с воротником, низким

вырезом на спине, с расширяющимся книзу подолом.

— Оно осталось у вас?

— Д-да, но...

— Позвольте мне дать вам совет, — резко вмешался он. — Наденьте его! Кремовый-превосходный цвет для вас. Зачешите волосы наверх и наденьте простенькие золотые сережки. И никаких других украшений, даже часов не надо. Неяркие тени вокруг глаз. Побольше румян. Губная помада и лак для ногтей бронзового цвета. Усекли?

— Ну, в общем... но... Но... кто вы такой, — спросила она с нервным смешком, — специалист по женской моде?

— Нет, я специалист по женщинам. Ее сердце сделало перебои. Она не подвергала его слова ни малейшему сомнению.

Впервые Одри захотелось узнать хоть что-нибудь о женщинах в его жизни. Сначала о его старых подружках, потом о его жене Мойре... Была ли она красива? Сексуальна? Искушена? Любил ли он ее до безумия?

Разумеется!-пришел на ум ответ. Одри была озадачена болезненным уколом ревности, вызванным этой мыслью. А ведь она даже не почувствовала по-настоящему ревности, узнав о связи Расселла с Дианой. Только боль из-за того, что его неверность говорила о ее неспособности внушить подлинную глубокую любовь. Однако в отношении Эллиота она испытывала зависть при одной мысли о том, что он был с другой женщиной, не говоря уже о том, что любил ее.

Не означало ли это, что она влюбилась в него? Она надеялась, что нет. Она действительно на это надеялась. Связанное с Расселлом нетрудно было пережить. Эллиот представлял собой совсем иное. В жизни девушки мужчина вроде него мог появиться только один раз, и его невозможно было бы забыть.

— Так обещайте мне, что вы не позволите Лавинии одевать вас, — говорил он тем временем. — Что поступите так, как я предложил.

— Обещаю. И Эллиот... спасибо...

— Не за что.

Он положил трубку, а Одри все еще прижимала свою к уху. Рука ее вновь задрожала, когда она клала трубку на место. В пятницу... Этот день, казалось, удален от сегодняшнего на миллион световых лет...

3

— Можно войти, Одри?

— — Нет-нет, Лавиния, не входи. Я ещё одеваюсь. Не хочу, чтобы кто-то видел меня, пока я не буду готова.

— Ну что еще за таинственность!-сварливо проговорила Лавиния из-за двери. — Сначала ты не пожелала ничего рассказать об этом Эллиоте, которого пригласила. Теперь не позволяешь мне

посмотреть, как выглядишь. Я подумала, не помочь ли тебе с волосами. Ведь ты не пошла сегодня со мной в парикмахерскую, хотя отец и договорился, чтобы тебя отпустили с работы.

— Мои волосы в порядке, — услышала Лавиния в ответ. — Я уложила их сама.

— Именно это меня и пугает, дорогая. Ты же знаешь, как...

— Лавиния! — вскрикнула Одри с необычной для нее напористостью. — Хоть один раз оставь меня в покое!

— Ты не можешь говорить со мной в таком тоне, Одри. Я не понимаю, что с тобой сегодня. Если тебе и исполняется двадцать один, это еще не значит, что ты можешь грубить. Чувство вины пришло к Одри, когда она услышала, как ворчащая Лавиния поспешно отошла от двери. Ей захотелось кинуться за ней, позвать, как-то умиротворить ее. Но она боялась, что Лавиния неодобрительно выскажется о ее внешности и подорвет тем самым то приятное ощущение уверенности, которое с каждой секундой росло в ней.

Одри повернулась, чтобы оглядеть себя еще раз в высоком зеркале и едва поверила своим глазам — так «здоровски» она смотрелась. Кремовое шелковое платье вовсе не обесцвечивало светлую кожу ее лица, как предрекала Лавиния. Наоборот, оно придавало ему мягкий блеск. Очевидность этого бросалась в глаза и осенила Одри:

ярко-красные, розовые и пурпурные цвета, которые побуждала ее носить Лавиния, якобы чтобы придать цвет ее лицу, имели противоположный эффект: делали ее лицо размытым и болезненным.

Что же касается волос... Одри никогда не устраивали ни цвет красного вина, ни мелкие завитки перманента, торчащие во все стороны. Но Лавиния и ее парикмахер настаивали и на одном, и на другом, заверяя ее что натуральные каштановые волосы Одри были слишком редкими и имели мышиный оттенок, что ее маленькое лицо нуждалось в равновесии. Несмотря на определенные опасения, она вняла их совету, ибо на их стороне был опыт и к тому же в те дни такой стиль и цвет были достаточно распространены. Одри судила об этом по многим женщинам. —

Но ей они, очевидно, не подходили.

Сейчас, зачесав копну кудряшек наверх в узкий шиньон, которого избежали лишь несколько прядей, Одри убедилась, что более короткая стрижка и менее объемный стиль подходят ей гораздо больше. Вероятно, лучше будет и более светлый и мягкий цвет. Она решила попробовать это как можно скорее.

Снизу донесся бой дедушкиных часов, пробивших семь раз. Одри проглотила ком в горле, ощущая дрожь нервов в желудке. Эллиот прибудет с минуту на минуту вместе с другими гостями. Ей действительно пора уже спуститься вниз.

И все же она задержалась в ужасе от того, что кто-то может покритиковать ее внешность. Мало же нужно, чтобы подорвать ее новорожденную и хрупкую уверенность! Может, она и не выглядела так хорошо, как думала. Может, она обманывалась тем незначительным улучшением, которого добилась в сравнении с предыдущим кошмаром...

Но не только собственная внешность нервировала ее. Приход Эллиота тоже станет ударом. Отец и Лавиния, вероятно, представляли себе упадочного юного сноба, а не зрелого и лихого мужчину, каким должен выглядеть в смокинге Эллиот. Она надеялась на то, что они не

слишком изумятся и не станут задавать слишком неприятные вопросы. Эллиот и не представлял себе, что ему предназначалась роль горячего поклонника. Без сомнения, он думал, что приглашен в качестве простого друга.

Подавляя вновь обуявший ее нервный трепет, Одри бросила последний взгляд в зеркало, чтобы закрепить свою новую уверенность, и весьма неохотно спустилась по ступенькам.

— Наконец-то, Одри, дорогая!-произнес ее отец удивленным тоном, когда она появилась в дверях огромной гостиной.-Ты смотришься чудесно! Разве она не выглядит прекрасно, Лавиния?

Одри глубоко вдохнула, потом задержала дыхание, когда к ней повернулась Лавиния, проверявшая стаканы и графины в баре. Ее черные глаза сузились, рассматривая ее кремовое платье.

— Действительно прекрасно, — согласилась она, но в глазах читался гнев.

Конечно, кому понравится, когда его изобличают, но все же можно было ожидать, что мачехе должно понравиться, что падчерица прекрасно выглядит на своем дне рождения.

Звонок во входную дверь отвлек Одри от этой мысли.

— Эллиот!-подумала она, и у нее перехватило дыхание.

— Я открою, Мари!-крикнула она, остановив служанку, спешившую к парадной двери через покрытое черным мрамором фойе. Молодая женщина, нанятая на эту ночь, заколебалась, пожала плечами и убралась восвояси.

Сердце Одри громко стучало, когда она повернулась спиной к мрачной Лавинии и поспешила к парадной двери. Но это оказался не Эллиот. Это были Эдуард Херли и его жена Алиса. Высокий, за сорок, Эдуард был управляющим компании «Оборудование для современных офисов» и, значит, непосредственным боссом Одри. То, что она выиграла должность его секретаря в соревновании с Дианой, было одной из причин ревности, проявляемой соперницей. Но Одри знала, что она была более квалифицированным секретарем, чем Диана, и ни в коем случае не считала, что должность досталась ей благодаря семейственности.

— Так-так, — пробормотал Эдуард, осматривая ее широко раскрытыми глазами, — вы выглядите замечательно, Одри. Я не сразу узнал вас.

— Ты, как обычно, говоришь сомнительные комплименты, Эдуард, — упрекнула его приветливая жена.-Но это платье действительно идет вам, Одри. И мне нравится ваша прическа. Она привлекает внимание к вашим чудесным глазам и коже.

Алиса улыбнулась и поцеловала ее в щечку. — С днем рождения, моя дорогая. Надеюсь, вам понравится этот маленький подарок, — она вложила в руки Одри небольшую, но красиво упакованную коробочку.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, — улыбнулась в ответ Одри, подбодренная теплыми и явно искренними комплиментами женщины. Теперь немилосердная реакция Лавинии уже не доставляла ей такой боли.-Позвольте, я возьму ваше пальто.

Она едва успела сделать это, когда в дверь снова позвонили.

— Это Дуайт, — сказал Эдуард.-Он завернул на подъездную дорожку, когда мы были уже на верхней ступеньке. Так что мы не стали его ждать.

Одри признала про себя, что подъем по ступенькам парадного крыльца резиденции Фарнсуортов занимал время, — их было целых тридцать. Дом был относительно новым и, по мнению Одри, довольно показушным. Двухэтажный, не выдержанный в каком-либо определенном стиле, он был украшен колоннами по всему фасаду, не говоря уже об итальянском мраморе и огромных окнах, лишавших комнаты чувства уединенности.

Она предпочитала гораздо больше старый и более уютный дом, принадлежавший семье ее матери. Но не успела просто Лавиния стать Лавинией Фарнсуорт, как настояла на строительстве дома по ее вкусу. Во время очередных летних каникул, когда Одри приехала из школы-интерната, куда ее отправили против ее воли, она обнаружила, что семья переехала в новехонький дом.

Она повернулась и открыла во второй раз. Дуайт Листон-прилизанный и елейный торговый управляющий «Оборудования для современных офисов» и его привлекательная белокурая жена Франсис буквально раскрыли рты, увидев ее. Их реакция благотворно подействовала на и без того растущее самоуважение Одри. Но ничто не могло отвлечь ее от смутного недовольства тем, что Эллиот до сих пор не прибыл. Через плечи своих гостей она окинула взглядом подъездную дорожку и улицу за живой садовой изгородью. Но черного «сааба» не было видно. Но Эллиот, конечно же, не должен был подвести ее!

Дуайт Франсис вместе с Эдуардом и Алисой были проведены должным образом в гостиную, а их подарки положены на специальный столик с богато украшенными праздничным тортом, который выбрала Лавиния. Одри рассеянно выслушала еще несколько щедрых комплиментов по поводу своей внешности, и кто-то вложил в ее руки бокал с шампанским. Однако улыбка на ее лице была неестественной, а уши напрягались в попытке услышать мурлыканье двигателя машины Эллиота. Когда служанка предложила ей какую-то закуску, она взяла и съела, даже не сообразив, что это было.

Поскольку Одри так и не услышала, как подъехала машина, она резко обернулась, когда снова раздался звонок в дверь.

— Полагаю, ты и сейчас захочешь сама открыть дверь, Одри?-язвительно спросила Лавиния.

— Я... э... да, я открою, — Одри изобразила широкую улыбку, чувствуя смущение от необычного поведения мачехи. Это должен быть Эллиот-ведь не хватает только его.

Поставив бокал на стол и поспешив вон из комнаты, она услышала, как Эдуард спросил:

— Эллиот?.. Что еще за Эллиот? Я думал, что Одри выходит в свет с Расселлом?..

Очевидно, до администрации компании еще не дошли слухи о том, что ее отношения с главным торговым представителем остались в прошлом. Диана благоразумно держала язык за зубами всю прошлую неделю. Единственный раз, когда Расселлу пришлось прийти на совещание в кабинет управляющего, он избегал даже взглянуть на Одри, словно она стала для него неприкасаемой.

Впрочем, в этот момент ей было наплевать и на Диану, и на Расселла. Чувство облегчения смешалось в ней с растущим волнением, когда она поспешила к входной двери. И все же оказалась не подготовленной к тем чувствам, которые охватили ее, когда открыла дверь.

Эллиот в элегантном черном смокинге выглядел еще более красивым, чем она его помнила. В руках он держал огромный букет кремово-желтых роз. Одри ничего не могла поделать с собой и откровенно вытаращилась сначала на цветы, потом на него. В течение, казалось, долгой минуты он ответно пялился на нее с ничего не выражающим лицом.

Когда на его лице наконец появилась улыбка, она получилась какой-то кривобокой и довольно забавной.

— Я мог бы сделать карьеру в переделке людей, — сухо произнес он. — Одри, вы просто сногшибательны.

Он нагнулся и слегка притронулся губами к ее щеке.

— Счастливого дня рождения, Золушка. Эмоции не оставляли в покое ее бедное сердце, но постепенно в них воспреобладало чувство несказанной благодарности.

— О, Эллиот, — задыхнулась она. — Благодарю вас. За то, что пришли. За... все... — На ее глаза навернулись слезы.

— Если вы заплачете, — мрачно предупредил он, — я сейчас же спущусь обратно по этим проклятым ступенькам. А это настоящий подвиг. Кто придумал этот чудовищный вход, а? Альпинист? — Он вошел в фойе, затворил за собой дверь и протянул ей цветы.

Она не заплакала. Она рассмеялась. С непривычным для нее безрассудством. Ее друг Эллиот опять пришел к ней на помощь. И она еще раз примет его доброту, оценит и даже насладится ею. Она твердо решила не позволять другим чувствам, которые уже питала к нему, испортить ей вечер.

Взяв розы, она положила свободную руку на сгиб его левого локтя и поспешно повела его в гостиную, чтобы представить гостям. В арке входа она театрально остановилась, сжимая в одной руке цветы и в другой его локоть, и объявила:

— Слушайте все, это-Эллиот.

Все многозначительно замолчали. Глаза мужчин оценивающе сузились, а женщин — откровенно вытаращились. Первой пришла в себя Лавиния, обежав испытующим и откровенно сексуальным взглядом превосходную, элегантно „облаченную“ фигуру Эллиота.

Одри сильнее сжала руку Эллиота, почувствовав, как необъяснимый страх пронзил все ее существо.

Ты его ни за что не получишь, почти зримо сказали ее глаза мачехе.

Взгляд Лавинии на мгновение перекинулся на Одри, пронзив ее насквозь, потом вернулся к Эллиоту. Теперь она не глядела на него так жадно, как в первый раз, но все же и не думала скрывать свою заинтересованность.

Необъяснимая паника не сразу отпустила Одри, а логика не сразу пришла ей на помощь. Лавиния счастлива в замужестве, рассуждала про себя Одри, девять лет, самое большее, что она себе позволяла, это рассеянно пофлиртовать с каким-нибудь мужчиной. И, разумеется, она не собирается преднамеренно соблазнить предполагаемого друга своей падчерицы. Лавиния, конечно же, та еще сучка, решила про себя Одри, но не испорчена же она до такой степени.

— Вот, значит, вы какой Эллиот, — проговорила Лавиния и проскользнула вперед, элегантно протягивая свою красивую руку. — Не могу сказать, чтобы мы много знали о вас. Одри очень скрытна относительно своего нового Поклонника.

Одри почувствовала, как напряглась рука Эллиота. Она опять почти запаниковала и опустила глаза.

— А вы, должно быть, Лавиния, — мягко ответил Эллиот, уронив ее руку после легкого пожатия. — Я бы не сказал того же про вас. Одри хвалилась, какая замечательная у нее мачеха и как вы добры к ней. Не так ли, дорогая?

Одри была поражена тем, как легко комплименты слетали с его губ. Она повернула к нему свое восхищенное лицо. Какой же он добрый человек, подумала она.

Хотя Эллиот улыбнулся ей, у Одри создалось впечатление, что на какой-то момент он смутился. В ту долю секунды, что она смотрела на него, в глубине его прекрасных глаз промелькнул огонек беспокойства. Но он моментально восстановил беспечное выражение лица.

Лавиния явно почувствовала себя неловко. Она была привычна к комплиментам относительно своей красоты, но не материнских способностей. Однако комплимент ее красоте не последовал, несмотря на то что она великолепно смотрелась в ярко-синем креповом платье и таком же жакете, обильно украшенном бисером.

Вместо этого Эллиот взял свободную руку Одри и, держа ее на расстоянии своей руки и все еще улыбаясь ей, сказал:

— Разве не роскошно выглядит сегодня моя девушка?

Потом он снова повернулся к остальным и продолжил:

— Мне, вероятно, следует формально представиться, пока Одри поставит цветы в воду. 'Эллиот Найт, к вашим услугам. А вы, вероятно, мистер Фарнсуорт, отец Одри...

Следующие два часа Одри провела в совершенном наслаждении. Словно бы сон стал реальностью: Эллиот спешил выполнить любое ее пожелание, не отходил от нее ни на шаг, настоял на том, чтобы сидеть за столом рядом с ней и в целом играл роль идеального возлюбленного даже лучше, чем она могла вообразить в своих фантазиях.

И хотя Одри знала, что это была всего лишь игра, она упивалась каждым мигот этой игры. Она даже чувствовала, как расцветает под его взглядом. А ее обычная сдержанная молчаливость время от времени уступала место остроумным репликам, и остальные мужчины награждали ее удивленными и одновременно восхищенными взглядами.

Во время десерта удовольствие, получаемое Одри, подверглось серьезной опасности. На стол подали «Бомбу Аляску», и Франсис Листон, смеясь, заметила, что торт напомнил ей лыжные склоны. Лавиния тут же взглянула через обширный стол прямо на Эллиота.

— Одри упомянула, что в прошлый уик-энд вы, Эллиот, катались на лыжах. На каком курорте вы были? На Гагете? На Тредбоу? Или в Перише Вэли?

Одри хотела было попытаться как-то ловко вывернуться, но страх быть разоблаченной вызвал моментальную панику, погрузившую ее в беспомощное молчание. К счастью, у Эллиота была

неплохая интуиция. Однако он наградил Одри сардонической улыбкой прежде, чем сказать:

— Ни на одном из них. У меня есть дача на озере Джиндэбайн, откуда легко добраться до любого из близлежащих лыжных склонов.

Это произвело впечатление на отца Одри. Лавиния лишь приподняла свои брови.

Однако Эдуард был не из тех, чей такт превосходит любопытство.

— У вас, должно быть, неплохая работа, если вы можете позволить себе держать дом близ снежных полей. Чем именно вы зарабатываете на жизнь? Или мне не следовало бы спрашивать принужденно рассмеялся он.

Одри съежилась от страха.

— Я корпоративный адвокат, — снисходительно проговорил Эллиот. — Работал на крупную международную компанию, но недавно получил значительное наследство и поэтому ушел в долгий отпуск. Осмелюсь сказать, когда мне станет скучно, я вернусь к активной деятельности. Пока же...

— Пока же? — не очень вежливо прозондировала Лавиния.

Одри была зачарована не столько новой информацией об Эллиоте, сколько тем, с каким невероятным обаянием и чувственностью улыбался его рот.

— Пока же, — он повернулся к ней и наградил ее своей лучезарной улыбкой, — меня занимают иные, гораздо более интересные вещи...

Румянец залил щеки Одри. Никто из сидящих за столом не мог бы неправильно истолковать значение сказанного им. Замешательство боролось в ней с безумным наслаждением. Пусть это все было «понарошку». Но даже любовная связь с Эллиотом «понарошку» возбуждала несказанно...

— Не могу не сказать, что завидую вам, — заметил с гримасой Дуайт, вызвав ядовитый взгляд своей супруги, и неуклюже добавил: — Иметь возможность не работать, хочу сказать.

— Послушайте, Дуайт, — экспансивно хохотнул Варвик Фарнсуорт, — ты же любишь свою работу. Ты бы спятил, если бы не проводил десять часов каждый день за своим сверкающим столом, придумывая, как бы половчее продать наши товары.

— Если вы не прекратите разговоры о работе и не приметесь за десерт, — проворчала Лавиния, — он растает.

Все они отдали должное десерту, и Одри с радостью воспользовалась возможностью охладить мороженым свое разгоряченное горло. Она ощущала жар после слов Эллиота. Очень сильный жар.

К своему удивлению, она испытала удовольствие от того, что никого, кажется, не удивил намек Эллиота на то, что они были любовниками. Даже отца. И она поняла причину этого: она похорошела. Удивительно, как внешность женщины может изменить отношение к ней людей, особенно мужчин. На какую-то долю секунды ей подумалось, что, может быть, внимание, оказываемое ей Эллиотом на протяжении всего вечера, не было таким уж напускным...

Но только на долю секунды. Даже если считать, что она похорошела, ей все же было далеко до образа той женщины, которой мог бы увлечься Эллиот.

Думая о нем, она тайком, искоса поглядела на его красивый классический профиль. Ее взгляд бежал линию его сильного прямого носа, опустился на рот, в который он методично загружал ложкой мороженое.

Незаметно для себя Одри полностью погрузилась в наблюдение за тем, как он ел, как его губы захватывали десерт, как кончик его языка высывался, чтобы подхватить капельки мороженого.

Она просто не могла отвести глаз от него, не могла не думать о том ощущении, которое вызвали бы его губы, если бы они снова поцеловали ее и она раскрыла бы свой рот под напором его языка.

Утонченное, трепетное ощущение охватило все ее естество. Она не сдержала внезапного вздоха, чем привлекла к себе косой взгляд холодных серых глаз Эллиота.

Его взгляд с неодобрением и тревогой как бы пытался проникнуть в то, что скрывалось за ее откровенной очарованностью. Внезапно он слегка качнул головой и тоже вздохнул. Одри резко отвернулась и опустила голову. Внутри у нее все перевернулось от замешательства — в его глазах она увидела понимание. Но что он понял? О чем думал?

Она вздрогнула, когда он склонился к ней и прошептал:

— Нет, Одри. Ни в коем случае...

Она заморгала. Ее щеки горели от волнения.

— Ни в коем случае-что?...

С горестным выражением он ответил:

— Послушайте. Вы не такая уж наивная. Только не после Расселла. Вы должны уже знать, что маленькие девочки, играющие во взрослые игры, иногда попадают в беду.

— Я не маленькая девочка, — прошептала она, все еще не уверенная в том, что он имел в виду. Ведь она подумала всего лишь о поцелуе, не больше.

— Вот именно, — согласился он, и даже в его тихом голосе послышался резкий тон. — Вам уже двадцать один и вам следовало бы знать, что не годится смотреть на несчастных мужчин так, словно вы хотите их съесть. Или все наоборот?

Дикие эротические видения ворвались в ее мозг при этих словах, и она пошатнулась как от шока. Неужели это она думала о том, о чем думала, желала того, чего желала? Ведь она была стеснительна в сексе. Стеснительна, заторможена и несмела.

По крайней мере она была такой раньше. С Расселлом.

— Я не собираюсь путаться с вами, Одри, — проворчал Эллиот. — Сегодняшнее представление — одноразовое. Простое одолжение. А теперь ешьте ваш десерт и перестаньте затруднять жизнь нам обоим.

Холодная волна горькой реальности окатила ее, несколько охладила ее разгоряченную кровь,

изгнав из головы эротические фантазии. Что, о Боже, она себе позволяла, испытывая такое откровенное вожделение к Эллиоту? Совсем потеряла голову? Он же расставил все по своим местам в пятницу. Он находил ее слишком юной, слишком неопытной, слишком наивной, слишком уязвимой. И только от того, что сегодня она выглядит чуть более сносно, ничего не изменилось. И на вечеринку он явился только лишь из жалости... Сколько раз ей нужно напоминать об этом?

Одри испытывала унижение. В который раз она вела себя по отношению к мужчине как абсолютная дуручка? Когда же наконец она поймет хоть что-нибудь?

Оставалось единственное убежище для ее стыда и моментально съежившегося самоуважения — поступить так, как она поступала в действительно невыносимых ситуациях. И она как бы впала в спячку. Свернулась внутрь себя самой, сродни улитке, спрятавшейся в своей раковине. Она не будет думать. Не будет чувствовать. И как-нибудь ей удастся выжить...

Тем временем обед все тянулся и тянулся. Участие Одри в общем разговоре ограничивалось односложными репликами и определенно вымученными улыбками. Если Эллиот и обратил внимание на угасание в ней искры божьей, то никак не отреагировал на это. Однако и он казался стесненным, словно сожалел о том, что пришел.

Одри могла понять его. Она жаждала, чтобы вечер быстрее закончился не менее, если не более его.

Но, будучи джентльменом, Эллиот продолжал упрямо держаться рядом с нею, даже когда они вышли из-за обеденного стола и вернулись в гостиную, где она покорно разрезала праздничный торт и развернула свои подарки.

Едва она успела поблагодарить отца за чудесное кольцо с сапфиром, чету Херли за французские духи и Листонов за прекрасную вечернюю сумочку из бисера, когда Лавиния весело объявила, что отец Одри подготовил особый сюрприз для своей дочери.

Выражение лица мачехи вывело Одри из полу-роботического состояния и вызвало в ней нехорошее предчувствие. Немудрено, ибо у нее было выражение кошки, увидевшей мышку и готовившейся полакомиться ею.

— О! — осторожно промолвила Одри. — Что за сюрприз?

— Ни за что не догадаешься, — сказал Варвик Фарнсуорт.

— Никогда в жизни, — добавила Лавиния слащавым, самодовольным голосом.

— Тебе придется выйти на улицу, чтобы увидеть это, — продолжил отец. — Пошли все. Пойдем посмотрим, что я купил моей Одри на совершеннолетие.

Одри замерла. О, Боже, только не это! Конечно, нет! Только не машина! Он же знает, как она относится к вождению. Не может же он быть таким бесчувственным!

Эллиот взял ее под руку, и это вывело ее из оцепенения. Она заглянула в его сильные серые глаза, которые, казалось, говорили: не волнуйтесь, я здесь. Но она была поражена, что не нашла в них утешения. Впервые за вечер ее голова была занята не Эллиотом. Ее мозг возвратился в прошлое, в нем звучали визг тормозов... скрип металла... свой собственный крик.

Очень смутно она почувствовала, как его рука успокаивающе сжала ее холодеющую плоть и повлекла вслед за отцом из гостиной в главное фойе и через парадную дверь во дворик.

И вот оно. У основания этих бесконечных ступенек.

Машина! Ярко-красный седан «магна»!

— Твой папа приказал доставить ее, пока мы обедали, — сообщила Лавиния льстивым голосом. — Спорю, что ты удивлена, Одри.

Одри молчала. Она прилагала усилия, чтобы сдержать ощущение непереносимого ужаса. Как он мог поступить так, если бы любил ее хоть немного? Как он мог?

— Знаю, Одри, ты постоянно твердила, что не желаешь водить машину, — проревел отец в ответ на ее мертвое молчание. — Но мы с Лавинией обсудили это и решили: после катастрофы прошло девять лет, и тебе пора забыть о ней. Если ты откажешься водить машину, это не вернет жизнь твоей матери. Человек должен преодолевать неразумные страхи, а не поддаваться им. Ведь так, Лавиния?

Лавиния улынулась в знак согласия.

— Совершенно верно, дорогой.

Одри ощутила, как паника вновь охватывает ее, и взглянула на Эллиота умоляющими, испуганными глазами.

Он лишь на миг заколебался, потом приобнял ее за талию и притянул к себе.

— Одри онемела от радости. Ведь так, дорогая? — сказал он, растягивая слова. — И вы совершенно правы, Варвик, — современная девушка должна уметь водить машину, «Магна», я знаю, имеет автоматическую коробку — это же восторг, Одри! Я сам научу вас водить, если хотите.

Она часто-часто заморгала и едва слышно промолвила:

— Вы? — В ее голосе чувствовалась боль. Эллиот постарался заверить ее мягкой улыбкой.

— Кому же еще заняться этим? Начнем завтра же. Почему вы не благодарите своего папу за такой чудесный подарок? И свою мачеху? Я уверен, она приняла в этом самое непосредственное участие.

Уж не намекал ли он, что именно Лавиния придумала эту хохму с машиной? Что подарок имел некую предумышленность?

Она в упор внимательно посмотрела на мачеху. Рот Лавинии улыбался, но ответный взгляд был ледяным. Изначальное изумление Одри сменилось откровенным, кипящим гневом.

Ну, я ей покажу, с горечью решила она. И ей, и отцу. Я научусь водить! И стану, черт возьми, самым лучшим водителем по эту сторону Моста! А когда научусь, уеду из их гнилой, эгоистичной жизни!

— Чудесная машина, — выдавила она сквозь зубы. — Я так благодарна, папа, Лавиния... Это именно то, что я хотела.

Широкая, довольная улыбка отца была столь теплой, столь неподдельной, что Одри не

сдержала дрожи. Может, он все же заботится обо мне, подумала она. Когда же он подошел и одарил дочь поистине медвежьим объятием, она почувствовала, что глубоко тронута. Он действительно заботится обо мне, подумала она. В самом деле.

— Я так рад, дорогая, — сказал он, отстранившись от нее. Мне даже полегчало. По правде говоря, у меня были сомнения относительно машины. Но Лавиния оказалась как обычно права. Поздравляю тебя, дорогая!

Он повернулся и протянул руку своей жене. Лавиния взяла руку, но ее улыбка выглядела так, словно была изваяна из бетона.

— Ну, пошли все обратно в дом, — прогрохотал Варвик. — Здесь слишком прохладно. Пойдемте согреемся портвейном.

Одри и Эллиот вернулись в дом последними. Закрыв за собой дверь, она повернулась к нему.

— Становится уже как бы моим обычаем благодарить вас, — произнесла она вполне спокойно, обретая новую решимость. — Но благодарю еще раз.

— Завтра, наверное, уже не будете благодарить, — сухо отозвался он. — Говорят, мужчина ни в коем случае не должен учить свою подругу вождению.

Одри была ошеломлена.

— Но я не...

Дальше ей ничего произнести не удалось — он наклонился и слегка поцеловал ее в губы.

— «Большие уши» слушают, — прошептал он, разомкнув свои губы. — Ты же не хочешь, чтобы дорогая Лавиния поняла, в чем дело?

Потом произнес громким голосом:

— Пошли, Одри. Я еще не вручил тебе свой подарок. Уж не подумала ли ты, что я отделаюсь одними цветами?

Одри все еще не могла опомниться от его поцелуя, когда он нанес следующий удар. Но она была уже не в состоянии протестовать, когда он взял ее за локоток и ввел обратно в гостиную, где уже собрались все остальные, вытаскивая на ходу из кармана смокинга небольшую, обклееную вельветом коробочку. Открыв крышку, он вложил ее в руки Одри.

Она недоверчиво уставилась на золотое ожерелье, и ее сердце учащенно забилося. Это был далеко не дешевый подарок. Он стоил сотни долларов. Одри подняла на него изумленные глаза.

— Именно поэтому я просил тебя не одевать никаких украшений кроме золотых сережек, — лениво пояснил он. — Чтобы я мог сделать вот это...

Он поднял тяжелую цепочку из ее вельветового гнезда, повернул Одри спиной к себе и закрепил ожерелье на ее шее.

Мурашки побежали по всей ее коже, когда она почувствовала легкое прикосновение кончиков его пальцев к своей обнаженной плоти. Она зажмурилась в попытке взять под контроль свое собственное воображение, чтобы оно не разыгралось и не представило себе, каково это будет,

почувствовать, как его пальцы пробегают по всему ее телу:..

Она падала в пропасть...

В конце концов ее ресницы раздвинулись, щеки порозовели, а сердце забилося. Ей следует прекратить свое бесполезное фантазирование насчет Эллиота! Разве она не знала, что не могла сказать или сделать что-либо, чтобы заинтересовать в себе такого мужчину, как он? Такие красивые «корпоративные адвокаты» не клюют на девушек вроде нее, даже если эти девушки более или менее привлекательны и унаследовали миллион или два. В постель они увлекают волнительных, чувственных, обалденно опытных женщин. Женщин вроде...

Против воли ее глаза вновь обратились на Лавинию...

Каким-то непостижимым образом Одри уже знала, что ее мачеха не смотрит на золотое ожерелье, как остальные. Ее угольно-черные глаза были прикованы к Эллиоту, и на ее лице была написана откровенная зависть. Не по отношению к ожерелью, сообразила Одри, а к тому, кто его подарил.

4

Голова Одри автоматически повернулась, чтобы убедиться в том, что Эллиот обратил внимание на похотливый взгляд Лавинии. Его глаза отвлеклись от чего-то или от кого-то и слегка нахмуренно встретили ее ищущий взгляд. С секунду он пристально, но невидяще смотрел на нее, потом его лицо прояснилось и он вновь обратился к Одри.

— Тебе не нравится мой подарок? — спросил он, кивая на золотое ожерелье.

Ответить ей помешал отец, шумно хлопнувший Эллиота по плечу.

— Разумеется, нравится! Но будьте осторожны, молодой человек. Стоит только начать дать женщине драгоценности, и она затащит вас к алтарю прежде, чем вы успеете сообразить что-нибудь.

— Ну, папа, — упрекнула Одри, покраснев от смущения.

— В самом деле, Варвик, не смеши, — язвительно подхватила Лавиния. Они только-только познакомились. К тому же я не могу представить себе, чтобы мужчина вроде Эллиота отказался так легко от своей холостяцкой свободы.

— Вот как, Лавиния? — убедительно спокойным, голосом спросил Эллиот, поворачиваясь к ней. — Вас, наверное, удивит это, но я уже побывал в супружестве. Разве Одри не сказала вам? Я же вдовец.

Наступило ощутимо наэлектризованное молчание, пока Эллиот не продолжил и вполне спокойно не рассказал о трагической смерти жены. Его слова вызвали поток сочувственного шепота, но и немало новых вопросов, благодаря которым стало известно, что покойная миссис Найт была известной детской писательницей — М. С. Туэйтс. Эта новость просто сразила Одри. Пару лет назад она видела М. С. Туэйтс по телевидению, когда одна из ее книг получила какую-то премию. Леди не только выглядела простовато, но и была по меньшей мере лет на десять старше Эллиота.

— Но ей ведь было около сорока, когда она умерла? — заметила Алиса, подтвердив удивление Одри.

— Верно, — согласился Эллиот.-Мойра была на несколько лет старше меня.

— Больше, чем на несколько, — как всегда бестактно вставил Эдуард.-Вам ведь немного больше тридцати?

— Всего лишь тридцать три...

Одри постаралась не показать своего шока, но у нее закружилась голова. Она-то представляла себе Мойру сногшибательным, утонченно женственным созданием, которую Эллиот любил до безумия. Женщиной вроде Лавинии. Но Одри никак не могла вообразить его безумно влюбленным в несомненно умную, но слишком уж домашне выглядящую писательницу.

Жуткие подозрения возникли в ее мозгу, но она постаралась отделаться от них. Ее Эллиот просто не мог жениться на богатой, старой и больной женщине только ради ее денег! Он просто не мог этого сделать! К тому же он говорил, что любил свою жену. Разве нет? Или только отрицал, что женился на деньгах? Она пыталась вспомнить...

Кто-то включил проигрыватель и поставил пластинку с ритмической музыкой, и Одри смутно услышала, как Лавиния приглашала всех потанцевать.

— Хватит хмуриться, новорожденная, — прошептал Эллиот в ее ухо.-Потанцуй со мной. Все только этого и ждут от нас.

Одри взглянула на открытое красивое лицо Эллиота и вдруг почувствовала себя виноватой в том, что сомневалась в этом мужчине, который был так добр к ней раньше и все еще оставался добр сейчас

— Ладно, — благодарно улыбнулась она, — но я не очень хорошо танцую.

— Не волнуйся. И я не балерун.-Однако он довольно уверенно взял ее в свои руки и мягко повел по фойе, мраморный пол которого представлял собой прекрасную танцплощадку.

Одри приложила максимум усилий, чтобы танцевать как можно лучше. Но ощущение вплотную прижатого к ней стройного, мускулистого тела отвлекало ее, в конце концов она запуталась в его ногах и пришла в окончательное уныние.

— Прошу прощения, — запинаясь, произнесла она.-Я так неуклюжа...

— Не глупи, — откликнулся он и сжал ее еще — сильнее в своих руках, прижал еще ближе к себе. Но перестал передвигать ее быстро по полу, ограничив их движения еле заметным покачиванием и кружением. Вскоре Одри полностью погрузилась в чувственное тепло его объятий, расслабилась, закрыв глаза, угнездив свою голову под его подбородком и наслаждаясь каждым мигот этого танца. Она не питала иллюзий насчет того, что Эллиот не считал для себя нормальным пребывание в ее объятиях. Но ведь она уже решила не думать так сегодня ночью. Сейчас же он принадлежал ей. Если он мог так притворяться, то она могла притворяться не хуже. Внезапно музыка смолкла. Глаза Одри распахнулись. Взглянув через плечо, она увидела Лавинию, стоящую у проигрывателя и холодно глядящую на нее. Изобразив широко улыбку, Лавиния весело объявила:

— Варвик уже открыл портвейн. Кофе тоже подано для тех, кто предпочтет его.

Эллиот пробурчал что-то про себя. Одри послышалось нечто вроде «сучка», но она не могла быть уверена в этом. Когда Эллиот высвободился из ее объятий, на его лице было неумолимо

холодное выражение.

— Не желает ли леди кофе? — предложил он с галантным поклоном, вытянув в ее сторону руку.

Одри засмеялась и взяла его за руку. Однако остаток вечера и удовольствие от присутствия Эллиота были испорчены взглядами, которые бросала на них мачеха. Кислые — на нее и соблазнительные — на него. Одри была словно на иголках, ожидая чего угодно от этой Лавинии. Та даже нашла случай, чтобы присесть рядом с ним, и даже обнаглела до того, что положила — этак небрежно — свою руку на его бедро. Эллиот даже не моргнул. Одри захотелось выцарапать своей мачехе глаза.

По-своему она была даже рада, когда вечеринка вскоре после полуночи, наконец, закончилась, и гости пошли по домам, хоть ей и очень не хотелось, чтобы Эллиот уходил.

Однако он задержался после ухода гостей, и отец сделал поспешное заключение о том, что Эллиот хотел побыть наедине с Одри. Поэтому кивнул и подмигнул в знак того, что они с Лавинией поднимутся наверх и «оставят молодых». При этих словах Лавиния побагровела и саркастически возразила в том смысле, что в тридцать семь она еще не чувствует себя старой. Варвик проигнорировал ее и, взяв за руку, вывел из комнаты.

После их ухода Одри сделала дрожащий выдох и прошептала:

— Очень прошу извинить меня, Эллиот. Они сидели на софе, потягивая последние капли кофе, однако на некотором расстоянии друг от друга. Эллиот бросил на нее невыразительный взгляд.

— Извинить за что?

— За то, что ввергла тебя в подобную ситуацию. За то, что тебе пришлось отвечать на все эти вопросы. И за Лавинию...

— Ах да, Лавиния... Она вела себя весьма откровенно, а?

Одри почувствовала себя несчастной и призналась:

— Да уж...

— Будем надеяться, что твой отец ничего не заметил.

Одри наблюдала, как он сделал последний глоток кофе и поставил чашку. Поразительный мужик, во всех отношениях! Все в нем было замечательно — внешность, поведение, сдержанная уверенность. Его даже не очень заботило то, что с ним обходились как с объектом сексуального желания.

— И часто... такое... случается? — поинтересовалась она.

Он пожал плечами:

— Скажем так — чаще, чем хотелось, бы.

— Не надоедает? — резко спросила она, дав волю своей ревности.

— Ага, — согласился он с нескрываемым отвращением, несколько приободрив ее, пока она не вспомнила, что она сама была виновата в похожем поведении за обеденным столом: Щеки ее

сильно покраснели. Неужели Эллиот мог поставить ее вровень с Лавинией? Ведь она не была низменно похотлива. Она любит этого мужика. В этом она была уверена уже тогда, когда открыла ему дверь сегодня вечером. Настолько уверена, что едва не закричала об этом во весь голос.

Установилась весьма напряженная тишина, заставившая усиленно забиться сердце Одри.

Внезапно Эллиот поднялся на ноги, вынудив ее смотреть на него снизу вверх.

— Мне пора идти, — произнес он сухим голосом. — Мне необходим восьмичасовой сон, если я должен быть в форме наутро в качестве инструктора по вождению.

У нее сжалась грудь-она совсем забыла о машине. И об уроках вождения. О, господи... Она уже не знала, что хуже: попытаться преодолеть свой страх перед машиной или продолжать видеться с Эллиотом. И то, и другое причинит ей боль: одно из прошлого, другое из будущего.

Одри прикрыла на минутку глаза, потом открыла их и встала.

— Вы... ты вовсе не обязан делать это, знаешь, — проговорила она придушенным голосом, смотря на него незащищенными глазами. — Я могу обратиться в школу вождения.

— Ты предпочитаешь? — мягко спросил он. Она постаралась не отвести глаз и спрятать эмоции, которые, чувствовала она, могли отразиться в них.

В конце концов она не смогла солгать.

— Нет, — призналась она, — я бы предпочла, чтобы ты учил меня.

Он не сказал ни слова, нахмурил брови и не спускал с нее своих серых глаз. Она почувствовала неловкость, ощутив себя слишком близкой к нему.

— Я понимаю... ты на самом деле не хочешь этого, — продолжила она дрожащим голосом. — Ты просто демонстрируешь свою доброту ко мне.

Мышцы на его челюстях вздрогнули.

— Разве это преступление-быть добрым?

— Нет... Но никому не нравится, когда его жалеют! — вспыхнула она. Он расстроено вздохнул.

— Кто сказал, что мое чувство к тебе-жалость?

— О, будь честным, Эллиот! — вспыхнула она опять. — Неужели ты думаешь, я не понимаю, почему ты пришел сегодня, почему ты прикрыл меня, даже почему ты подарил мне это красивое ожерелье?

Она притронулась к нему дрожащими пальцами.

Он наклонился и взял ее за плечи с почти гневным выражением лица.

— Ты и понятия не имеешь, почему я явился сюда сегодня, — проворчал он. — Ты вовсе ничего не знаешь обо мне, за исключением того, что навоображала своей идеалистической головкой. Я совсем не добрый человек, Одри. Во все нет. Но я человек честный. Конечно, я жалел тебя. Почему бы и нет? У тебя были неприятности. Тебе нужен был кто-то на твоей стороне, и я

предложил себя

Но если ты принимаешь меня за «белого рыцаря», то ты заблуждаешься. Я могу быть черным, как любой сукин, сын. Даже хуже, чем твой Расселл!

Он издал горький смешок.

— Желаешь еще немного честности? Так вот, ты совершенно права: я не хочу учить тебя вождению. Я даже не хочу тебя видеть вообще. Но не по тем причинам, которые тебе подкидывает твой комплекс неполноценности. Совсем наоборот. Меня беспокоит перспектива, что в конце концов я совращу тебя, маленькая, глупенькая дурочка.

Одри изумленно заморгала. Что такое он сказал? Что он считал ее привлекательной и даже желанной? От этой мысли ее сердце бешено забилося.

— Даже сейчас мною владеет сумасшедшее желание поцеловать тебя, — продолжал бушевать он, все сильнее сжимая ее плечи. — Беда в том, что я не пожелаю остановиться на поцелуе. По мимо своей воли я захочу почувствовать мягкую плоть в своих руках. Мягкую... теплую... влажную... женскую... плоть. Я захочу погрузиться в эту плоть, потеряться в ней. Трогать ее... пробовать на вкус...

Голова у Одри закружилась... Ей не оставалось ничего иного, как стоять перед ним, глядя вверх в его глаза, чувствуя, как возбуждение перехватывает ее дыхание, как его откровенные слова разжигают ее пылкое воображение, как горячо бежит кровь по ее жилам.

Нестерпимо долго его серые глаза пялились на нее. Потом его голова пришла в движение, опускаясь к ней, со страстным взглядом, прикованным к ее рту.

Ее губы раскрылись в беззвучном вздохе.

Он сейчас поцелует меня, подумала она, задыхаясь от предвосхищения.

Но он неожиданно выпрямился, дрожь пробежала по всему его телу, его руки отпустили ее, и он отступил назад.

— Дьявол все возьми, — проворчал он. — Я не могу. Не должен.

— П-почему нет? — не сдержала она страстного желания. — Я... я хочу, чтобы ты поцеловал меня, — договорила она, содрогаясь в ожидании.

Он готов был поддаться искушению. Она видела: он уступал искушению. Его глаза были прикованы к ее рту, все его тело вибрировало от напряжения, которое наполнило электричеством всю комнату. Одри внутренне сжалась и задержала дыхание, не осмеливаясь и вообразить себе, что произойдет в следующую секунду. Она сама еще не была в полном согласии с тем, что она только что сказала. О господи, никогда еще не вела она себя "столь бесстыдно!

Но в последнюю секунду он застонал и отвернулся. Его руки заметно тряслись, когда он запустил их в свои густые темные волосы. Еле слышно он произнес вульгарное слово, потом поспешил к столу и наполнил стакан из одного из графинчиков, стоявших рядом с остатками торта. Кажется, кукурузным виски.

С открытым ртом Одри наблюдала, как он одним глотком влил в себя виски. Что это он

надумал, безвольно подумала она. Но когда он снова повернулся к ней с глазами, излучающими свирепое раздражение, она нервно отступила назад.

— Неужели ты ничему не научилась от Расселла?-бросил он ей через разделяющее их пространство.-Ради Бога, Одри, не предлагай себя так откровенно мужчинам, которых ты совсем не знаешь.

— Но я... я знаю тебя, — в смятении запротестовала она.

— Что ты знаешь?-усмехнулся он.-Мой возраст? Мое гражданское состояние? Мою профессию? Что-все это говорит тебе о том, какой я на самом деле человек? Ни фиги!

— Я знаю, что ты добрый и хороший, — настаивала она на своем.-Я знаю, ты не причинишь мне преднамеренной боли.

Он горько рассмеялся.

— Ты не прислушалась ни к одному сказанному мною слову.

Он медленно двинулся в ее сторону с насмешливым выражением лица.

— И вовсе-то я не такой. Просто я страдаю больной совестью после жизни, прожитой с такой женщиной, как Мойра. Что-то из ее характера оставило глубокий след в моей душе. Но я сомневаюсь, чтобы это продлилось долго. Да я, — речь его замедлилась, а глаза опустились на ее груди, вздымавшиеся и опадавшие под обтягивающим их кремовым шелком, — уже чувствую, как слабеет моя сопротивляемость...

Ее обдало жаром, соски стали торчком под его обжигающим взглядом.

— Добрый и хороший?!-усмехнулся он, рванулся к ней, схватил ее, прижал к себе, обволакивая ее, дрожащую и податливую, своим, ставшим до ужаса твердым телом.

— Добрый и хороший!-повторил он, смеясь, скользя руками вверх, беря ее шею прямо-таки в борцовский захват.-Разве добрый и хороший мужчина стал бы делать такое?

Его горячий и агрессивный рот накрыл ее губы. Без намека на компромисс. Без намека на суетливость. Он требовал и брал, не терпя никаких возражений, никакого сопротивления. Он раздвинул ее губы, навязал ей свой проникающий язык с агрессивной властью, которая оставила ее бездыханной.

Не о таком поцелуе мечтала Одри, совсем не о таком. Но пока душа ее была шокирована, даже напугана насильственностью его действий, ее чувства, ее вожделение к этому мужчине не позволяли ей оставить без ответа такое страстное нападение. Через секунду она уже отвечала, ее собственное желание разгоралось с поспешной готовностью, ее губы сами раздвинулись еще шире. Ее руки пришли в движение, обвились вокруг его мощного мужского торса и сжали его со всей силы.

Его рот с громким судорожным вздохом оторвался от ее губ, словно шокированный ее готовностью, но быстро вернулся к своему естественному делу, на этот раз еще нежнее, предлагая Одри образец подлинно сексуального поцелуя. Теперь Эллиот откровенно совращал ее, его язык вступил в хитрую игру с ее языком, его руки убаюкивали ее голову. Его большие пальцы начали потирать ее уши, мочки, заставив ее содрогаться от наслаждения. Он поворачивал ее голову в одну, потом в другую сторону, исследуя различные части ее рта, и

каждый поворот его языка вызывал трепетные волны жара и возбуждения во всем ее естестве.

Стало трудно думать. Все труднее и труднее. Она единственно отдавала себе отчет в том, что это совсем не походило на испытанное с Расселлом. Ни малейшим образом.

Когда из глубины ее горла вырвался стон, Эллиот вздрогнул и еще больше вжал ее в себя. Одна его рука продолжала играть с ее волосами, а другая скользнула по ее спине, на выпуклости ее ягодиц. Она почувствовала через платье жар его руки, которая охватила одну половинку, сжала ее, подняла все ее тело и прижала к себе. Почувствовала, как напряглось его естество.

И опять его рот оторвался от ее рта, на этот раз, чтобы провести влажный, опустошающий след на ее шее. Она задохнулась и как бы замычала, когда он стал всасывать ее плоть, и откинула голову назад в откровенном признании охватившего ее экстаза. Ее дыхание совсем прервалось, когда он подхватил ее на руки и понес вон из гостиной.

— Где твоя комната?—просипел он, уже пересекая фойе и направляясь к лестнице.

— Пер... первая на... право, — запинаясь, ответила она, ошеломленная на миг той скоростью, с которой все происходило.

И только когда он начал подниматься, перешагивая через две ступеньки, она вспомнила о единственном препятствии, которое должно было помешать его очевидным намерениям.

— Эллиот!—выдавила она из себя.—Нельзя! Боль отчаяния в ее голосе наконец дошла до него, ибо он остановился и уставился на нее глазами, совершенно ей незнакомыми. В этот момент не осталось ничего от холодной утонченности в их бушующей серой глубине.

— Что значит «нельзя»?—пробурчал он. — Что может нас остановить?

— Я. В смысле я... У меня «гости», — еле слышно ответила она. —

— «Гости»?—тупо повторил он и закрыл глаза.

— Я очень сожалею, — прошептала она, смущенная до глубины души и физически несчастная. Неужели он мог подумать, что она не хочет его тоже? Мой Бог, ей было даже больно-так она его хотела.

— Она сожалеет...—он потряс головой и открыл глаза. Выглядели они ужасно.

— О, господи, — выдохнул он и опустил ее на первой площадке на пол.

Повернувшись, ухватился за поручень и несколько раз глубоко вздохнул. Испустив последний дрожащий вздох, он повернулся и попытался успокоить ее искренне извиняющимся взглядом.

— Мне следовало бы извиниться. Что за дьявол вселился в меня? Я даже не подумал о противозачаточных. Поверь мне, Одри, Мать-Природа только что спасла тебя от самой большой ошибки в твоей жизни!

С разрывающимся сердцем она глядела на него. Она-то видела все в ином свете. О, она понимала, что он не любит ее и, вероятно, никогда не полюбит. Но с этим она не могла ничего поделать, как не могла и переменить свои чувства к нему. Она любила его-до безумия-и берегла бы, — как сокровище, воспоминание о минутах, проведенных с ним в постели. Может, ничего и не последовало бы после, но по крайней мере один раз она побывала бы с ним в

постели.

Но где там!.. Судьба не была достаточно предрасположена к ней, чтобы предоставить хотя бы мимолетное счастье...

Она едва не заплакала, когда он взял ее лицо в свои теплые и нежные руки.

— Это и к лучшему, — мягко проговорил он. — Тебе следует искать любви, Одри, а не просто секса. А по правде говоря, в данный момент я не гожусь для любви. Дать молодой уязвимой девушке вроде тебя только одно, без другого, было бы преступно, особенно когда прошло так мало времени после твоего опыта с Расселлом.

Одри пыталась пролепетать что-то насчет того, что ей было абсолютно наплевать на Расселла, но он заставил ее замолчать одним взглядом.

— Если ты думаешь, что мне легко говорить такое, — мрачно продолжил он, — то ошибаешься. Самым легким было бы взять и использовать тебя, потом сказать тебе однажды, что в твоих услугах больше не нуждаются и что я меняю тебя на кого-то еще. Поверь мне, я знаю тип мужчин, которые именно так и поступили бы. Я сам был таким на протяжении многих лет и мог бы стать таким снова. Обязательность не моя природная черта.

Шокированная, Одри моргала, глядя на него. О чем он говорит? О том, что до женитьбы был неисправимым Дон Жуаном, бессердечным Казановой? И хотя его внешность и сексапильность вполне могли сделать из него бабника, она не могла поверить, что он таким и был. Черствый повеса ответил бы на сексуальные притязания Лавинии. И ему было бы наплевать, на эмоциональное и физическое состояние юной девушки. Может быть, он и был когда-то хамом, но не оставался таковым. Его поступки говорили о нем больше, чем его слова.

— Ты слушаешь меня, Одри? — спросил он нетерпеливым голосом.

— Я?.. Да...

— Мне показалось, что ты не слушаешь. Скажу проще: я не собираюсь спать с тобой. Я буду тебе другом, если ты еще хочешь этого. У тебя, похоже, немного друзей. Но ради бога, не усложняй наши отношения и не влюбляйся в меня. В любом случае это будет только рикошет после Расселла. Сначала нащупай твердую почву под ногами, а потом уже бросайся в новый роман. Со временем появится новый мужчина, примерно твоего возраста, который действительно полюбит тебя и не причинит тебе боли. Пока же...

Ее сердце подпрыгнуло.

— Пока-что?

Его губы обнажили зубы в циничной усмешке.

— Пока что я постараюсь не наскакать на тебя во время уроков вождения. Ты кажешься очень чувственной девушкой, которую легко зажечь. Почему Расселл назвал тебя скучной в постели, не могу понять! Вероятно, мне придется заняться бегом трусцой... или, может быть...

Его глаза затуманились в задумчивости.

Сердце Одри сжалось, когда она сообразила, что он рассматривал возможность завести себе любовницу, — какую-нибудь опытную женщину, которая удовлетворит его половые

потребности и сделает его таким образом «безопасным» другом для нее.

Опустошенность заполнила ее. Тебе не нужно этого делать, хотелось ей крикнуть ему. Я уже не наивна и неуязвима, как раньше, — вот в чем дело. Я понимаю, что тебя интересует только секс. Я понимаю. Но я ничего и не требую взамен. Единственное, чего мне хочется, это лечь с тобой и утешить тебя. Не растрачивай напрасно мою любовь! Не дай ей съежиться и умереть без наслаждения, без попытки, без исполнения желаний!..

Она открыто смотрела в его прекрасные глаза, и эти слова рвались из ее сердца. Но она ничего не сказала, и ее опустошенный вздох вывел Эллиота из задумчивости.

— Тебе лучше пойти баиньки, Одри, — сказал он. — Ты выглядишь утомленной.

Она покорно кивнула, ненавидя себя за молчание. Но логика подсказывала ей, что она напрасно потеряла бы время, предлагая себя Эллиоту в качестве любовницы. Он не сказал бы «да». Она пыталась уговорить себя: это из-за того, что он пытался уберечь ее от беды. Но давно знакомый голос нашептывал ей: если бы она была действительно красивой и сексуальной, он не отказался бы от нее так легко...

— Не провожай меня, — тем временем говорил он. — Я знаю дорогу. Десять часов утра не будет слишком ранним началом для тебя?

— Нельзя ли... в одиннадцать? — она предчувствовала, что ей долго не удастся заснуть сегодня ночью, как бы она ни устала.

— Тогда в одиннадцать, — он шагнул вперед и запечатлел весьма платонический поцелуй на ее лбу. — Спокойной ночи, праздничная девушка.

Одри наблюдала, как он выходит из дома, и сердце в ее груди, казалось, опускалось все ниже.

— Ах, Эллиот, — вздохнула она, затем повернулась и вскарабкалась по оставшимся ступенькам к спальне.

Сон действительно долго не приходил к ней.

5

— Ты точно темная лошадка, Одри, раз сумела подцепить такого мужчину!

Лавиния стремительно вошла в кухню — такое чувственное видение в пурпурном вельветовом халате, с длинными черными волосами, сбегающими на плечи.

Одри подняла глаза от своей чашки с кофе к настенным часам, чтобы убедиться, что не потеряла невзначай час или два. Ее мачеха редко поднималась в субботу раньше полудня. Но нет — было только десять сорок пять.

— Ты рано встала, — сказала она, игнорируя ее высказывание насчет Эллиота. Лавиния усмехнулась:

— Я не смогла снова заснуть после того, как Варвик так нашумел, собираясь на свою партию гольфа сегодня утром. И теперь у меня разболелась голова.

Она занялась поисками обезболивающих в аптечке, висящей над холодильником, и, разыскав нужные таблетки, бросила их в рот и запила стаканом воды.

Одри осталась сидеть на табурете у стойки для завтрака, пытаясь проглотить свой кофе как можно быстрее. После вчерашнего она знала, что Лавиния спустилась сюда не только ради аспирина-его хватало и у нее в спальне. Откровенно говоря, она не была настроена выдерживать маневры мачехи.

Но ей не удалось отделаться от нее слишком быстро. Прежде чем Одри успела исчезнуть, Лавиния уже сидела с другой стороны стойки и смотрела на нее непреклонным взглядом.

— Ну? Ты не собираешься рассказать мне о своем загадочном «Мистере „Рыцаре“»?

Одри беспечно, как ей показалось, пожала плечами.

— А что говорить? Я думаю, Эллиот все рассказал о себе прошлой ночью.

— Едва ли. Он лишь сообщил нам кое-какие факты, не более того. И вправду, Одри, что за игру ты играешь?

— Игру?—Одри почувствовала, как румянец выступает на ее щеках. Словно она в чем-то виновата. Что ты имеешь в виду?

— Ну, тебе следовало бы знать, что этот мужчина шокировал твоего отца и меня. Мы никак не ожидали такого. Мы постарались спрятать наши чувства вчера вечером, но ты и сама понимаешь, что мужик слишком стар для тебя, не говоря уже обо всем остальном. Одри устала на свою мачеху, полагая, что она отнюдь не прячет своих чувств. Лавиния возжаждала Эллиота как сучка кобеля в период течки.

— О?—Ее голос был напряжен, горло сжимала судорога, и она с трудом поборолла свой гнев.— Мне-то показалось, что Эллиот понравился папе. Тебе-то он точно понравился.

Лавинию, похоже, задело последнее замечание. Но она быстро пришла в себя.

— Ну, конечно, он нам понравился. Мистер Найт настоящий чаровник. Весьма обаятельный! Но у него темное прошлое, не говоря уже о странной женитьбе на очень состоятельной женщине, по возрасту старше его. Интересно, как скоро они развелись бы, если бы его бедная жена не умерла так вовремя. Я слышала, она была совсем непривлекательной.

Ее жесткие темные глаза многозначительно оглядели Одри.

— Тебе, должно быть, пришло в голову, что Эллиот Найт это, может быть, второй Расселл?

Сердце Одри сжалось, но она пыталась дышать спокойно и не изменила выражения лица.

— Второй Расселл? Не вижу ничего похожего...

— Ах ты, бедная, добрая, наивная дорогуша, — вздохнула мачеха.—Я думала, что ты это поняла: Расселла интересовали только твои деньги, не так ли? Отец и я с самого начала догадались об этом.

Одри с трудом подавила кипящий гнев, обволакивающий ее. Сейчас тактика Лавинии была очевидна. Оскорбить, умело замаскировав оскорбления нежностями, а потом ловить кайф от произведенной таким образом боли. Но зачем ей это было нужно. Может, из ревности? Или просто из-за своей сучьей природы? Одри об этом не знала, и в общем-то ей было наплевать. Она знала только одно: она больше не будет послушной жертвой.

Одри поставила на стол кофейную чашечку, за которую держалась как за спасательный круг.

— Вот как?-огрызнулась она.-Так почему, черт возьми, вы не предупредили меня? С какой целью вы оставили меня в неведении?

Удивление от такого неожиданного нападения расширило холодные черные глаза Лавинии.

— Ну... я... э... Мы не хотели причинять тебе боль, дорогая. К тому же Варвик думал, что тебе было полезно выходить в свет и все такое, несмотря ни на что.

— Ты хочешь сказать, что папа терпел какого-то альфонса, пытавшегося соблазнить меня ради семейного состояния, только чтобы у меня было несколько свиданий? Изумительно! Мне придется спросить его, когда он вернется домой, какие соображения привели его к подобным выводам. Я-то думала, что его возмутит тот факт, что у него на службе такой гад ползучий!..

— Ну, конечно же, Варвик не думал, что Расселл действительно соблазнил тебя.

— О? Ты хочешь сказать, что он мог поверить в то, что такой мужчина мог выводить меня в свет на протяжении месяцев, ничего при этом не пытаясь сделать? Как лестно!

Одри изобразила сухой смешок.

Лавиния уставилась на нее так, словно не узнавала свою падчерицу или не понимала, откуда взялась у той новая манера поведения.

— Нет... он... я... Ну, я сказала, дорогуша, отцу, что Расселл не делал этого. Твой отец был озабочен твоими проблемами и я постаралась погасить его опасения. Я сказала, что ты доверилась мне и сказала, что Расселл был превосходным джентльменом.

Сердце Одри сжалось при упоминании о беспокойстве отца. Это утвердило ее в надежде, что он все же любил ее. '

— Но зачем ты это сделала, Лавиния?-безжалостно спросила она.

— Я... я...-Волнение мачехи проявилось в ее заикающемся голосе и в румянце, появившемся на лице.-Я не хотела беспокоить Барвиха, — выпалила она прежде, чем взяла себя в руки, высокомерно откинув при этом голову.

— Ты же знаешь, какие они, отцы. Их всегда волнуют подобные вещи.

А затем Лавиния сменила тему разговора, улыбнулась медленной, лукавой улыбкой.

— Испорченные мужчины могут очень даже возбуждать, разве нет? Мужчины вроде Эллиота...

— Эллиот вовсе не испорченный! — вступилась Одри в его защиту. Самообладание покинуло ее на секунду.

— Разве?-Лавиния снова хохотнула, только на этот раз весьма самодовольно.-Совершенно ясно, — ты не знаешь на самом деле этого человека. Ты точно не была пока еще с ним в постели, иначе ты не делала бы таких наивных заявлений.

Она посмотрела на падчерицу сочувственным взглядом.

— Разреши мне подсказать тебе кое-что, дорогуша. Не старайся выглядеть недотрогой. Для этого ты недостаточно богата...

Нанеся этот прощальный удар, Лавиния выскользнула из кухни.

Одри сидела еще некоторое время, содрогаясь. Сучка! Несчастливая, испорченная, ревнивая сучка!

Она все еще пыталась сдержать свой гнев и боль, когда она услышала из-за все еще раскачивающейся кухонной двери, как дедушкины часы пробили одиннадцать. Почти одновременно раздался звонок у входной двери.

— О, нет... Эллиотт-простонала она. До чего же нынешняя ее реакция не похожа на вчерашнюю, подумала Одри, с отчаянной слабостью соскальзывая с табуретки и неохотно направляясь к входной двери. Если бы не Лавиния, Одри сказала бы ему, что передумала и что поучится вождению где-нибудь еще. Чтобы покончить с этой дружбой прежде, чем она могла принести ей новые страдания. Но Одри просто не стерпела бы саму мысль о неизбежном в этой ситуации злорадстве мачехи.

Однако, когда она уже бралась за дверную ручку, ее осенила интересная идея. Реализовав эту идею, она могла бы покончить с проблемой, которую представляла собой Лавиния. Интересно, почему она не подумала об этом раньше?..

Но один вид Эллиота ошеломил ее и заставил забыть о своих планах. Одетый в синий джинсовый комбинезон, белую майку с короткими рукавами и белые кроссовки, он выглядел даже более сексуальным, чем накануне ночью. А то, что он не побрился, придавало ему необычную привлекательность. Смешанные ветром волосы свободно нависали надо лбом. Свободная, даже небрежная одежда привлекала внимание к атлетической силе его впечатляющего, очень мужского тела, начиная с широких плеч и кончая узкими бедрами и длинными мускулистыми ногами.

Она пыталась вспомнить впечатление, какое произвели на нее эти бедра, твердо прижатые к ней в прошлую ночь.

— Доброе утро, новорожденная!-приветствовал он Одри. Его серые глаза улыбались. — Прекрасный день, а? Светит солнце, нет ветра. Поистине в Сиднее давно не было такой зимы.

— Эй...-он пригляделся к ней.-Ты не очень хорошо выглядишь. Уверена, что сможешь получить первый урок вождения? Я ведь могу придти и завтра.

Ее мысли вернулись в сегодняшний день, а сердце продолжало бешено биться, как вчера. Боже, да разве она сможет сосредоточиться на дороге, руле и педалях, сидя рядом с Эллиотом в тесном пространстве машины? Разве такое возможно?..

Но немисливо было и отказать ему, повернуться, войти обратно в дом, вновь подставиться под изощренные вопросы Лавинии. Мысль, которая пришла ей в голову минуту назад о том, что было бы неплохо переехать из этого дома в собственную квартиру, — потребует времени для своего воплощения. По крайней мере отдельная квартира обеспечит одно: когда Эллиот исчезнет со сцены, он обязательно это сделает, Лавинии не будет рядом, она не сможет отпустить по адресу Одри свои язвительные замечания.

Пока же она вынуждена выйти из дома вместе с ним и принять его предложение, чтобы он попытался научить ее водить машину. Хотя бы дал несколько уроков и...

— Нет, — напряженно ответила она — Нет смысла откладывать неприятные вещи.

— Вот как ты обо мне думаешь?-рассмеялся Эллиот.-Как о неприятной вещи?..

Она подумала о себе-а я молодец. Ибо сумев сохранить спокойствие, ровно и сдержанно ответила ему.

— Не о тебе, Эллиот, — об обучении вождению. Я просто обязана предупредить тебя, что могу оказаться абсолютно неспособной научиться чему-либо.

— Не может такого быть! Ты очень хорошая ученица — я это уже вижу.

Его взгляд с удовлетворением оценил сначала волосы, а затем простенькую, цвета груши, рубашку.

— Ты не только благоразумно зачесала волосы наверх и сделала нейтральный макияж, но и сообразила, что спокойные цветовые тона подходят тебе больше, чем яркие.

Одри почувствовала, как порозовела от удовольствия. Этим утром она перебрала весь свой гардероб, отбрасывая все, что слишком бросалось в глаза. Это не оставило ей большого выбора. И она выбрала обычную рубашку, которая так понравилась Эллиоту, и свои любимые «камнями промытые» серые джинсы, при взгляде на которые Эллиот все же нахмурился.

— Эти джинсы однако...-добавил он с кривой гримасой.-В следующий раз, когда будешь выезжать со мной, оставь их все же в своем гардеробе.

Это замечание удивило Одри и даже несколько вывело из себя. Эти джинсы были тем, в чем она как раз была уверена и знала, что они подходили ей. И если бы могла носить их всегда во всех случаях жизни, была бы просто счастлива.

— Чем же они плохи?-требовательно спросила она.-Ты ведь не из этих старомодных типов, которые воспринимают женщин только в платьях и юбках? Мне нравятся эти джинсы, и я намереваюсь носить их, когда и где захочу!

Теперь настала очередь Эллиота удивиться-то ли тому, что она обвинила его в старомодности, то ли тому, что так жестко вступилась в свою собственную защиту. Может быть, Одри и не принадлежала к слишком самоуверенным людям. Но она была сыта по горло тем, что ей без конца указывали что носить, а что нет. Может быть, она ошиблась, не отстаивая свое собственное мнение. Но все равно это должно уйти в прошлое. В будущем она сама будет принимать решения о любой стороне своей жизни. И если ошибется, ну что делать, — зато это будет ее собственная ошибка.

— Одри, что с тобой случилось сегодня утром?

— Ничего, — недовольно пробурчала она, потом вздохнула.-Прошу прощения Эллиот. Просто я проснулась в сварливом настроении...

— Не извиняйся, это здорово! Мне нравится! Просто меня удивило, что в милой, застенчивой Одри осталось немного настоящего огня. Не говоря уже о смелости суждений.

— Негодный комплимент, если даже это комплимент! — обиделась она.

— Господи, даже больше того! В следующий миг появятся когти и мне придется искать

убежище!..

Она попыталась, по возможности, свирепо посмотреть на него, но была разоружена его заразной открытой улыбкой.

— Ты — злюка, — обвинила она его, однако улыбнувшись.

— Да нет же!

— И неважно разбираешься в одежде. Эти джинсы прекрасно смотрятся на мне.

— Пожалуй, да, — согласился он, опустив глаза еще раз туда, где плотная бумажная ткань обтягивала стройные ножки и попку, подчеркивая каждую линию.

Его взгляд снова поднялся, задержавшись по пути на напористых грудях под хлопковой рубашкой. Когда же его взгляд остановился наконец на ее глазах, у Одри перехватило дыхание. Эллиот и не думал скрывать свое желание.

Он действительно желает меня, подумала она, словно пораженная ударом молнии.

Он и мрачно нахмурился, когда, очевидно, та же мысль пришла и в его голову.

Напряженный момент был прерван, когда входная дверь сзади нее вдруг распахнулась.

—Одри! Чего это ты стоишь с приоткрытой дверью? От нее идет сквозняк и... О, это вы, Эллиот?..

Слова лились из Лавинии непрерывным потоком. Она попыталась изобразить удивление, вызванное присутствием Эллиота. Одной рукой с красными ногтями она не очень удачно прихватила две половинки своего вельветового халата над очевидно неприкрытой грудью, а другой Откинула с лица длинные пряди черных волос.

— Я только что встала с постели и не знала, что вы здесь.

Одри внимательно рассматривала раскрашенное лицо мачехи новым для себя циничным взглядом. Не пропустила она и запах экзотических духов, исходивших от нее отравляющими волнами. Любая женщина почувствовала бы намерения Лавинии. Одри надеялась, что Эллиот был знаком с женскими уловками.

Ревность прямо-таки скрутила ее, когда она заметила, какими глазами смотрел Эллиот на то место, где разделялись ее груди. Теми самыми глазами, которыми несколько секунд назад он смотрел на нее саму, не скрывая желания. Вот так и думай, что он хочет только ее! Он, вероятно, смотрит так на многих женщин!..

Пристальный взгляд Одри привлек внимание Эллиота, ибо его глаза скользнули в ее сторону. Однако выражение его лица вызвало у нее болезненное отчаяние-в нем не было и намека на вину.

Она снова вспомнила слова Лавинии-слова о том, что Эллиот был испорченным, что ей нужно знать об этом, раз она допускает его ухаживания. Конечно же, мачеха имела в виду сексуальную испорченность. Но означает ли это, что он отважный любовник? С воображением? Изобретательный? Или что секс для него был пороком, гедонистским наслаждением, отделенным от нежности и всяких чувств, неразборчивым наслаждением, вне

морали и совести?

Несмотря на только что случившееся, Одри отвергла решительно и даже ожесточенно подобную точку зрения. Нет! Этого не могло быть! Если бы это было так, он не вел бы себя как джентльмен по отношению к ней ни в день их знакомства, ни вчера ночью. Уж точно не вчера ночью, когда он был так возбужден. Испорченный мужчина подчинил бы ее своей воле, нашел бы альтернативный способ для утоления своей страсти.

Относительно неопытная, Одри все же не была полной незнакомкой в сексе. Расселл иногда предлагал ей такие... альтернативы, но они вызывали у нее отвращение, и она отказывала ему. Одри призналась себе, что если бы Эллиот предложил ей такое, она, может быть, и не испытала бы такого уж отвращения. Она даже подозревала, что с удовольствием выполнила бы подобные требования, — мысль, от которой она выпрямилась, как от удара. Как бы сильно она ни любила Эллиота и как бы ни жаждала заняться с ним любовью, она никогда бы не была готова к тому, чтобы ее грубо использовали, чтобы с ней обращались как с проституткой!

Слово «проститутка» вернуло ее взгляд к Лавинии, которая продолжала нагло флиртовать с Эллиотом.

— Вы должны как-нибудь придти отобедать с нами, когда не будет других гостей. Мы с удовольствием примем вас!

Ты хочешь сказать, что с удовольствием поимела бы его, подумала Одри со смесью свирепого гнева и неприкрытой паники. Боже милостивый, не допусти такого! Только не это! Все что угодно, но только не это!..

— С удовольствием, — ответил Эллиот. — Позвоните мне как-нибудь и мы сможем договориться о дате. Теперь же мне придется Заняться обучением мадам вождению автомобиля. Ключи от «магны» у тебя, Одри?

— Они на столике в холле.

— Ну так принеси их, милая. У меня не целый день впереди.

— Вы куда-нибудь собираетесь позже? — услышала Одри, как спросила Лавиния, когда сама она заторопилась в холл.

— Нет, никуда выходить из дома не собираюсь, — послышался ответ. — Я просто хочу послушать по радио репортаж о скачках сегодня вечером.

— Так вы еще и игрок? — Лавиния, казалось, была приятно удивлена. — Я обожаю людей, которые играют. Они такие отчаянные...

Эллиот сухо рассмеялся.

— ^ Вот как? Я считаю их глупыми. Нет, я не игрок. Я унаследовал часть скаковой лошади, а поскольку мне не нравится быть незнакомкой ни в чем, я пытаюсь быстро обучиться тому, как делаются ставки на лошадей, прежде чем пойду в следующую субботу на первые скачки, в которых примет участие наша лошадь.

Одри присоединилась к Эллиоту, который уже спустился на пару ступенек, подальше от Лавинии.

— Как интересно!-продолжала говорить она.-А где будут скачки в следующую субботу?

— В Роузхилле. И я приглашаю Одри, — ответил он и взял Одри под руку.

К счастью, Одри уже начала привыкать к изобретательности Эллиота и не выразила предательского изумления, а просто естественно согласилась.

— Да, я никак не могу этого дождаться!

—Сожалею, что не могу пригласить вас и Варвика, Лавиния, — продолжил Эллиот.-Но нас пригласили мои друзья в свою частную ложу. Может быть, в другой раз...

— Да, разумеется, — Лавиния извинила его с замороженной улыбкой, но Одри заметила проблеск досады в ее глазах. Она поблагодарила Бога за то, что Эллиот сумел выбраться из опасной ситуации.

— Пошли, Одри, — с преувеличенной заботой он свел ее вниз по крутым ступенькам, словно она была хрупким цветочком, с которым нужно было обращаться нежно.

Когда они достигли низа ступенек, она наградила его слегка саркастическим взглядом и спросила:

— Не боишься, что перебарщиваешь?

— Пожалуй, — согласился он с ухмылкой.

Ха! Он просто наслаждался своим поведением, разыгрывая свою игру. Ей пришло в голову, что Эллиот мог быть прав, полагая, что она не знала причин его желания помочь ей. Возможно, он поступал так не из доброты или жалости, а получал наслаждение от игры в галантного любовника. Может, он просто наслаждался сладостным обманом.

Или, может быть, существовала еще одна дьявольская причина, о которой она еще не подумала...,

Тревога охватила ее, когда она увидела, как он открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья с довольно-таки кривой гримасой на лице. Он как-то сказал, что она не знает его на самом деле, и теперь это становилось все очевиднее каждый раз, когда они встречались. Теперь еще и скаковая лошадь, и будущая поездка на скачки... О боже, — что еще новенького?..

— Одри, залезай!

Она заморгала и спросила в приступе неожиданной тревоги:

— Куда... куда это ты собираешься меня везти?

— Туда, где попустыней и где нам не встретятся на пути другие машины.

— Пустыней?-повторила она, глотая слюну.

— Верно. У тебя пока нет прав и даже номеров • на машине, и нам не удастся получить их утром. Контора по регистрации машин сегодня закрыта. А это значит, что нам следует держаться подальше от главных дорог. К тому же тебе понадобится время, чтобы привыкнуть к уличному движению. Поехали! Садись же! Мы же не должны попасть в какое-либо дорожное

приключение, — прошептал он, пока она забиралась в машину. — Злая ведьма была бы, вероятно, в восторге.

Одри перевела взгляд наверх ступенек, взволнованно посмотрела через плечо Эллиота на дом, но Лавиния, уже, слава богу, скрылась внутри.

— О'кей. Она может не желать тебе смерти, — проворчал Эллиот. — Но она не возражала бы, если бы ты немного покалечилась.

Он с шумом захлопнул дверцу машины. Прошло не меньше пяти минут прежде, чем Одри смогла заговорить. Но Эллиот уже сидел за рулем «магны» и был занят поиском «пустынного места». Однако мысли Одри были уже не об Эллиоте и даже не о предстоящем уроке вождения. Они сосредоточились на женщине, которая влияла на ее жизнь последние девять лет, и влияла вовсе не к выгоде Одри. Лавиния отбирала у нее уверенность, подрывала самоуважение, даже заставляла ее сомневаться в папиной любви.

А сейчас Эллиот, кажется, подумал, что Лавиния даже желала нанести физический вред ей, Одри.

— Ничего не могу понять, — взволнованно проговорила она, — почему она так меня ненавидит?...

— Женщины вроде Лавинии не ненавидят, — грубовато произнес Эллиот. — Это предполагало бы способность к любви. Они просто конкурируют. С любой другой женщиной, которая попадает в их круг. Они хотят-нет, им это просто необходимо-постоянно быть в центре внимания. При этом ошибочно полагают, что все зависит только от их внешности. Лавиния будет рассматривать любую женщину как потенциальную угрозу. Тебя, Одри, в первую очередь.

— Но это же бессмысленно! — выпалила Одри. — Как могу я конкурировать с Лавинией? Я имею в виду... Мне никогда не быть такой красивой, как она...

— Я бы этого не сказал. Прошлой ночью ты выглядела вполне достойно. К тому же ты молода, свежа и невинна. Этого ей уже никогда не иметь. Кроме того есть много типов красоты, Одри. Конечно, Лавиния привлекательная женщина, но внешность у нее довольно крикливая. Некоторым мужчинам это не нравится.

— Ты-то, похоже, отступил под ее напором, — огрызнулась Одри.

Эллиот притормозил на желтый свет и, когда машина остановилась, бросил на нее насмешливый взгляд.

— Я ожидал этих слов с того самого момента, когда ты увидела, как я уставился на ее обалденные груди. Послушай, я нормальный мужик, Одри, да еще со стопроцентным зрением. Но поверь мне, я могу восхититься тем, как Мать-Природа сложила женщину, не восхищаясь самой женщиной. Я скорее лег бы в постель с тобой, любимая, чем с такой, как твоя мачеха.

Сердце Одри подпрыгнуло, неприятный жар охватил ее щеки. Она пробормотала:

— Не хотелось бы выслушивать подобные вещи от тебя.

— Почему?

В раздражении ее глаза уставились на него.

— Потому что я... я...

Она покачала головой, неспособная облечь правду в свои слова. — Потому что ты все еще хочешь лечь со мной в постель? — еле слышно спросил он. Она замерла.

— Ты можешь сказать это. Или я могу подумать, что ты так и не решилась взять под контроль свою собственную жизнь.

Ее голова медленно повернулась в его сторону, и их глаза встретились. Ее удивило, насколько спокойны были его глаза. Но он был прав. Что за смысл обещать самой себе быть пай-девочкой, если ей все равно было не справиться с собой.

— Да, — призналась она, хоть и получилось это у нее шепотом... Его глаза дрогнули.

— Да-что?...

— Да, я все еще хочу лечь с тобой в постель. Она была очень довольна собой, ибо спокойно и уверенно произнесла эти слова.

Он целую вечность не спускал с нее глаз, и тишина в машине стала оглушающей.

— Я не уверен, не глумишься ли ты, Одри Фарнсуорт, — проговорил он наконец низким и почти злым голосом. — Или ты самая хитрая из молодых женщин, которых я когда-либо встречал.

Она посмотрела на него, широко раскрыв от изумления рот. Он вздохнул, очевидно расстроенный.

— Бог знает, ты мне даешь загадок больше, чем любая другая женщина, попадавшаяся на моем пути. Не знаю, хочу ли я поцеловать тебя или положить тебя на свои коленки и отшлепать по прелестной попке. Но в любом случае я могу оказаться в постели с тобой, хитрая маленькая кокетка.

Одри тараторщила на него, очарованная и ошеломленная. Прелестная? Хитрая? Она?

— Послушай, — проворчал он. — Не знаю, как долго я смогу играть перед тобой роль благородного джентльмена, Одри. Я тебя предупреждал, что это неестественно для меня. Я только хочу отвезти тебя куда-нибудь и заниматься с тобой любовью весь вечер. Но я знаю, что потом буду чувствовать себя виноватым.

Он издал скрипучий смешок.

— Черт, — я сам больше всех удивлен своим желанием уложить тебя в постель. Но оно не может быть вечным.

Надеюсь, что нет, подумала Одри с наглым безрассудством, которое вообще-то должно было бы устыдить ее. Но не устыдило. За всю свою жизнь она никогда не чувствовала себя такой возбужденной. Единственное, о чем она могла думать, это о себе и Эллиоте, в его доме-обнаженных и со сливающимися вместе телами.

Жар покрыл ее щеки, ее сердце забилось втрое быстрее.

Он повернулся на сиденье и опустил на нее не менее горячий взгляд.

— По правде говоря, мое рыцарство уже раздражает. меня до смерти. Чего это я сдерживаюсь-

спрашиваю я себя. Она же не девочка и не девственница. Если не я, это будет кто-то еще. Бог знает, я еще ни разу не видел такой спелый плод, готовый к употреблению!

Он пристально смотрел на нее, на ее порозовевшие щеки, ее широко распахнутые глаза, дрожащие губы.

— Я пойду с тобой на сделку, — проворчал он наконец.-Если мы оба будем чувствовать себя так же после того, как ты получишь свои права, я привезу тебя к себе в снежный домик на уик-энд. Только ты и я. Никаких лыж. Ничего кроме секса. Что ты на это скажешь?

Одри не могла промолвить ни слова. Ее глаза опустились на пол машины в безумном смятении.

— По крайней мере к тому времени, — проворчал он, — Расселл будет уже вне твоих мыслей и ощущений, и я не буду чувствовать себя «в чужих тапочках».

Одри медленно подняла глаза и уставилась на него. Если бы кто-то сказал ей несколько секунд назад, что Эллиот предложит себя в качестве любовника и что она ему откажет, она бы назвала этого кого-то безумцем.

— Ну?-подзуживал он ее с некоторым раздражением.-Скажи же что-нибудь, ради бога. Это ведь то, чего ты хочешь, не так ли?

— Нет, — только и смогла произнести она.

— Нет?-Он гневно нахмурился.-Что ты хочешь сказать этим «нет»? Она прочистила горло.

— Это значит «нет», мне не подходит такой грязный уик-энд.

— Грязный уик-энд?-прошипел он, и румянец возмущения окрасил его щеки.

Ее храбрость начала убывать. Что ты делаешь, идиотка?.. Сейчас не время для столь святого поведения. Ну и что в том, что его интересует только секс? Почему его довольно неромантическое предложение моментально вызвало такой огонь в твоих жилах? Скажи, что поедешь! Скажи ему «прекрасно», ведь пара дней неприкрытой похоти-это именно то, чего ты жаждешь.

— Ты говорил, Эллиот... что мне следует искать любви, а не секса...

— Да, но это было вчера, — пробормотал он, послав ей нахмуренный циничный взгляд.-Думаю, тогда я просто увлекся своей романтической рыцарской ролью. Сегодня все по-другому, особенно, если смотреть на твои проклятые узкие джинсы! Его взгляд упал на ее бедра и задержался там, где ткань обтягивала их, как вторая кожа.

— Послушай, Одри, — начал было он и замолчал, так как машины, скопившиеся сзади них на дороге, начали настырно сигналить.

Судя по всему, уже давно зажегся зеленый свет. Он произнес что-то совсем тихо, и машина резко рванула вперед.

— Это же смешно, — еле слышно пробормотал он.-Я знаю, что мне не следует путаться с тобой. Может, ты уже и не девочка, но все еще ребенок-глупый, наивный, маленький ребенок, пытающийся играть роль взрослой женщины... Такой, что завязывает мужчину узлами и потом...

— Эллиот!-воскликнула она, и «магна», отклонившись от прямого пути, опасно приблизилась к грузовику на соседней полосе.

Сейчас он не просто бормотал, — совершенно откровенно ругался. Затем направил «магну» в просвет между движущимися навстречу друг другу машинами и рванул на тихую боковую улицу. Повернув машину к обочине, он затормозил, резким движением руки выключил зажигание. А затем повернул к Одри наполненное гневом лицо.

Но не сказал при этом ни одного сердитого слова.

Ибо Одри сгорбилась на своем сиденье с лицом бледным как у призрака. Она дрожала как осиновый листок на ветру, так, что даже зубы у нее кляцали.

— О, боже, — простонал он.-Я забыл об автомобильной катастрофе, свидетелем которой ты была. Прошу прощения... Черт, — какой же я идиот! Ну-ну, иди сюда, любимая...

Он расстегнул оба страховочных ремня и обнял ее дрожащее тело, насколько позволяло переднее сиденье современной машины.

— Ну-ну, все в порядке, — успокоил он.-Мы в безопасности. Машина остановилась, не о чем больше беспокоиться... С тобой твой Эллиот...

Итак, это случилось опять. Произнося эти нежные слова, он перестал гладить ее по волосам, а затем замолчал. Его пальцы приподняли ее подбородок, и его рот накрыл ее дрожащие губы, которые испустили вздох, означавший смиренную покорность.

Одри даже не вздохнула — она застонала, выставив себя ему на посмеище. В самом деле, что значил ее поспешный отказ, если тело отреагировало моментально и однозначно. Если бы то, что она сказала Эллиоту минуту назад, было действительно серьезным, то она не раздвигала бы свои губы с такой откровенностью, не позволила бы его руке скользнуть по своей груди, не зарыдала бы от удовольствия, когда он сжал ее сосок и тот отреагировал.

— Эллиот!-вскричала она, отрывая свой рот от его, жадно ловя воздух.

— Ммммм?-Его рот передвинулся и начал поглощать ее ухо, а его рука продолжала эротическое воздействие. Он ухитрился расстегнуть одну или две пуговицы и проник под блузку, потирая ее уже окаменевший сосок через шелк лифчика.

— Мы еще не можем, — прохрипела она.

— Знаю

—Прекрати, пожалуйста... прекрати.

— Нет, — прохрипел он в ответ.-Пока ты не пообещаешь поехать ко мне после того, как я научу тебя водить машину.

— Да-да. Все что угодно, только прекрати это сейчас же!

— Но я не хочу, — простонал он.

— Это просто нечестно!

— Ты тоже ведешь себя нечестно.

—Пожалуйста, Эллиот!..

Он рухнул на спинку своего сиденья, а она продолжала дрожать почти так же сильно, как и тогда, когда он начал ее ласкать. Они не произносили ни слова, их тяжелое дыхание постепенно успокаивалось. Эллиот сделал последний взволнованный вздох и напряженно произнес:

— Ты вольна отказаться от только что данного обещания, Одри. Я и не подумаю заставлять тебя исполнять его, поскольку оно было вырвано из тебя сексуальным давлением. Не такой уж я ублюдок.

Одри сильно зажмурилась, голова у нее все еще кружилась. Произнесенные ранее Эллиотом слова продолжали крутиться в ее мозгу. О том, что она «играла в женщину», «завязывала его узлами». И разве действительно не так поступила она только что?

Тебе действительно пора повзрослеть, Одри, сказала она себе. Пора понять разницу между тем, чего ты хочешь, и тем, что можешь себе позволить. Жизнь состоит из компромиссов.

Она сделала глубокий, успокаивающий вдох и проговорила лишь слегка дрожащим голосом.

— Я не передумаю Я хочу тебя, Эллиот. Я захотела тебя уже в первую нашу встречу.

Его, казалось, удивили и даже озадачили ее слова

— Я знаю, тебя волнует, что я попала к тебе как бы рикошетом от Расселла, — поспешно продолжила она. — И это мне даже нравится Но ты мне не сторож, Эллиот Ты сам говорил, что главным в моем решении лечь в постель с мужчиной должно быть мое собственное желание. Я действительно желаю лечь с тобой в постель, и это желание больше, чем когда-либо я могла вообразить себе. Но я к тебе чувствую не только желание, Эллиот.

Его голова дернулась в ее сторону.

— Ради бога, только не говори, что ты меня полюбила!

— И не подумаю сказать ничего похожего. Она действительно так думала. Неужели он полагал, что она рискнет тем немногим, что от него уже получила или надеялась получить?

— Я просто объясняла, почему не желаю, чтобы ты свел наши отношения к сексу на уикэнде. Я хочу большего Ты мне и вправду нравишься, Эллиот, я восхищаюсь тобой Ты искушен в общении и очень уверен в себе Ты обладаешь тем, чем я никогда не обладала, но хотела бы обладать. Я могла бы многому научиться от общения с тобой

Его серые глаза наполнились печальной иронией, когда он резко заметил.

— Мы говорим вообще, Одри? Или мы опять вернулись к сексу?..

Она была рада, что покраснела не слишком сильно и что губы ее раздвинулись в улыбке, получившейся непреднамеренно вызывающей

— Я сказала бы, что не откажусь от нескольких уроков и по этой части... Эллиот рассмеялся.

— И ты считаешь, я гожусь, чтобы преподавать тебе их? — Очень даже, — прошептала она. Его глаза широко раскрылись, затем сузились, в несомненное желание зажглось в их глубине

— А что за урок ты хочешь получить сегодня?-хрипло спросил он.

Дурманящее ощущение власти пронзило Одри, когда она услышала его погустевший голос, увидела, как он возбудился. Если такой мужчина так сильно желал ее, значит, она действительно желанная женщина. Женщиной, которую можно было бы и подождать.

— Я думаю, Эллиот, — заговорила она с недавно открытой для себя уверенностью в себе, — что начальная твоя идея была прекрасной. Сначала я научусь водить машину. А уж потом... Потом мы сможем перейти к другим урокам.

Какой-то миг он, широко раскрыв глаза, глядел на нее, потом внезапно откинул голову назад и рассмеялся.

— Черт! Кто бы этому поверил? Шах и мат мне поставил новичок в игре. Осмелюсь сказать, у меня нет выбора, как у джентльмена, кроме как сдаться. Могу добавить еще, однако, что ты научишься водить в рекордно короткое время. Даже если нам пришлось бы заниматься с утра до вечера!

6

Удивительно!-воскликнул Эллиот.-Просто удивительно!

— Разве нет?-довольно откликнулась Одри.

Прошло всего шесть дней с той памятной субботы, и она уже уверенно водила машину в самом плотном уличном движении. А сегодня выполнила очень сложный маневр-припарковалась задом-и сделала это без единой ошибки.

Успех в учебе оказался для нее своего рода сюрпризом, если иметь в виду ее прежние страхи, оставшиеся, как оказалось, в прошлом. Она оказалась отличной ученицей. Однако и влияние Эллиота было несомненным.

После его реплики насчет обучения с утра до вечера он тут же выкинул фортель-привез ее к себе домой и предложил кофе, заверив, что урок вождения может подождать, пока он не выяснит, в каком дорожно-транспортном происшествии она побывала.

Одри чувствовала жуткое напряжение, оказавшись с ним наедине так скоро после его взрывной реакции на ее предложение, но Эллиот даже не притронулся к ней. Напротив, он вел себя с ней с безличной, как бы профессиональной добротой, как если бы был психиатром. И вскоре Одри расслабилась и рассказала ему, что привело к катастрофе, в которой погибла ее мать. Как отец безрассудно вел мощную спортивную машину, как ругался с матерью по поводу каких-то денег и как вымещал свою злость к ней, увеличивая скорость машины. Шел дождь, было скользко, и на одном из поворотов машина вдруг пошла юзом и на чудовищной скорости врезалась в телеграфный столб. Ее мать погибла на месте. Она, Одри, была тяжело ранена. А отец отделался одним синяком на локте.

Эллиот проявил сочувствие по поводу случившегося и с пониманием отнесся к ее боязни вождения и сказал в заключение, что за рулем она могла бы чувствовать себя более уверенно, чем на пассажирском сиденье. Ведь вождение было еще одной формой держать под контролем свою собственную жизнь. А уверенность в вождении непосредственно связана с профессиональными навыками водителя. Отсюда — важность правильного, системного обучения, притом с самого начала.

Он оказался весьма умелым учителем, постепенно показывал ей все новые и новые приемы, хвалил и ободрял ее при каждом успехе, успокаивал, когда что-то не получалось. Тем не менее когда уже через несколько дней Одри двигала вполне скоординированно и уверенно своими руками, ногами и глазами и освоила технику вождения невероятно быстро, это удивило их обоих.

Конечно, уроки были часты и интенсивны. Они посвятили им все воскресенья. Потом Эллиот заезжал за ней каждый день за час до работы и учил ее еще в течение часа после работы. В это утро-в пятницу-она прошла самый трудный тест, ибо, шел легкий дождь, который напоминал ей о той давней трагической катастрофе. Однако она с честью прошла и этот экзамен.

— Скоро ты уже сможешь сдать на права, — сказал он и бросил на нее многозначительный взгляд.

Ее сердце забилося с перебоями.

Он не трогал ее на протяжении всей недели, но каждая минута, проведенная вместе, была обозначена близостью больше. Чем сексуальной, и это ощущали они оба. —

Иногда, когда Одри чувствовала на себе жадный взгляд Эллиота, она начинала надеяться, что он влюбляется в нее. Но старалась отделяваться от таких мыслей.

Эллиот не давал ей оснований думать, что ее желание не основывалось лишь на сексуальном голоде, который он не удовлетворял последнее время. Даже теперь, зная себе цену, Одри не могла надеяться на то, чтобы покорить мужчину против его воли. Тем не менее она понимала, что мужчину класса и стиля Эллиота интересовали партнерши по постели, обладающие исключительными качествами. Впрочем, Одри полагала, что ее относительная неопытность в данном случае его привлекала.

Но она не была уверена в том, что и потом эта неопытность будет столь же сильно привлекать его. Хотя отсрочка в удовлетворении их желаний усилила напряженность между ними, она испытывала сомнения в своей способности понравиться Эллиоту в постели. Трудно было отогнать от себя обидные замечания Расселла, тем более, что он был прав. Она действительно была неуклюжа, стеснительна и заторможена, когда он снимал с нее одежды. Она также не находила удовольствия и в самом акте. Он разочаровывал, смущал, казался какой-то непристойностью.

Может, с Эллиотом все будет точно так же? Даже если он ухитрялся вызвать к жизни женщину, которой она представлялась себе в своих фантазиях, как эта женщина будет выглядеть в сравнении с другими женщинами, которые были в жизни Эллиота? Его жена выглядела простоватой, но Одри полагала, что она была весьма чувственной женщиной. Старшие по возрасту женщины почти все были такими, — не правда ли?

Чтобы прийти к такому выводу, достаточно было взглянуть на Лавинию.

— Я организую экзамен для тебя в начале следующей недели, — сообщил ей Эллиот.-Тогда, если ты провалишься с первого раза, в конце недели сможешь сделать еще одну попытку.

— Может, ты не будешь торопиться с экзаменом, — спросила она, озабоченная тем, что не будет чувствовать себя в машине рядом с незнакомым мужчиной так же уверенно, как с Эллиотом.-Ведь нет же никакой спешки, а? — добавила она, не подумав. Его взгляд содержал упрек.

— Не дразни меня, Одри. Ты чертовски хорошо знаешь, что спешка есть. Еще одна неделя такого терпения, и я полезу на стенку. Парень может вынести только определенное число пробежек рысцой и холодных душ.

— О...-она страшно покраснела.-Я... я и не подумала, что дело зашло так далеко. Я, пожалуй, мало знаю о мужчинах и поведении их тел.

— В этом нет ничего плохого, — хрипло пробормотал Эллиот.

Оба, испытывая неловкость, замолчали. Одри бросила на него взгляд как раз в тот миг, когда он поглядел на нее. Когда его лицо медленно преобразилось в сексуальной улыбке, она почувствовала, как пересохло в ее горле.

— Но такое ожидание может быть даже забавным, — признался он.-Как у ребенка, считающего дни, оставшиеся до Рождества.

Его глаза сузились и обежали ее тело с прозрачным намерением.

— Я получу удовольствие, разворачивая тебя, Одри, как любой пацан, разворачивающий новую игрушку.

Лицо Одри горело. Как всегда, Эллиот был весьма красноречив, образно говоря о сексе. Но каким бы моментальным и непреодолимым ни было ее возбуждение, она не могла отделаться от определенной тревоги из-за того, что ее сравнили с игрушкой. Как и от коварной мысли о том, что дети обычно выбрасывают новые игрушки через несколько дней после Рождества.

— На когда же ты планируешь наш уик-энд •на снегу?-сильным голосом спросила она.

— Ровно через неделю. Мы выедем в пятницу, после окончания твоей работы. Если, конечно, ты не сможешь уйти раньше Она облизала пересохшие губы.

— А что, если я не сдам экзамен на вождение?

— Черт возьми, мы все равно поедem!-воскликнул он.-Если бы мне не нужно было быть на этих дурацких скачках завтра, я, вероятно, поддался бы искушению и повез бы тебя на этой неделе. Ладно, заводи колесницу, пока я не передумал!..

— Ну как ваши уроки по вождению?-поинтересовался Эдуард, проходя мимо ее стола через полчаса.

— Отлично.

Он остановился в двери, ведущей в его кабинет, и озабоченно посмотрел на нее через плечо.

— Надеюсь, я не потеряю вас, Одри. Вы очень хороший секретарь.

Одри порозовела от удовольствия. Она догадывалась, что была хорошим секретарем, но впервые ее босс сказал ей об этом.

— Почему вы боитесь потерять меня? Я не собираюсь никуда уезжать...

— Мужчины вроде Эллиота Найта не позволяют работать своим женам, — сухо пояснил он.

Одри удивленно втянула в себя воздух прежде, чем рассмеяться.

— Бог мой, Эдуард! Вы такой же, как мой папа. Он все спрашивает меня, когда я объявлю о помолвке. Мы с Эллиотом просто хорошие друзья, — закончила она старой банальной отговоркой.

Босс наградил ее еще задумчивым взглядом.

— Мужчина обычно не учит молодую леди вождению, только потому, что ему это нравится. Обычно у него при этом есть далеко идущие намерения. Вам не приходило в голову, что мистер Найт мог заинтересоваться вашими деньгами? Все же у него была уже одна очень богатая жена.

Одри окаменела в ярости. Она не полагала, что Эдуард со своим природным отсутствием такта мог зайти слишком далеко.

— Я не думаю, чтобы...

— Извините за резкость, — прервал он ее, — но я знаю, что ваш отец не сказал бы вам об этом. Одри была смущена этими словами.

— Почему он не сказал бы?

Эдуард повернулся и подошел к ее столу.

— Потому что он не видит ничего плохого в том, что мужчина женится на женщине ради ее денег. У Одри ком встал в горле.

— Вы привлекательная молодая леди, Одри, — продолжил босс более добрым тоном. Гораздо более привлекательная, чем сами считаете. Хотя расцвели только недавно. Вы заслуживаете — большего, чем все эти расселлы. Кстати, вас может порадовать известие о том, что вчера я уволил Расселла.

Одри аж задохнулась от неожиданности.

— Я поймал его на том, что он «доил» наши счета по машинам. Этого я не мог терпеть. Диана тоже подала заявление об уходе.

— Диана? Но она-то ведь не воровала, не так ли?...

— Нет. Но она, похоже, оказывала плохое влияние на «ценного члена нашего коллектива». Я намекнул ей с неделю назад, что она могла бы чувствовать себя счастливее в каком-нибудь другом месте. —

Одри не знала, что сказать... Она и не подозревала, что босс обращал внимание на ее дела или заботился о ее счастье.

Улыбка Эдуарда была полна удивительной теплоты

— Как я уже сказал вам, Одри, мне не хочется потерять вас. Кроме того...-его улыбка стала еще теплее и шире (он умел быть, когда хотел, очаровательным)-я присматриваюсь к вашей работе здесь. И вполне могу представить вас во главе всей этой компании.

— Меня?...изумилась она.

— Да, вас. У вас есть вкус к административной и организаторской работе. У вас так же есть

некий инстинкт в отношении к технике. Вы знаете больше о внутренней работе компьютеров, принтеров и копировальных устройств, продаваемых нами, чем кто бы то ни был здесь. А на прошлой неделе вы своими маленькими ручками починили свою пишущую машинку. На меня это произвело сильное впечатление. Могу спорить, что вы превращаетесь в чертовски хорошего водителя.

Ее подбородок подпрыгнул вверх.

— Да, это так.

В ее голосе слышались гордость и уверенность.

Эдуард глубокомысленно кивнул.

— Вот и хорошо. Один совет, однако: не отдавайте слишком быстро свое сердце вашему инструктору.

Он повернулся, чтобы отойти от нее, но Одри вскочила со стула

— Эдуард!..

— Да?—он опять повернулся к ней с серьезным лицом.

— Почему вы это сказали? Вы знаете об Эллиоте что-то, чего не знаю о нем я?

— Вовсе нет. Но у меня сложилось впечатление, что и вы мало о нем знаете. О его родителях, о прошлом... Что рассказывал он вам об этом?..

— Не так уж много, — признала она.—Пожалуй, вовсе ничего, — вдруг с болью сообразила она.

— Так не пора ли задать ему соответствующие вопросы, пока не поздно?

Совет Эдуарда беспокоил Одри целый день. Она и на миг не могла представить, что Эллиот охотился за ее деньгами. Однако признала, что ей следовало знать больше о мужчине, с которым она собиралась лечь в постель всего лишь через неделю. Любви не обязательно быть настолько слепой,

...К тому времени, когда Эллиот затормозил вскоре после четырех тридцати у конторы, она почувствовала слишком большое напряжение, чтобы заняться еще одним уроком вождения.

— Эллиот, — проговорила она, как только забралась в «магну», — не могли бы мы прогулять сегодняшний урок?

Он бросил на нее пронизывающий взгляд.

— Разумеется. У тебя есть причина?

— Да, я...—она замолчала глотая ком в горле.

Неожиданно она обнаружила, что не может устроить Эллиоту допрос с пристрастием, — как собиралась сделать. Может быть, потому что была трусихой, но ей определенно не хотелось узнать что-либо, что помешало бы им провести вместе следующий уик-энд. Она знала, что скорее всего сглупила, но ничего не могла с собой поделать...

— Я... э... записалась к парикмахеру, — в отчаянии придумала она на ходу. — Поскольку ты заедешь за мной в одиннадцать утра, у меня не будет на это время завтра, и я решила пойти сегодня. В пятницу вечером он работает до девяти.

— А что ты собираешься делать со своими волосами, — он бросил на нее обеспокоенный взгляд.

— Я еще не совсем уверена. Вероятно, попрошу укоротить их и удалить хоть часть этого винного цвета.

— Хм, верно. Я полагаю, это будет выглядеть о'кей.

— Я и не думала просить твоего одобрения, — сказала она довольно резко.

Это вновь притянуло его взгляд к ней, на этот раз несколько удивленный.

— О, не слишком ли мы придирчивы сегодня вечером? Трудный был день?..

— Вовсе нет, — солгала она, но голос выдал ее. — Эдуард сообщил мне, что он уволил Расселла и что Диана попросила расчет. Разве это не повод для волнений?

— Понятно...-голос Эллиота был очень сух. Она удержалась от взгляда на него, хотя он выразился так, словно ему ничего не было понятно. Даже если он что-то понял, то скорее всего понял неправильно. Уж не думал ли он, что ее расстроило увольнение Расселла? Боже, она давно уже не желала видеть этого ублюдка: Однако она рассердилась на себя за то, что струсилась и не смогла задать несколько простых вопросов Эллиоту. Чего она боялась? Эллиот всегда был честен с ней. Правда, он не любил рассказывать о себе. Но ведь многие мужчины тоже были такими.

— Как проехать в эту твою парикмахерскую? — грубовато спросил Эллиот.

— Довези меня до главной улицы Ньюпорта и оставь возле газетного киоска.

Там за аркой был небольшой салон, мимо которого Одри проходила несколько раз. Он редко был заполнен, и она была почти уверена, что сможет попасть к мастеру без предварительной записи. Теперь, придумав отговорку, она не видела причины не пойти в парикмахерскую. Одри все равно собиралась сделать это в один из ближайших дней. Так почему не сегодня?..

— Потом я доеду до дома на такси, — сказала она ему.

— Ты точно не хочешь, чтобы я заехал потом за тобой?

— Нет, я не знаю, сколько это займет времени. Отправляйся домой и изучай свою брошюрку о скачках. Я не отличаю одного конца лошади от другого, так что завтра мне понадобятся твои подсказки.

Кривая усмешка появилась на его лице.

— К концу дня ты будешь уже в курсе дел, хотя я не думаю, чтобы это занимало наследницу «Оборудования для современных офисов». Только сегодня утром я прочитала в «Файнэншл Тайме», что это весьма перспективная компания с растущими с каждым годом доходами.

Волосы на затылке Одри зашевелились.

— Вот как? Ты почитываешь «Файнэншл Тайме»?

— На некоторое время я забросил эту привычку, — пожал он плечами, — но теперь подумываю вернуться к работе. В сегодняшней газете полно предложений на этот счет.

Она кивнула.

— О, да... вполне.

Открыла дверцу и собралась выйти, когда рука Эллиота легла на ее плечо и остановила ее.

Она медленно повернулась и взглянула на него. Бог мой, как же он был красив! Красив и сексуален, но слишком загадочен.

— Да?—спросила она, и в ее больших карих глазах отразились тревожившие ее мысли.

— Нет, ничего, — мягко проговорил он, — только это...

Он наклонился и поцеловал ее.

Это был их первый поцелуй с прошлой пятницы, и ее не могло не заинтересовать: предназначался ли он, чтобы затуманить либо прояснить ее рассудок, совратить либо успокоить?..

Но ощущение на своих губах его губ было раем. Она выдохнула в его рот, встретив его язык на полпути, приветствуя его довольно ленивую, но остро возбуждающую разведку. Ее руки вцепились в его рубашку и прежде, чем она поняла это, притягивали его все ближе и ближе...

Эллиот, наконец, прервал поцелуй. Именно Эллиот отослал ее назад, ее, испытывающую до боли сильное желание. Затем он холодно попрощался с ней, и его серые глаза сверкнули на лице, казалось, вырубленном из гранита.

Она проследила, как он отъехал от тротуара, внезапно раздираемая тревогой. Был ли его поцелуй преднамеренной проделкой, чтобы держать ее во власти своих чар, ибо он почувствовал, что она ускользает от него? Преследовал ли он какую-то иную цель, продолжая встречаться с ней? Кроме чистого секса, разумеется? Может быть он подумал о женитьбе?

Но это было бы, пожалуй, уже слишком, даже смешно! Это Эдуард вложил в ее голову мысли, не основанные на фактах. Эллиот, может быть, и не святой, но он был человеком достойным, и она любила его. Любила и хотела его. Больше того, она собиралась переспать с ним. И ничего, абсолютно ничего не помешает ее намерению.

7

Когда Одри в начале десятого того же вечера добралась домой и уже поднималась по лестнице в свою комнату, ее перехватила в фойе сердитая Лавиния. Она, кажется, рассердилась еще больше, когда бросила взгляд на ее прическу.

И Одри знала почему. Ее волосы выглядели •потрясающе! Исчезли эти ужасные мелкие кудряшки, их заменили коротко, но шикарно подстриженные волосы, которые прикрывали лоб прядью, начинавшейся с бокового пробора и мягко закруглявшейся над ушами и скулами. Цвет красного вина сменил теплый, золотисто-блондинистый блестящий цвет, лстящий ее светлой коже.

— О боже!-насмешливо воскликнула Лавиния, сверкнув черными глазами.-Что ты наделала со своими волосами?

Одри была готова к ее реакции и жизнерадостно возразила:

— Ничего особенного. Это все придумал мой новый парикмахер.

— Превосходно, Одри, — усмехнулась мачеха;-Должна сказать, что совершеннолетие не улучшило твои вкус и манеры. Или, может быть, все дело в твоей компании? Однако я думаю, ты могла бы известить, что не придешь к обеду домой. Бедная Элси напрасно готовила для тебя!

— Я пыталась дозвониться из парикмахерской, — возразила в свою защиту Одри, — но наш номер был все время занят. Кроме того ты говорила, что вы с отцом будете обедать не дома, а Элси в таких случаях всегда отправляется в кино. Я и не подозревала, что доставила кому-то беспокойство.

— Да, конечно, но твоему отцу пришлось остаться дома-он ждал деловые телефонные звонки из-за океана..

— Но я-то этого не знала, Лавиния.

— Не знала-что?-послышался вдруг мужской голос.

Лавиния при внезапном появлении мужа тут же изменила свою манеру поведения. Агрессивность исчезла, ее сменила женская застенчивость.

— Что мы никуда не выходили сегодня, дорогой. Похоже, Одри не была с Эллиотом вечером, а ходила в парикмахерскую.

Варвик Фарнсуорт с улыбкой присмотрелся к дочери.

— Это и заметно. Одри, дорогуша, ты выглядишь совсем по-новому! Если бы я встретил тебя на улице, то не узнал бы и прошел бы мимо. Ты отлично смотришься блондинкой. Выглядишь старше и... более искушенной.

— Спасибо, папа. Мне тоже нравится мой новый облик. Но мне кажется, Лавинии он не по душе.

Нахмурившись, он посмотрел на жену.

— Не понимаю, почему?...

Затем Варвик снова обратился к дочери.

— Ты, я вижу, накупила одежды, — он кивнул на пластиковые сумки в ее руках.

— Да. Я завтра иду с Эллиотом на скачки и посчитала, что мне нужен новый наряд. Варвик удивился.

— Скачки? Ты имеешь в виду лошадиные скачки? На автомобильные гонки?

— Лошадиные скачки. Разве Лавиния не говорила тебе? Эллиот владеет частью акций одной лошади, молодой кобылы по кличке «Маленькая розовая девочка».

— Нет, она ничего мне не сказала, — он бросил острый взгляд на жену.

Это был своего рода намек на то, что не все было безоблачным в отношениях этой пары. Но здесь Одри трудно было проявить сочувствие к отцу. Он женился на одной женщине ради денег, а на другой ради секса, и в обоих случаях нечем было восхищаться. Он по своей воле лег в постель с Лавинией и теперь должен был оставаться в ней.

— Мне нужно идти, — сказала Одри и поторопилась вверх по оставшимся ступенькам. — Предстоит еще многое сделать, чтобы подготовиться к завтрашнему дню.

И она действительно занялась подготовкой. Проведенные в парикмахерской часы стали для нее настоящим благом. Она не только была восхищена новой прической, но и рада тому, что хозяйка парикмахерской — очень дружелюбная женщина — оказалась подружкой хозяйки соседнего магазинчика. Они разговорились, и, когда Одри сидела под сушилкой, ей показали несколько платьев и костюмов и соответствующие аксессуары. Ей также предложили воспользоваться услугами косметолога салона, и, выйдя из парикмахерской, она накупила кучу всякой косметики.

Одри поспешила в свою комнату и разложила содержимое своих сумок на кровати. Найдя пакет с косметическими принадлежностями, она аккуратно разместила все баночки, бутылочки, тюбики и кисточки на туалетном столике, потом присела и с удовольствием уставилась в зеркало на отражение своего обновленного лица.

Разумеется, главное изменение претерпели ее волосы, выглядевшие теперь более мягкими. Но ей нравилось и то, как мастер-косметолог более четко прорисовала ее брови. Что касается глаз... Они казались большими и привлекательными, благодаря теням коричневого оттенка, наведенным вокруг них, не говоря уже о туши на ресницах.

Она подняла руки и провела пальцами по скулам, о существовании которых раньше даже не догадывалась. Но вот же они, — как бы подсвеченные румянами, нанесенными на щеки. Рот, обведенный темным губным карандашом, уже не выглядел столь детским. В целом Одри думала, что выглядела она (осмелилась бы она подумать о себе так прежде?..) сексуальной? Не зашла ли она здесь слишком далеко? Может, достаточно сказать по-другому: искушенной. Да-остановимся на этом: искушенной.

Интересно, что о ней теперь подумает Эллиот. Бабочки тревожно запорхали в ее желудке.

Она нырнула в постель, и, счастливо смеясь, перевернулась на спину.

Эллиот...

Она спрыгнула с кровати и почувствовала новый прилив радости при виде своего отражения.

— Теперь ты никуда от меня не денешься, Эллиот Найт, — воскликнула она, обнимая саму себя.

— О господи!..-воскликнул Эллиот, с изумлением оглядывая Одри, когда она вышла из парадной двери, плотно затворив ее за собой.

— Тебе не нравится?-застенчиво спросила она, перехватывая восхищенный блеск в его глазах.

— Что может не нравиться?-рассмеялся он.-Твои волосы, твое лицо или твое потрясающее платье?

Она порозовела с откровенным наслаждением.

Его взгляд остановился на дорожке из черных пуговиц, бегущих от низкого выреза в форме буквы «У» до подола ее гладкого шерстяного кремового платья, потом вернулся к ее свободной прическе и на лицо с прекрасно наложенным макияжем.

Прежде чем он успел сказать еще хоть слово, она подняла черную соломенную шляпку, которую держала до этого в руке, и надела ее под дерзким углом на голову.

— А что ты скажешь насчет этого? — она улыбнулась еще более уверенно, чем раньше.

— Фантастика! — ответил он, восхищенно покачивая головой.

Эллиот и сам выглядел великолепно в светлосерой тройке и белой шелковой рубашке. Он было гладко выбрит, не то что всю предыдущую неделю. Каждая прядь его темных густых волос была на своем месте, зачесанная назад. А лицо с чудесными серыми глазами сегодня было невероятно красивым.

— В это время на следующей неделе!-ликующе подумала Одри, и у нее снова засосало под ложечкой.

— Узнал бы ты меня, если бы встретил на улице? — поспешно спросила она, желая отвлечься от своих мыслей, которые могут оказаться слишком для него прозрачными.

— Разумеется!

— Вот как?-слегка улыбнулась она.-А вот папа сказал, что не узнал бы...

Ответная улыбка Эллиота оказалась на этот раз даже слишком сексуальной.

— Золотце мое, я бы узнал эти глаза, что бы ты там с ними ни сделала. И этот рот...

Он протянул руку и прикоснулся мягкими кончиками пальцев к бронзовому блеску ее губ.

— Сегодня держись поближе ко мне, дорогуша, — прошептал он, — не хотелось бы мне выбить зубы кому-нибудь, кто попытается тебя разговорить. А теперь возьми свою шляпу и пойдем.

Тебя ждет большое будущее!

— Будущее?-она замерла на секунду и заморгала часто-часто. Он рассмеялся.

—Я имею в виду скачки.

Но Одри подумала, что он имел в виду нечто иное. Предупреждения Эдуарда опять беспокойно засуетились в ее голове, и она бросила тревожный взгляд на Эллиота.

Возможно ли такое; что Эллиот, оценив ее обновленную внешность, захотел теперь жениться на ней не потому, что она была умна и красива, а, как ей об этом говорил Эдуард, — только из-за денег?

Она засомневалась, сообразив, что отнюдь не отринула автоматически от тревожного предупреждения.

— Я все еще не могу привыкнуть к тому, как здорово ты смотришься блондинкой, — сказал он,

помогая ей занять место рядом с водителем в черном «саабе».

Ее собственная улыбка показалась ей вымученной, но Эллиот, казалось, ничего не заметил. Он, похоже, был в отличном настроении, что встревожило ее еще больше. Хотя, вероятно, она неверно просчитывала ситуацию. Может, он просто был рад тому, что ему предстоит сегодня представить друзьям улучшенный вариант Одри Фарнсуорт.

Она не знала и никогда не узнает многого об Эллиоте, если будет продолжать так глупо молчать. Скажи же что-нибудь! Задай ему несколько вопросов!

Но ей никак не приходили в голову нужные слова. Как не хватало ей и отваги, чтобы произнести их.

Эллиот же болтал с ней всю дорогу до Роуз-хилла. Но не сказал ничего нового. Одри понятия не имела, как это он ухитрялся делать и почему.

Она утешала себя мыслью, что он все же не мог заставить ее жениться на себе, даже если таков был его план. Она могла быть влюблена в него до безумия и была готова лечь с ним в постель. Но пока она не узнает о нем гораздо больше, чем знает сейчас, дальше этого их отношения не пойдут.

Скоро показался ипподром. Огромная масса зеленой травы выглядела странно на фоне заводских труб и крыш. Одри никогда раньше не была в Роузхилле, за исключением единственного случая, когда ее отца пригласил сюда один из его знакомых миллионеров. На скачках, похоже, всегда полно именно таких людей. Состоятельные собственники, богатые дельцы, несмотря на занятость, все же выбирают на скачки, чтобы произвести впечатление на клиентов участием в развлечениях, пристрастием к этому королевскому спорту. Интересно, таковы ли друзья Эллиота? Эти мысли привели ее в большое волнение. Ощущение того, что она выглядела лучше, чем прежде, не прибавило ей уверенности и уменья возвращаться в изысканном обществе. А один успешный обед со знакомыми людьми еще не означал, что она сможет поддерживать на равных их беседу и с незнакомыми людьми. Ее тяготило ужасное предчувствие, что перед совершенно незнакомыми людьми она легко вновь превратится в застенчивую, косноязычную девчонку.

— Эллиот, — наконец вымолвила она.

— Мммм?..

Он казался рассеянным, пытаясь найти подходящее место для парковки. Служащий направлял цепочку машин в разные стороны, но не все они подчинялись его указаниям. Машина прямо перед ними неожиданно поехала задом. Одри в панике втянула в себя воздух. Эллиот проворчал что-то, резко вывернул руль и стремительно втиснулся в узкое пространство между темно-синим «мерседесом» и серебристым «роллсом». Она почувствовала облегчение, когда их машина, наконец, оказалась в безопасности. Однако вид великолепно одетых людей, вылезавших из этих дорогих машин, только усилил ее нервозность. Эллиот, — повторила она.

— Да?..-откликнулся он. Но прежде выключил двигатель и вынул ключ из замка зажигания.

— Ты ничего не рассказал мне о людях, в чью ложу мы приглашены. Кто они такие?

— Совладельцы лошади. Очень приятные люди. Тебе не о чем беспокоиться.

— Но я все же беспокоюсь, — с явным напряжением проговорила она. -Мне же нужно знать по

крайней мере их имена и хоть что-нибудь о них... Она беспомощно пожала плечами. Он повернулся, чтобы взять с заднего сиденья расписание скачек в бинокль.

— Мистер я миссис Найджел Эванс будут нашими хозяевами. Из всех здесь присутствующих я, в сущности, по-настоящему знаю только их. Найджел был издателем Мойры. Его жену зовут Ивонна. Другая пара-мистер и миссис Билл Дейтон. Жену зовут Джойс. Он владеет типографской фирмой. И еще одна пара: Грегсоны. Мужа зовут Майк, но я не помню имени его жены. Кажется, Элен. Они были большими друзьями Мойры. А «Маленькая розовая девочка» принадлежала ей. Лошади были, видишь ли, одной из многих ее страстей.

Одри попыталась проигнорировать, что у жены Эллиота было «много страстей», глубоко вздохнула и посмотрела на него задумчивым, но твердым взглядом.

— Нет, я ничего не вижу... Как бы я могла что-то видеть? Я ничего не знаю ни о Мойре, ни о твоём супружестве. Я ждала, когда ты, наконец, соберешься рассказать мне об этом... Это будет до того или после того, как мы ляжем в постель?

Одри даже почувствовала гордость за свою смелость, высказав все это, хоть ее руки, спрятанные за шляпой, дрожали...

— Ни до, ни после!-отрывисто ответил он.

— Почему?

Он обернулся и бросил на нее раздраженный взгляд.

— Ради бога, Одри, я не понимаю, какую связь имеет мое супружество с Мойрой и нашими с тобой взаимоотношениями. То, что было в моей жизни прежде, ушло в прошлое. Оставь его там, пожалуйста! Мне понадобился целый год, чтобы пережить ощущение вины по отношению к Мойре!..

— Ви... вины?-заикаясь, повторила она. — Вины за что?

— Сколько же вариантов ответов было на этот вопрос....:

— За ее смерть, — напряженно Объяснил он, и Одри почувствовала болезненное облегчение. — Я всегда винил себя за то, что находился так долго в отъезде. Я знал, что она плохо себя чувствовала, и мне не следовало уезжать.

— Уезжать куда? Куда ты уехал?

— За океан. В Европу. Меня пригласили помочь спланировать трассы для мирового лыжного чемпионата следующего года. Трассы для скоростного спуска и слалома.

Одри уставилась на него, растерянно разинув рот. Он заметил выражение ее лица, и оно вызвало у него. досаду.

— Я же говорил тебе, что катаюсь на лыжах. В самом деле, — прежде я занимался этим профессионально. Я довольно известен в международных лыжных кругах.

— О... я этого не знала.

— Откуда тебе это знать? Лыжный спорт мало популярен в Австралии, а я кончил участвовать в соревнованиях несколько лет назад.

— Но мне, наверное, следовало порасспросить тебя раньше о твоей жизни.

— Пожалуй, действительно следовало, — он внимательно посмотрел на нее. — Так ты решила спросить об этом сейчас...

Ее сердце дрогнуло, но она не отвела своих глаз.

— Да.

— Именно сейчас?

— Да.

Его вздох был. насмешливым. — —Ну и выбираешь же ты время, Одри, моя любовь.

Он бросил взгляд на свои часы.

— Полагаю, есть время для короткого конспективного рассказа. Посмотрим...

— Я единственный ребенок в семье. И был еще маленьким мальчиком, когда отец сбежал от моей матери. Мама умерла, когда я только что закончил среднюю школу. Я выиграл университетскую стипендию, а во время каникул катался на лыжах. Стал адвокатом, работал и экономил, экономил... В двадцать семь лет взял двухгодичный отпуск, чтобы посвятить всего себя лыжам. В двадцать девять разбил правую коленку и вынужден был отказаться от участия в соревнованиях. Приехал обратно в Австралию, вернулся на прежнюю работу и на одной из вечеринок встретил Мойру. Довольно скоро мы стали жить вместе, потом поженились. Остальное ты знаешь. — Ты... умолчал обо всех остальных женщинах, — произнесла Одри, задержав дыхание. — О тех, что были у тебя до того, как тебе исполнилось двадцать девять...

Он сухо рассмеялся.,

— Моя дорогая, сладкая Одри, если бы я стал перечислять все мои прошлые победы, мы застряли бы здесь очень надолго.

Он насмешливо посмотрел на ее лицо с явными следами шока.

— Я же тебя предупреждал, потому не извиняюсь. Ни одна из женщин, переспавших со мной, не сожалела об этом. Почему бы сожалел я?

— Я тебя шокировал? — он рассмеялся опять. — Похоже, что да. Оно и хорошо. У тебя плохая привычка, дорогуша, — ты пытаешься смотреть на меня сквозь розовые очки. Поверь мне, моя единственная заявка на целомудрие в том, что касается женщин, это мое поведение по отношению к тебе.

Она снова внимательно, изучающе уставилась на него. Означали ли только что сказанные слова, что на Мойре он женился всего лишь ради ее денег? Изменял ли он ей?

— И если этому моему крайне целомудренному поведению грозят перемены, то в этом ты можешь винить только себя. В частности, тебе не следовало выглядеть так сверхсексуально сегодня... — проворчал он, не спуская с нее жадных глаз.

Одри полагала, что на этот раз она была готова к его поцелую и сможет сдержать свою ответную реакцию. Но ее кровь бешено заструилась по жилам еще до того, как его губы прикоснулись к ней. И вскоре она напряглась и застонала, ощутив давление его губ и языка.

Сердце забилося как сумасшедшее, голова закружилась. Теперь сомнений не оставалось-это была любовь в самом худшем варианте-одержимая, безумная, не умеющая и не желающая слушать разум или какие-либо предупреждения. Даже если эти предупреждения исходили от самого предмета любви.

Первым опомнился Эллиот. — Полагаю, нам лучше пройти на трек, — проговорил оно сухим смешком, — иначе мы никогда не попадем туда!

8

Следующие полчаса Одри пережила гораздо лучше, чем предполагала. Более или менее естественно войти в незнакомое общество ей помог Эллиот, нагрузив ее парой стаканов белого вина, как только они попали в частную ложу с богатым выбором напитков в баре, расположенном в ее задней части. К тому же он держался рядом с ней, словно приклеенный, постоянно полуобнимая ее одной рукой то за талию, то даже за бедра, не отпуская от себя ни на шаг, пока официально представлял ее.

В чем он был прав, так это в том, что друзья Мойры были действительно очень приятными людьми. Они вовсе не были снобами или манерными, какими обычно выглядели люди состоятельные, и восприняли ее вполне естественно как новую подругу Эллиота, хотя это ее несколько удивило. Она предполагала, что они отринут ее за то, что она пыталась занять место Мойры, притом вскоре после ее смерти. Издатель Найджел Эванс и его жена Ивонна, обоим далеко за сорок, вели себя благосклонно по отношению к ней, а две другие пары занимались в основном собой.

Когда Эллиот вместе с Найджелом вышел перед первым забегом, чтобы сделать ставки, оставив женщин вдвоем, Ивонна с готовностью улыбнулась Одри.

— Приятно видеть, что Эллиот снова начал выходить в свет после смерти Мойры, — сказала она.-К тому же со столь юной и приятной особой. Мы с Найджелом страшно беспокоились за него. Я полагаю, вы знаете, что он принял очень близко к сердцу смерть жены...

Одри сказала, что знала об этом. Однако ее мозг пытался понять, почему эта женщина так подчеркнула слово «юная».

Ивонна отвлекла ее от тревожных мыслей, дружески взяв за руку.

— Скажите, не будет невежливо с моей стороны, если я спрошу: насколько серьезно вы с Эллиотом относитесь друг к другу?..

— О, господи, ничего серьезного!-почти выкрикнула Одри.-Мы ведь и знакомы только две недели...

Собеседница кивнула.

— Понятно. Пожалуй, еще рановато. Но я уверена, что Мойра была бы довольна, если бы у вас были серьезные намерения, — она издала короткий смешок.-Не изображайте удивления, моя дорогая. Мойра не была ярко выраженной собственницей. Она хотела бы, чтобы Эллиот вскоре женился, а не вернулся к своему образу жизни до первой женитьбы. До встречи с Мойрой он здорово приударял за женщинами.

— Я об этом слышала, — признала Одри.

— Вот как? Кто же сказал вам об этом?

— Сам Эллиот.

— Это на него не похоже. Обычно он помалкивает на свой счет. Он, должно быть, думает слишком хорошо о вас, если рассказал вам о себе так много.

Сердце Одри опустилось: в сущности не так уж много она и знала...

— Я сказала что-то не то?-тревожно нахмурилась Ивонна.

— Нет-нет, — поспешила успокоить ее Одри.-Просто я хотела бы знать немного больше об Эллиоте. Но совать свой нос куда тебя не просят...

— Чепуха! Нам, женщинам, следует держаться друг друга. Я расскажу вам все, что хотите, — только спрашивайте!

Как могла Одри воспротивиться такому соблазну?..

— Супружество Эллиота с Мойрой было... но любви?

Ивонна опять нахмурилась.

— Это трудный вопрос. Со стороны Мойры несомненно по любви. Она сходила с ума по нему. Что же касается Эллиота? Ммм... Конечно, много было всяких разговоров по поводу его женитьбы на Мойре, насчет того, что он сошелся с ней только из-за ее славы и денег. Но я никогда не была согласна с этим. Эллиот был адвокатом в большой компании-там прекрасно оплачиваемая работа. И к тому же он был широко известен, благодаря своим лыжным успехам. Судя по всему, он ее очень любил. Хотя я бы и поколебалась назвать его чувство к ней настоящей любовью, — она вздохнула, — Мойра говорила, что он не способен до конца доверять ни одной женщине после того, как с ним так жестоко и несправедливо поступила его мать...

— Прошу прощения, — не поняла...-заморгала Одри.

— Вы об этом не знали? Скажите мне, дорогая, что именно рассказал вам Эллиот о своем детстве?

Внутренне Одри вся как бы сжалась. — Откровенно говоря, немного. Я знаю, что отец ушел от них, когда он был еще ребенком и что мать умерла, едва он окончил школу.

— Довольно-таки схематическая версия. Отец действительно бросил их. Но так же поступила в отношении его и мать, когда ему было всего восемь.

Одри, должно быть, выглядела шокированной.

— Она была алкоголичкой, — объяснила Ивонна.-Эллиот перешел на государственное обеспечение и жил в разных приютах и интернатах. Там он стал, как это принято говорить, «антиобщественным элементом» и попал в конце концов в исправительный лагерь для подростков.

Одно из заведений фонда благотворительности, специализирующегося на организации каникул для этих несчастных детей, привезло его на снежный склон, и он обнаружил в себе редкий талант к лыжам. Вы знаете насчет его лыжной карьеры, не правда ли?

— Немного...

— Он очень пристрастился к лыжам. Одновременно он стал делать заметные успехи в учебе. Шефы из благотворительного фонда дали ему стипендию, чтобы он мог изучать юриспруденцию в университете и тренироваться в свободное время на лыжах. Их денежная помощь привела к тому, что он лучше всех окончил юридический факультет и одновременно стал лыжником мирового класса.

— О господи!...удивленно воскликнула Одри.

— Говорили, что он мог бы стать чемпионом мира по скоростному спуску, если бы жил в Европе, а не в Австралии с ее весьма ограниченными возможностями — немногочисленными спортивными сооружениями и редкими соревнованиями. Но он и так выступал неплохо, постоянно входя в мировую десятку лучших. Это в придачу к его великолепной внешности помогло ему заключить весьма доходный контракт с одной европейской компанией, производящей спортивную одежду. Сам Эллиот не рассказывал это Мойре, — со вздохом продолжила Ивонна. Все это она разузнала из других источников за несколько лет до их знакомства. Потому что Мойра, видишь ли, была одним из его спонсоров.

У Одри не было слов.

Впрочем, и у Ивонны их могло не хватить.

— Мойра рассказывала мне, что в ту ночь, когда она впервые встретилась с ним на вечеринке в честь окончания лыжного сезона в Перишер-Вэлли, вслед ему поворачивалась головка каждой женщины, которой он был представлен. У него была репутация «гвоздя», особенно в отношении более взрослых женщин, заинтересованных только в сексе. Разведенки... Вдовы... Женщины, делающие карьеру... Несчастные жены... Холодок пробежал по спине Одри.

— Однако, жизнь международного лыжного круга вообще весьма скандальна»-небрежно бросила Ивонна.-Мойра находила забавным его донжуанское поведение, пока он был на расстоянии, но когда он попытался цинично очаровать ее в ее кресле-каталке, у нее круги пошли перед глазами...

Ивонна издала легкий смешок, пока Одри пыталась совладать не только с образом Эллиота-бабника, но и представить себе еще более невероятный образ жены Эллиота в кресле-каталке.

— Поверьте, когда я говорю, что Мойра выглядела очень спокойной дамой, — продолжила Ивонна.-Но не была ею. Она рассказывала мне, что веревки из него вила, публично его оскорбляла, оставляла на ночь за дверью... Очевидно, он был заинтригован столь неординарным характером. Наверное, почувствовал вызов в ее поведении. Мойра была не без ума. Однажды он позвонил ей ночью, и так начались их отношения...

— Мойра была... постоянно прикована к креслу-каталке?

— Нет, у нее бывали хорошие и плохие периоды. Такое уж было у нее заболевание. Она обычно проводила массу времени на снегу, поскольку это ослабляло течение болезни. Как бы то ни было, вскоре после знакомства с Эллиотом, у нее на пару лет установилась ремиссия. Но за несколько недель до смерти болезнь снова завладела ею. И все же она оставалась очень бравой, очень сильной. Не поддавалась ничему. Но знаете... Я часто думаю, что даже хорошо, что она ушла, когда ушла...

— Почему вы так говорите? Неужели... Эллиот был неверен ей? —

Ивонна пожала плечами:

— Я в этом не уверена. Но ведь трудно представить его, отказывающим всем тем женщинам, которые продолжали навязываться ему.

— О! Они с Найджелом уже идут, — предупредила она. — Ради Бога, не говорите, что я столько вам порассказала. Эллиот придет в ярость, да и Найджел тоже. Он и так считает, что я говорю слишком много...

— Не скажу ни слова, — твердо обещала Одри, чувствуя, как у нее кружится голова.

— Вы двое выглядите «ворами в законе», — с улыбкой сказал Эллиот, обхватывая властной рукой талию Одри.

Она замерла. Но когда он улыбнулся ей, взглянув на нее глазами теплыми и полными желания, все ее тревоги и волнения относительно прошлой жизни и характера Эллиота, казалось, канули в небытие. Она могла думать только о том, что происходило сейчас и в данном месте. А сейчас и в данном месте она желала его как ненормальная. Все остальное абсолютно не имело значения. К тому же он ведь никогда и не пытался обмануть ее относительно своих намерений или отсутствия оных.

— Мы обсуждали шансы лошадей, выступающих в этом заезде, — поспешно проговорила Ивонна.

— И на какую бы ты поставила, Одри? — поинтересовался Эллиот

Ее глаза ответили «на тебя» прежде, чем она сумела остановить себя.

Он приподнял одну бровь, склонился к ее уху и прошептал:

— Кокетница, мы сюда приехали, чтобы посмотреть, как бежит «Маленькая розовая девочка», а не для чего-нибудь еще!

— В каком... в каком заезде она побежит? — спросила она с бешено бьющимся сердцем.

— В третьем, в час тридцать пять.

— И ты думаешь, выиграет? Он пожал плечами.

— Тренер этого не думает, но Найджел говорит, что он слишком осторожный человек. Вот расписание. Посмотри и решай сама. Я не хочу повлиять на твой выбор, — добавил он с дразнящим блеском в глазах.

С порозовевшими щеками Одри занялась изучением разнообразной информации, радуясь возможности не думать о том, что занимало ее все то время, когда она была рядом с Эллиотом.

— Насколько я понимаю, — заговорила она через минуту или две — «Маленькой розовой девочкой» станет управлять не очень-то квалифицированный жокей. Но здесь пишут, что, благодаря легкому весу, шансы у нее лучше, чем у других лошадей.

— Одри говорит как настоящий игрок... — пошутил Найджел.

— Дело не только в этом, — улыбнулась она, — жокей. одет в кремовое и черное. А это — мои цвета.

— Ну, в таком случае, — развеселился Эллиот, — я последую твоему совету, и черт побери этого тренера!

Одри подумала, что он шутит и поэтому очень удивилась, когда чуть позже он поставил на молодую кобылу тысячу долларов. На этом фоне ее собственная десятидолларовая ставка выглядела пустяковой. Однако налицо был добрый знак: крупная ставка Эллиота опровергала подозрения в том, что Эллиот нуждался в деньгах.

Одри удивилась собственному возбуждению, охватившему ее, когда лошадей стали выводить на трек. Она рассмотрела одиннадцатый номер на седле красивой гнедой с белым пятном на голове.

— Я вижу ее!-громко воскликнула она и чуть не задушила Эллиота, схватив за его бинокль, чтобы лучше рассмотреть кобылку, выходящую из конюшни.

— Она красива, — отметила Одри.-И очень ногастая.

Эллиот забрал у нее бинокль и, потирая след оставленный ремнем на шее, грубовато произнес:

— Ногастая? Пожалуй, слишком профессиональная оценка для женщины, которая совсем недавно говорила, что, якобы, не может отличить перед лошади от ее зада...

Все рассмеялись.

— Будем надеяться, наша кобылка выступит лучше других, — сказал Найджел.

— Я тоже надеюсь, — согласилась Одри с нескрываемым волнением.

... «Маленькая розовая девочка» не выиграла... Но она пришла третьей к восторгу всех присутствующих. Все вокруг обнимались. В целом в ставках на места Эллиот выиграл пять тысяч долларов, поэтому он дал Одри тысячу, сказав:

— В возмещение твоего проигрыша.

— Но я не могу принять это!-запротестовала она со все еще разгоряченным от возбуждения лицом.-Я проиграла всего десять долларов.

—Не отказывайся, бери, — настаивал он. — Считай себя подкупленной. Ибо позже я могу заставить тебя заработать такую же сумму, добавил он хриплым шепотом.

Щеки Одри горели. Он мог всего лишь шутить, но она не привыкла к подобным шуткам. Увидев, как она смутилась, Эллиот приобнял ее за плечи.

— Ты восхитительна, знаешь? Настолько восхитительна, — проговорил он, хватая ее губами за ухо, — что я просто не могу больше ждать.

— Прошу прощения, ребята, — громко обратился он к остальным, — но нам с Одри нужно ехать. Я увожу ее на снег до конца уик-энда.

Одри едва не вскрикнула от неожиданности. И тут же прикусила нижнюю губу. Ее новорожденное самоуважение говорило ей, что нельзя позволять Эллиоту решать за них обоих вот так неожиданно, не посоветовавшись с ней, не спросив даже ее согласия. Как бы сильно ни желала она его, Одри не могла одобрить такое поведение.

Но она не хотела устраивать сцену в присутствии этих приятных людей и решила подождать, пока они не сядут в машину.

— Неужели вы уже должны уезжать?-спросила Ивонна.-Это обидно-ведь ваша компания доставляет мне такое удовольствие!.. Все остальные согласились с этим. Однако Эллиот был непреклонен и вскоре уже вел сопротивляющуюся Одри через толпу на стоянку машин. Она даже вынуждена была свободной рукой придерживать шляпу к голове-иначе она улетела бы, — так быстро они передвигались. О чем, на самом деле, он думал, что решил? Поиметь ее прямо на стоянке? О, боги, неужели он совсем не считается с нею? Или вообразил, что был так неотразимо хорош, что она согласится на все, когда бы он этого ни захотел? Я, может быть, и влюблена в него, но, право слово, давно уже не глупенькая простофиля, кстати, благодаря тому же Расселлу, думала она.

Они подошли к «саабу», и, когда Эллиот стал открывать ключом дверцу со стороны пассажира, она наконец заговорила.

— Тебе не следовало бы этого делать, Эллиот. Прежде... прежде ты должен был бы спросить меня.

Голос ее дрожал и, по правде говоря, она не была уверена в своей правоте.

Он выпрямился с выражением одновременно озадаченным и раздраженным. Это было выражение мужчины, который умеет настоять на своем и не ожидает, что девушка, вроде Одри, будет перечить ему. Ее грудную клетку словно тисками сжало, пока она ждала его ответа.

— Тебе надо было держать рот на замке, дурочка, — сказала она себе.-Сейчас, возможно, он отвезет ее прямо домой, оставит на пороге, а сам отправится в неизвестность, чтобы никогда не возвращаться!

— Когда он медленно кивнул и на его лице появилась кривая усмешка, она почувствовала необычайное облегчение.

— Ты права, — согласился он.-Я поступил самонадеянно и надменно. Прощу прощения.

— Все в порядке, — сказала она, почувствовав такое удовлетворение, какое прежде никогда не испытывала.

Она встала на защиту своих принципов и добилась успеха и уступки с его стороны.

Он заглянул в ее глаза, снял с нее шляпку, положил на капот машины и обнял ее.

— Ты поедешь со мной, Одри?-прошептал он, наклонился и прикоснулся к ее губам. — Прямо сейчас?..

Его губы слегка раскрылись, когда он запечатлел легкий поцелуй на ее губах...

— И пробудешь со мной весь уик-энд? Он вновь поцеловал ее, и Одри не могла уже ни о чем думать следующую минуту или две. По правде говоря, даже когда он оторвал свои губы, она не могла додумать до конца хотя бы мысль.

— Ты не ответила мне, — мягко проговорил он.

- Я не принимала... не принимала таблеток, — выпалила она.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Ты... ты должен будешь... должен будешь... Он мягко улыбнулся и сжал ее в своих объятиях.
- Разумеется... 4 Она сделала дрожащий вздох, прижавшись к его груди, и произнесла.
- Я буду жутко нервничать, Эллиот... Он стал гладить ее волосы.
- Это не то, чего следует стыдиться, дорогая. Доброе слово и нежное прикосновение его пальцев к ее волосам вызвали в ней дрожь.
- На нас обращают внимание, — прошептала она.
- Пусть...
- О, Эллиот, я действительно хочу тебя. Она почувствовала дрожь, пробежавшую по его телу, и ей показалось восхитительным то, что она смогла вызвать в нем такую реакцию.
- Не найти ли нам мотель поблизости? — спросил он севшим голосом.

Это было искушение. Но оно продолжалось только мгновение. Мотель подсказывал картины мимолетных, на одну ночь свиданий, изменяющих друг другу супругов. Она же хотела, чтобы ее первая встреча с Эллиотом состоялась в исключительном уединении и в особых условиях. Стоило подождать несколько часов, чтобы оказаться в соответствующей обстановке.

Но она понимала, что мужчины не любят ждать.

Ей была ненавистна мысль, что он мог рассматривать ее лишь как еще одно женское тело, как средство удовлетворения физиологических потребностей. Внезапно ей показалось очень важным, чтобы он подождал эти несколько часов. Может, это ничего и не даст, но она не желала отказываться от пришедшей в голову идеи.

Она медленно высвободилась из его объятий и взглянула вверх на его лицо.

— Я... предпочла бы поехать на снег, — нервно произнесла она. — Если ты не возражаешь? Он горестно рассмеялся.

— Конечно, возражаю! Но если ты это предпочитаешь... Она кивнула.

— Тогда пусть будет так. Но я должен предупредить тебя...

— О чем?

— Мы установим рекорд скорости по дороге к Снежным горам.

Она замерла, в ее мозгу вновь возникла картина, как машина на сумасшедшей скорости соскальзывает с покрытой льдом дороги...

— Черт, я совсем забыл, — проворчал он, заметив искорки тревоги в ее глазах, — Мы установим рекорд на пути отсюда до Джиндебайн, не превышая установленной полицией скорости. С этим ты, надеюсь, согласишься?

— Соглашусь, — со вздохом улыбнулась она. Он честно выполнял обещание. Однако с самого начала стрелка спидометра держалась на предельной отметке. Скоро они выбрались за город и понеслись по шоссе, ведущем на юг.

— Могу я послушать музыку?-спросила она через полчаса. 1 Эллиот, казалось, не был в настроении разговаривать, а однообразие пейзажа навевало гипнотизирующую скуку. Одри еще ни разу не выезжала на это шоссе, которое, похоже, обходило стороной города.

— Конечно, найди то, что считаешь нужным. В «бардачке» большой выбор кассет.

Она выбрала музыкальное сопровождение к фильму Тома Круиза «Лучший стрелок» и поставила кассету в плеер. Откинувшись на спинку сиденья, закрыла глаза, когда вибрирующие звуки музыки заполнили салон машины.

— Постарайся заснуть, — подсказал Эллиот.

Заснуть ей, конечно, не удалось.

Она, однако, сделала вид, что задремала. Отвернув от Эллиота лицо, она невидящим взглядом смотрела через окно на пробегающий мимо монотонный пейзаж. Затем они свернули на более живописную дорогу, которая вилась вокруг небольших запруд и искусственных озер. Дорожный знак оповестил, что появившееся вдруг рядом с дорогой озеро называлось Джордж.

Какое забавное название, подумала она. Они проскочили мимо поворота на Канберру и вскоре направились в сторону Кумы. Ехали, не останавливаясь, не снижая скорости и не разговаривая.

Солнце постепенно опускалось, окрасив желто-золотым блеском дальние холмы, пока не скрылось совсем. Окрестности погрузились в холодные серые сумерки. Полная луна появилась на угольно-черном небе. Темнеющий пейзаж начал как бы туманиться, и, убаюканная дорогой, Одри в конце концов задремала.

9

... Чья-то рука мягко прикоснулась к ее плечу:

«Одри, мы приехали...»

Она выпрямилась на сиденье и огляделась. Они находились в похожем на пещеру гараже, казалось, вырубленном в склоне холма, со стенами из твердой скалы. Ее охватила дрожь.

— Пойдем, — сказал Эллиот, разминая застывшие плечи и потянувшись к дверной ручке. — Нужно подняться наверх и включить отопление.

Одри выбралась из машины в полубессознательном состоянии. Приехали?.. Они приехали!.. О господи...

— Сюда, наверх, — позвал Эллиот и пересек бетонный пол, направляясь к лестнице, ведущей к люку в потолке гаража. Он поднялся первым, чтобы открыть висячий замок.

— Здесь нельзя быть слишком уверенным в безопасности, — объяснил он, вставляя ключ, — пустующие дачи-отличный объект для взломщиков.

Люк вывел их в огромную гостиную, — самую большую из тех, что когда-либо видела Одри.

Видимо, эта гостиная или по крайней мере часть ее располагалась под землей, ибо задняя стена была вытесана из скалы. Боковые стены не имели окон, но четвертая была сплошь застекленной. Облака, должно быть, полностью закрыли луну, ибо было слишком темно, чтобы разглядеть какой-либо пейзаж. Был. только намек на верхушки деревьев и ряд огней далеко внизу. Очевидно, они находились высоко, вероятно, на склоне горы или холма. Судя по царившей тишине, дом находился в удалении от дороги и других зданий.

Она огляделась, обратив внимание на роскошную обстановку, включающую толстый серый ковер, темный телевидеокомбайн и обитые темно-красной кожей диваны и кресла. Большой черный круглый камин царствовал в центре комнаты. Его черная труба уходила в белый потолок.

Взгляд Одри перенесся на хорошо оборудованную белоснежную кухню, отделенную от гостиной стойкой для завтрака с тремя покрытыми черной кожей табуретками. Слева от нее стоял овальный стол со стеклянной столешницей и шестью стульями, обитыми красной кожей.

Все в комнате было серого, белого, черного или красного цветов. По многим признакам дом был определенно мужским, и Одри подумала, что это был дом Эллиота, а вовсе не Мойры. От сознания этого она почувствовала себя лучше, неизвестно почему.

— Будь как дома, — предложил Эллиот. — Я только включу отопление и приготовлю что-нибудь горячее поесть и попить.

Он прошел к стене и повернул несколько выключателей,

— Проклятье, здесь чертовски холодно. Я, пожалуй, разожгу и камин.

Одри наблюдала, как ловко он разжег камин, и чувствовала, как с каждой секундой ее охватывает все большее напряжение. Вся недавно приобретенная ею уверенность в себя ушла в небытие. Она снова чувствовала себя неуклюжей простушкой. Она просто знала, что потерпит провал в любовном акте, что Эллиот посчитает ее такой же скучной, как и Расселл.

Она прикусила губу и прошла вперед, как будто в желании посмотреть на открывающийся вид, хотя единственное, что она могла разглядеть, было широкое пространство воды. Озеро Джиндэбайн, предположила она.

— Задвинь, пожалуйста, занавеси, — попросил он, — это поможет сохранить тепло.

Занавеси были из тяжелого черного шелка. Одри потянула за шнур и занавеси закрылись, отрезав их от внешнего мира. Сама не зная почему, Одри посмотрела на потолок.

— Да, здесь есть еще второй этаж, — подтвердил Эллиот. — Две спальни с ванными комнатами. С каждой минутой там становится теплее. Вот та дверь ведет на лестницу. Другая — в туалет. Ты, полагаю, воспользуешься им. Мне-то точно он понадобится. Но ты-первая, а когда вернешься, сядь рядом с огнем, — предложил он, кивнув на один из красных диванов, расставленных вокруг камина.

— Я оставлю стеклянную дверь открытой и приготовлю что-нибудь поесть. Хватит сосисок и кофе? Я прибегну к помощи микроволновой печи.

— Достаточно, — ответила она и поспешила в туалет. Внезапно ей он очень понадобился.

И скоро они уже сидели у потрескивающего открытого огня, ели, пили и выглядели так, словно

у них не было абсолютно никаких забот.

Одри была напугана буквально до смерти. Она даже не почувствовала вкуса еды и потом не могла вспомнить ни одного своего слова в ровной, ничего не значащей беседе с Эллиотом. Она поставила тарелку на соседний столик и взяла чашку с кофе. Он тоже показался безвкусным, но она быстро выпила его большими глотками и тяжело вздохнула, когда он кончился.

Эллиот, вероятно, почувствовал ее состояние, ибо поставил свою тарелку и скользнул по дивану в ее сторону. Он взял ее пустую чашку и, слегка наклонившись, поставил ее на столик. — Хватит уже откладывать, — сказал он хриплым голосом и притянул ее к себе.

10

Прежде чем Одри могла сказать хоть слово, он уже целовал ее, подмял под себя и вдавил в мягкую кожу тяжестью своего тела. Его руки держали ее лицо, его губы страстно целовали ее. Простонав, он развел в стороны свои ноги, обхватил ими ее ноги и сильно прижался нижней частью своего тела к ней.

Одри испытала панику, ощутив очевидные свидетельства его желания меж своих бедер. По ощущению «он» был гораздо больше, чем у Расселла. Нервы задергались в ее желудке. Не обманет ли она его ожидания? И все же одновременно ее тело начало автоматически отвечать ему, его внушающему трепет желанию и изогнулось дугой навстречу ему.

Задышавшись, он оторвал свои губы от ее рта, скатился на одну сторону, чуть не упав с дивана.

— О боже, Одри!

Она сжалась, услышав, как ей показалось, упрек в его словах. Ее охватило ощущение своей недостаточности и несостоятельности. Она была безнадежна, бесполезна, тупа!..

— Нет-нет, — нежно проговорил он и начал снова покрывать поцелуями все ее лицо. — Я вовсе не сержусь на тебя. Просто... я слишком возбужден, любовь моя. Он провел пальцами по ее лбу, щекам, рту.

— Ты такая чудесная, и я так сильно хочу тебя. Ты понимаешь, что я говорю?

Она заморгала. Сердце ее отчаянно билось, мозг как бы был в тумане. Да, да!-подумала она в радостном изумлении.

— Я тоже хочу тебя!..-прошептала она, задрожав.

— Ведь ты же не холодная...-поддразнил он. Она покачала головой. Он хрипло вздохнул.

— Я хочу снять с тебя одежду, Одри. Хочу видеть тебя, трогать тебя... Прямо здесь. Но если ты предпочитаешь спальню, мы могли бы подняться наверх.

У нее стало сухо во рту, сердце забилося еще сильнее. Она не узнала свой голос.

— Годится и здесь.

Он склонился над ней и поцеловал снова, отвлекая ее внимание от работы своих пальцев, поспешно расстегивающих пуговицы на ее платье. Большинство из них скоро были расстегнуты, как и передняя застежка лифчика, и его руки начали проделывать чудесные вещи с ее грудями.

Слишком чудесные. Кровь зашумела в ее голове, а сердце забилося так бешено, что она испугалась, как бы оно совсем не развалилось на части. Но когда он задрал подол и начал освобождать ее от одежды ниже талии, она, задыхаясь, оторвала свой рот от его.

— Все в порядке, — успокоил он ее, заканчивая начатое дело, пока она не оказалась полностью обнаженной ниже талии. И хотя Одри не стыдилась своего тела — оно было достаточно хорошо, — она все же застеснялась под прямым взглядом Эллиота. Она никогда бы не позволила Расселлу, смотреть на себя так нагло. Ни за что!

Но она ведь любила Эллиота. Действительно любила его. А он смотрел на нее с таким восхищением и с таким откровенным желанием.

— У тебя прекрасное тело, Одри, — сказал он и наклонился, чтобы поцеловать сначала один напрягшийся розовый сосок, потом другой.

Одри подумала, что сейчас умрет от наслаждения, и с дрожью в голосе прошептала:

— О, Эллиот!..

Он поднял голову, чтобы рассмотреть ее со слегка ироничным выражением.

— Мужик, должно быть, был сумасшедший, — пробормотал он. — Неужели он не видел тебя? Он что-слепой!..

Он снова поцеловал ее в губы, на этот раз довольно свирепо, пока его руки рыскали под оставшейся одеждой, находя ее самые интимные места и доказывая тем самым, что Расселл знал о женском теле не больше, чем средневековые о классической музыке.

Когда она застонала от удовольствия, Эллиот внезапно сел, подняв и ее в сидячее положение, освободил ее от остатков платья, отбросил его в сторону и так же поступил с уже расстегнутым лифчиком. Долгую минуту он просто пялился на ее обнаженное тело, потом начал срывать галстук со своей шеи.

— Помоги мне, Одри, — приказал он, глядя на нее потемневшими глазами.

Она подчинилась, и их дрожащие руки вместе раздели его без намека на тонкость и без уважения к стоимости его одежды. Пиджак, рубашка, пояс, ботинки, носки. Когда дело дошло до брюк, им пришлось встать, и сердце Одри бешено забилося, когда она увидела его в обнаженном мужском величии. Она уставилась на него, наслаждаясь видом его стройного мускулистого тела, которое превосходно служило ему на головокружительных скоростях во время спусков по снежным склонам.

Ее глаза нервно опустились на украшение его мужественности, гордо стоящее и большое настолько, что она даже и не подозревала, что такое может быть. Она судорожно проглотила слюну.

— Я должен кое-чем заняться, — прохрипел он, — пока не забуду.

Когда он снова повернулся к ней, она сделала шаг вперед и прижалась к нему своим возбужденным обнаженным телом. В ответ он простонал, поднял ее руки на свою шею и захватил ее губы в лихорадочном поцелуе. Его руки прошлись по ее обнаженной спине и опустились на женственно податливую плоть ее ягодиц. Он начал прижимать ее ближе и ближе к себе, толкаясь своей возбужденной плотью. Всем своим существом она ощутила, что

хотела его, и именно сейчас!

Когда одна его рука опустилась, захватила ее левую ногу, подняла ее высоко, открыв доступ его твердости к мягкой влажной плоти между ее бедрами, она застонала от облегчения. Ощущение притирания этой твердости к ее телу было невероятно возбуждающим. Но вскоре этого уже было недостаточно... Не совсем достаточно... В тот миг когда она хотела попросить его взять ее, он поднял всю ее с ковра и одним движением проник в ее естество.

Задыхнувшись, Одри оторвала свой рот от его губ, глаза ее расширились от удивления и удовольствия. Он застонал и улыбнулся ей глазами с полуопущенными веками.

— Надеюсь, тебе так же приятно, как и мне.

— Да, — вздрогнула она в ответ. — О, да... Держа ее обеими руками за ягодицы на весу, он повернулся и опустился в сидячее положение посередине дивана, посадив ее верхом на себя. Чем глубже ее согнутые коленки погружались в мягкую кожу, тем глубже его плоть погружалась в нее. Она закрыла глаза и задрожала от эмоционального и физического экстаза.

Эллиот-ее любовь... ее любовник.

— Люби меня, Одри, — хрипло потребовал он.

Он сказал, чтобы она любила его? Но... но как именно? Для нее все было внове, новая позиция, новое...

— Вот так! — потребовал он и, схватив ее за бедра, сделал ими сладострастный круг, медленно поднимая и опуская их.

— О, боже, — прохрипел он.

— О, боже, — повторила она за ним, изумленная ощущениями, которые пронзали ее насквозь.

И все же она была не в состоянии проделать это по собственной инициативе. Ей это казалось слишком... развратным. Эллиот повторил несколько раз свое требование, и вскоре Одри была охвачена диким ощущением растущего наслаждения и напряжения, которые на знали никакого торможения. Постепенно она забыла о своей застенчивости, об опасении, что ее посчитают развратной. Она стала внутренне неистовой. Ей пришлось двигаться все быстрее и быстрее, она откинула голову назад и раздвинула губы в ожидании конца этого безумно эротического путешествия. Ибо он был не за горами, понимала она.

И он наступил, почти напугав ее своей интенсивностью, когда каждое нервное окончание, казалось, заколебалось на лезвии ножа. а всю ее разорвало пополам. Выдох за выдохом вырывался из ее горла.

Эллиот тоже вскрикнул, и она почувствовала его облегчение, теплый вибрирующий поток, когда его тело, казалось, слилось еще теснее с ее собственным.

Она упала вперед, прижавшись щекой к его плечу, глубоко дыша всей грудью. Понадобились века, чтобы наконец успокоилось сердцебиение, и одновременно ее начало обволакивать удовлетворение. Руки Эллиота обвились вокруг ее спины и тесно прижали ее.

— Ты просто фантастична, знаешь, — мягко проговорил он.

— Никогда не думала, — прошептала она, прижавшись к его плечу.

— Никогда не думала, что фантастична?..

— Нет, никогда не думала, что секс может быть таким...

Она сделала долгий дрожащий выдох, приникая мягкими губами к его коже.

— Это был не секс, а любовь. Мы занимались любовью...

Эмоции образовали ком в ее груди, а на глаза навернулись слезы. Он продолжал оставаться галантным рыцарем... постоянно говоря и делая именно то, что нужно. Чего же еще могла желать женщина?

Ее голова дернулась вверх. Одри была полна решимости не допустить, чтобы голубые мечты школьницы испортили время, которое она проводила с Эллиотом. Ибо кто знал, как скоро оно кончится. Эллиот постоянно настаивал на том, чтобы она сама принимала решения, формировала свое собственное будущее. Так вот ее будущее должно начаться с настоящего, а настоящим был Эллиот.

— В чем дело? — спросил он, видимо удивленный выражением решимости на ее лице.

— Эллиот...

— Да?

— Как... как...

У нее пересохло во рту, храбрость покинула ее. Омерзение к самой себе заставило ее опустить глаза. И это называется формировать собственное будущее! Она не могла даже признаться вслух о своем желании.

— Как-что? — подначивал он. — Ну же, Одри, говори. Могу тебя заверить, что меня не так-то легко шокировать.

Храбрость вернулась к ней, и она подняла голову, но тут же покраснела, встретив его пляшущий взгляд.

— Я... я собиралась спросить... — она проглотила слюну прежде, чем продолжить, — как скоро мы могли бы повторить это?

Он мягко рассмеялся, его глаза засверкали, когда он наклонился и запечатлел легкий поцелуй на ее губах.

— Ну, вообще-то ты оказала на меня довольно опустошающее воздействие, маленькая шалунья. Скажем так: вероятно восстановлюсь к тому времени, когда мы примем нашу ванную.

Ее глаза широко распахнулись.

— Нашу ванную?

— Да, нашу, — твердо сказал он, поднялся на ноги и понес ее наверх по лестнице.

— Мне следовало бы позвонить домой, — строго проговорила она, закрыв глаза, чтобы лучше

почувствовать те ощущения, которые вызывали в ней его руки, нежно намыливающие ее груди. — Сообщить им, где я.

— Позже, — прошептал он. — Сейчас мы расслабляемся. Ляг спокойно.

Расслабляемся? Усмехнулся ее крайне возбужденный мозг. Этот человек просто сумасшедший! Как могла она расслабиться, лежа обнаженная в ванной вместе с ним, когда его длинные мускулистые ноги охватывали ее по бокам? Она чувствовала себя как кошка на раскаленной цинковой крыше!

— Не очень-то я чувствую себя расслабленной в данный момент, — произнесла она с придыханием.

Он сухо хохотнул и поцеловал ее мокрые плечи.

— Тебе нужно расслабиться. Вопреки всеобщему мнению, вода плохо возбуждает сексуальное желание женщины.

Это кто как считает, мятежно подумала Одри. Она невольно задержала дыхание, когда намыленные пальцы прошли еще раз по ее соскам, торчащим из пенной воды строго вертикально к потолку как двойные горные пики. А затем его пальцы передвинулись на грудную клетку и живот, менее возбудимые сферы ее тела. Постепенно под воздействием нежного массажа она почувствовала, как напряжение оставляет ее мышцы и, по ее ощущениям, горячая вода и его руки произвели настоящее чудо. Ее уста издали дрожащий вздох облегчения и она почувствовала, как, наконец, по-настоящему расслабилась.

— Эллиот, — прошептала она наконец.

— Что?

— Это очень приятно...

— Рад, что тебе это нравится, — пробормотал он.

— А тебе разве не нравится? — спросила она, почувствовав незнакомую интонацию в его голосе.

— Я думаю, что, пожалуй, пора выходить, из ванны.

— Хорошо, — мечтательно произнесла она. Он поднял из ванны ее мокрое тело с обвисшими руками и ногами. Она даже зевнула и услышала смех Эллиота словно с большого расстояния.

Затем он отнес ее в уже наполнившуюся теплотой спальню и уложил ее влажное тело на пушистое красное вельветовое покрывало большой кровати. Вельвет под ее обнаженной плотью показался ей восхитительно чувственным. И она ощущала в себе восхитительную чувственность. Потянувшись, как кошка, она уронила руки за голову и наслаждалась ощущением теплого плюша, прикасавшегося к смоченной водой коже.

— Не уходи, — произнес он, когда она потянулась опять, и на секунду исчез в ванной комнате прежде, чем вернуться с большим пушистым красным полотенцем в руках.

— Где бы мне начать осушать тебя? — шепнул он. — Здесь? Здесь?

Он взял одну руку и нежно протер ее полотенцем. Потом другую. Она с наслаждением вздохнула.

— Может, здесь? — теперь ее ноги стали объектом его внимания.

И вновь Одри испытала наслаждение. Ее веки становились все тяжелее, пока она не почувствовала, как полотенце поднималось все выше и выше меж ее бедер. Когда оно достигло цели, ее глаза широко раскрылись.

— Ага, — с удовлетворением сказал Эллиот. — Я вижу, ты уже возвращаешься к жизни.

Когда он начал легко растирать полотенцем ее живот, а потом и груди, низкий стон вырвался из ее горла. Но он не остановился, а продолжал растирать ее, однако уже не так нежно.

— Мне кажется, тебе следует обсохнуть как следует, — проворчал он наконец и отбросил полотенце.

Одри взглянула на него глазами, потемневшими от желания. Он же просто стоял, пристально осматривая ее тело, соблазнительно растянувшееся на красном покрывале.

Когда он протянул руку и пробежал кончиками пальцев по ее грудям и животу, она вея покрылась гусиной кожей.

— У тебя очень красивая кожа, Одри. Такая мягкая, кремовая. Я мог бы смотреть на нее вечно. И трогать ее...

Он улегся рядом с ней.

— И целовать ее...

Его губы поцеловали ее под одной грудью, потом медленно поднялись вверх а сомкнулись вокруг соска, резко втянув его внутрь, обкатав его языком раз и еще раз, пока она не издала сладостный звук, похожий на мычание.

Он остановился, потом удивил ее, скользнув вниз по ее телу и приложив свои губы к тому месту, к которому еще ни один мужчина не прикладывал их. Она умерла бы от шока и замешательства, если бы это сделал Расселл, но с Эллиотом все сомнения быстро отбрасывались, и на смену им приходило очарование чистоты чувственного удовольствия.

Но у такого удовольствия была и своя темная сторона, внезапно обнаружила Одри. Вскоре каждое нервное окончание ее тела было наэлектризовано тем, что делал Эллиот, и ощущения стали слишком острыми, чтобы ими наслаждаться. Ее голова задергалась из стороны в сторону, и она попыталась сообразить, хотела ли она в самом деле продолжить эту утонченную игру.

Но когда Эллиот вдруг остановился, ее единственными ощущениями были тревога и разочарование. Когда он откатил от себя ее тело, перевернув его на живот, она стоном выразила свой протест. Пока он не начал целовать ее плечи, отодвигая в сторону ее волосы и пробегая языком вверх и вниз по нежной коже шеи, покусывая мочку, вдыхая теплый, как бы заряженный эротическими ощущениями воздух в ее ухо.

Дрожь снова и снова пробегала по всему ее телу...,

Он издал тихий сексуальный смешок и прошептал:

— Мне нравится твоя реакция. Я люблю в тебе все...

Она застонала в отчаянии, когда его рот оторвался от ее уха, но тут легкий, как пушинка, кончик одного пальца побежал по ее позвоночнику от шеи к ягодицам, и каждая клеточка в ней восприняла это, сжимаясь в волнительный узел, едва ли не останавливая сердце. Оно и остановилось на какой-то миг, потом снова бешено забилося.

— У тебя и спина очень красивая, — хрипло сказал он, пока его палец бродил кругами по ее ягодицам, — очень красивая...

Одри замерла в предвосхищении нового удовольствия, когда палец вернулся на свой маршрут и двинулся от основания позвоночника вниз. К тому моменту, когда Эллиот достиг влажной глубины ее желания, она уже дрожала всем телом. Когда же движениями рук он раздвинул ее бедра, она знала только одно: он должен быть внутри, как бы то ни было.

Ей было наплевать на все, когда он схватил ее за бедра, поднял ее на колени и руки и проник в нее сзади.

Единственной ее реакцией был дрожащий вздох облегчения.

— Д... да...-застонала она, когда он начал движение, и ее желание разгорелось просто сумасшедше: все ее внутренности перевернулись, ее пальцы судорожно сжимали вельветовое покрывало при каждом конвульсивном движении. Руки Эллиота делали одновременные массирующие движения на ее грудях. Его дыхание обжигало ее ухо, когда он уверял ее, что она красива, как сильно он ее желал и как часто он будет ее иметь. Его страстные слова довели ее до сумасшествия, и вдруг она почувствовала необыкновенное, стремительное, как электрический ток, облегчение, от которого едва не разрыдалась в горько-сладком экстазе.

Эллиот ответил своей кульминацией, содрогаясь несколько секунд, все теснее прижимаясь к ней, потом уронил ее на постель и, задышавшись, рухнул на нее сверху.

Одри лежала в его все еще дрожащих объятиях, ошеломленная только что испытанным совместным наслаждением. Страстью... интенсивностью... И последовавшим чудесным удовольствием, внутренней умиротворенностью. Это было нечто гораздо большее, чем то, о чем она осмеливалась лишь мечтать или на что она могла только надеяться. Как она могла надеяться выжить, когда все это кончится, когда руки Эллиота уже не будут сжимать ее в объятиях и она никогда не почувствует этой умиротворенности этой удовлетворенности? Как?..

Ее вздох был одновременно чувственным и печальным.

— О чем ты думаешь?-прошептал он, прижимая ее еще теснее к себе.

— О том, как замечательно было бы иметь возможность делать это каждую ночь...-искренне ответила она.

Он тихо хохотнул.

— Я думаю, это можно было бы устроить, а ты?

Одри задержала дыхание. Уж не собирался ли он предложить ей выйти за него замуж.

Сама эта идея ошеломила ее. Какая отчаянно любящая девушка не захотела бы услышать от своего любимого такое предложение? Тем не менее она не хотела, чтобы Эллиот сделал ей его. Вовсе не хотела. Он не любил ее, и такое предложение означало бы только одно. От самой мысли о мотивах такого предложения у нее похолодело сердце.

— Я подумал, — проговорил он и нежно прижал свои губы к ее уху, — не захотела бы ты переехать ко мне и жить со мной?..

На сердце у нее полегчало, но одновременно она почувствовала волнение. Она повернулась в его объятия и посмотрела на его ожидающее лицо посветлевшими счастливыми глазами.

— Ты уверен, Эллиот, что хочешь этого? Ты... действительно уверен?..

Взяв Одри за подбородок, он запечатлел на ее губах страстный поцелуй.

— Господи, никогда еще не хотел я ни одну женщину так, как хочу тебя, — наконец пробормотал он, прижимаясь к ее припухшим губам. — И каждую ночь мне было бы мало.

Его горячие слова побудили ее пробежаться рукой вниз по его телу. Волна желания охватила ее, когда она почувствовала, что ее интимное прикосновение моментально возбудило его.

— О, Эллиот... Я так обожаю то ощущение, когда ты во мне. Сделай это еще раз... Пожалуйста...

Он простонал, подтянул ее под себя, поднял ее ноги на свою талию и нырнул в ее горячую, охотно принявшую его плоть. Ее вспухшие мускулы с силой сжали его, и это вырвало стон из глубины его горла.

— Что-то подсказывает мне, — прохрипел он, — что нам предстоит долгая... долгая... ночь.

11

— Эллиот, — прошептала Одри вскоре после полуночи. — Я так и не позвонила домой, чтобы сказать, где я. Они будут волноваться.

Она приподняла свою голову с его живота.

— Да не будут они волноваться... — возразил он и положил ее голову обратно. — Они не станут волноваться, пока не заглянут в твою спальню завтра утром. А насколько я понимаю Лавинию, в воскресенье это не произойдет слишком рано. Ты можешь позвонить им утром, придумав какое-нибудь благопристойное объяснение, почему ты не дома. Скажешь, что мы провели ночь в доме Найджела, что после бегов у нас была вечеринка и что я выпил слишком много, чтобы отвезти тебя домой.

— Да... Так я, пожалуй, и поступлю. Просто я не очень-то умею лгать. Они наверняка догадаются обо всем.

— Ну и что? Ты теперь совершеннолетняя, Одри, уже не ребенок. Нет ничего предосудительного в том, что ты зажила половой жизнью, особенно если делаешь это скромно и не со всеми подряд.

Одри вздрогнула, услышав, как Эллиот назвал то, что они делали, «половой жизнью». Разве он сам не заверял, что они занимались любовью, а не сексом?

— К тому же, — добавил он, — они и так все узнают, когда ты переедешь ко мне.

Только сейчас она поняла, какие последствия может иметь ее согласие жить вместе с Эллиотом. Что скажет на это ее отец? И Лавиния?..

— Что-то ты стала очень уж молчаливой, даже замерла вся, — мягко подначил ее Эллиот. — Уж не передумала ли переезжать ко мне?

Она села, откинула волосы с лица, потом легла рядом с ним, положив голову на подушку.

— Нет, — ответила она наконец.—Но я не уверена, что семья одобрит мое решение.

— Почему? Потому что они считают, что я в конце концов не женюсь на тебе?

Она скосила глаза на него, а сердце ее сжалось. Ибо Одри не была уже так уверена в том, что она не хочет, чтобы Эллиот сделал ей предложение. Или чтобы он не любил ее. Разве мог мужчина заниматься любовью так красиво и так часто, если бы не был влюблен? Откуда тогда эта нежность и забота, это желание доставить удовольствие прежде всего ей, не заботясь о себе? Разве поступил бы так мужчина, желающий только секса, не более того?

— Ты ведь понимаешь это, Одри?—напряженно произнес он.—Я буду твоим любовником так долго, как ты пожелаешь. Но я не женюсь на тебе. Я не из тех, кто женится.

— Но женился же ты на Мойре...

— Это совсем другое дело.

— Почему другое?—требовательно спросила она.—Почему?

Он резко сел и спустил ноги с кровати.

— Не пытайся допрашивать меня, — бросил он через плечо.—Да и никому я не позволю допрашивать себя. Принимай меня таким, каков я есть, Одри, или не принимай меня вовсе. Все, точка!

Она тоже села и теперь смотрела на него с бьющимся сердцем. Это был Эллиот, которого она раньше не знала, — холодный, безжалостный, отталкивающий Эллиот. Черный рыцарь; совсем не галантный.

На долю секунды она испытала шок. И даже боль. Потом она заметила невысказанную боль в каждой мышце его напряженной спины и поняла, что имелись какие-то веские и сложные причины такого его поведения. Он совсем не походил на того мужчину, которого она знала и любила. Может, если поспрашивать его еще...

Встав на колени сзади него, она обвила руками его грудь и прижала к себе.

— Эллиот... Я тебя понимаю. Честно!.. Он напрягся еще больше.

— Ты все еще переживаешь смерть жены. Я понимаю, что ты ее очень любил. Но разве не можешь понять: то, что мы чувствуем друг к другу, не просто желание?

— Нет!—отверг он эти ее слова, стукнув кулаком по ладони.—Ты ошибаешься, а я не хочу тебя дружить!

Он обернулся и взял ее за плечи. Лицо его выражало большое напряжение.

— Во-первых, чтобы все было ясно с самого начала: моя женитьба на Мойре была следствием дружбы, а не романа. Мойра не желала, чтобы алчные родственники наложили лапу на ее состояние. Она рассуждала так: они не смогут опротестовать ее завещание, если у нее будет

законный муж. Поэтому, чтобы успокоить ее, — а врачи считали, что она не протянет более пяти лет-я женился на ней и обещал направить большую часть ее наследства на благотворительные цели. И именно так и поступил. Мне нравилась Мойра, я восхищался ею, но не любил ее. Я еще ни разу не влюблялся ни в одну из женщин, Одри, просто потому что не способен на это!..

Одри пристально смотрела на него расширившимися глазами, испытывая замешательство и просто недоверие. В его глазах сверкала сталь, когда он увидел ее реакцию. Он намеренно обхватил рукою грудь Одри.

— Ты думаешь, что это подтверждает, что ты любишь меня?-хрипло проговорил он, довольно грубо стараясь своим большим пальцем возбудить ее сосок.-Вовсе не обязательно, Одри. Как это не значит, и что я люблю тебя.

Он подхватил ее руку и положил к себе.

— Это лишь желание, а не любовь. Ты наверняка уже поняла разницу между тем и этим. Он отложил ее руку, его челюсти напряглись.

— Если ты все еще думаешь, что любишь меня, тогда нам лучше покончить с нашими отношениями прямо сейчас. Ты очень скоро забудешь меня-как только я исчезну из твоей жизни. И ты без труда найдешь кого-нибудь еще, если будешь искать так, как ищешь сегодня.

Одри во все глаза смотрела на Эллиота, пытаясь разглядеть, что за человек пытается скрыться за маской жестокости и бескомпромиссности. Она могла понять, что любой мужчина с неудачным прошлым мог испытывать проблемы, когда речь шла о доверии и любви. Нежелание влюбиться объяснялось и тем, что он еще сравнительно недавно был большим бабником, а его отношение к женщинам выражалось словами: «имей их и оставляй их». Об этом ей говорила Ивонна. Мойра, вероятно, была совершенно особенной женщиной, если она возбудила в нем столько чувства...

Но разве он не понимал, что изменился за эти годы. Одри верила, что мужчина, который был с ней таким добрым и сладким, был способен и на глубокое чувство любви?..

Его упрямая слепота по отношению к ней, к ее чувству расстроила ее до глубины души. Мне тоже было больно, хотела крикнуть она ему. Расселл был моей болью и моим несчастьем. Но я не отказалась от дальнейших поисков истинного счастья и нашла тебя, мой дорогой. И не собираюсь позволить тебе улизнуть. Я собираюсь попытаться заставить тебя понять все это, даже если попыта и убьет меня!.. Пока же...

Одри проглотила ком, образовавшийся у нее в горле, и призналась себе, что должна как-то разрядить обстановку, если не хочет потерять Эллиота совсем.

На ее лице появилась улыбка одновременно лукавая и безоблачная.

— Ого, кто бы мог подумать, что ты будешь таким озабоченным? Ну и что, если даже я влюбилась в тебя? Это еще не означает, что я хочу выйти за тебя замуж. Я слишком молода. Ты сам говорил мне об этом. Я хочу повеселиться несколько лет. И веселиться я хочу с тобой. Так что не воображай из себя бог знает что. Я не позволю тебе отделаться от меня так легко!

Он уставился на нее, явно не совсем уверенный в себе.

— Ты уже достаточно отдохнул?—«подначила» она его, склонив голову набок.-Ты забыл, что мы

не достигли еще того предела, о котором ты шептал раньше.

Он встряхнул головой, потом рассмеялся:

— Ну что мне с тобой делать?

— Ты хочешь сказать, что не знаешь?—Она насмешливо вздохнула.—А я-то думала, что ты все об этом знаешь. Вот так-так! Некоторых людей можно обманывать постоянно, и можно обманывать всех людей какое-то время. Но только...

Она вскрикнула, когда он грубо обхватил ее руками и уложил в постель.

— Мне следовало бы предупредить тебя, — прорычал он с усмешкой на губах, опускавших к ее лицу, — что подобные вызовы я нахожу такими же неотразимыми, как и некую обнаженную блондинку!..

— Лавиния? Это ты?..

— Нет, моя любовь. Это Элси. Одри облегченно вздохнула в телефонную трубку.

— Папа и Лавиния уже встали?

— Еще не видела никого из них. Еще только половина одиннадцатой. Ты где, любовь моя? Я даже не знала, что ты уже встала. У тебя утренний урок вождения?

С еще большим облегчением Одри услышала подсказку о ее алиби.

— Да, верно, — радостно солгала она.—Эллот просил начать сегодня пораньше, пока улицы не заполнили сумасшедшие воскресные водители. Мы сейчас заехали к нему перекусить. Я решила и предупредить, что не приеду на завтрак и обед. Я проведу весь день с Эллотом.

— Ты действительно чувствуешь себя хорошо с этим молодым человеком, не так ли?

— Д-да, — она взглянула на Эллота, который готовил завтрак на кухне.

Он смотрелся удивительно лихо, одетый лишь в халат. На ней было надето тоже немного: большое красное полотенце прикрывало ее от груди до бедер. Другое полотенце было обернуто вокруг только что вымытой головы.

— Эллот-обалденный мужик, — высказала она комплимент, перехватив взгляд Эллота, который сделал шутливый поклон.

— Он молодец, что взялся обучать тебя вождению. Ведь для этого требуется уйма терпения.

— О, да, Эллот очень терпелив. Он стремительно повернул к ней голову, поднял одну бровь и еле слышно проговорил.

— Вовсе нет. Иди сюда и помоги мне, ленивая маленькая чертовка.

— Полагаю, ты хочешь, чтобы я передала отцу и миссис Фарнсуорт о том, что ты проведешь целый день с Эллотом, не так ли?—предположила Элси.

— Да, пожалуйста.

— Хорошо. Увидимся позже.

— Пока, Элси.

— Видишь?-ухмыльнулся Эллиот, когда она положила трубку. — Никаких проблем.

— Ты меня развращаешь, — рассмеялась Одри.

Эллиот с насмешливым выражением на лице повернулся обратно к яичнице с ветчиной.

— Я больше, не уверен, кто кого развращает. Она сползла с высокого табурета, обошла стойку для завтрака, остановилась за спиной Эллиота и положила руки на его широкие плечи. До чего же он красив, подумала она. Очень, ну очень красив...

И принадлежал ей. По крайней мере пока.

— Так-то ты хочешь мне помочь?-бросил он через плечо.

Она опустила руки на его талию, прижалась щекой к его спине и вздохнула.

— Ага.

— Ты маленькая, ласковая штучка, а?

— Не знаю. У меня никогда не было никого, с кем бы я была действительно ласкова.

— Ас Расселлом?..

Она медленно выпрямилась и отстранилась от него.

— Зачем вспоминать о нем?-спросила она.-Ты же знаешь, что я его терпеть не могу...

— Просто проверяю, — он оглянулся на нее. — Эй, не будь такой серьезной. Что случилось с девушкой, которая совсем недавно хотела повеселиться?

— И ей иногда хочется какое-то время побыть серьезной.

— Это хорошо. Тогда положи хлеб в тостер. У нас скоро будет готова очень вкусная яичница с беконом.

Она рассмеялась.

— А кто будет готовить, когда я перееду сюда?-спросила она. когда они уселись по разные стороны стойки для завтрака и занялись едой.

— Ты пожалеешь, если скажешь, что я, — подначила она.-За свою жизнь я не приготовила ничего приличного. —

— Тогда этим придется заняться мне, — он преувеличенно вежливо кивнул головой над яичницей. — Ваш верный лакей к вашим услугам, мадам.

— А какие еще услуги... вы оказываете, мой верный лакей?-спросила она, входя в роль.

— Мадам!-Он как бы подражал манерам и голосу чопорного английского дворецкого. — Право, не знаю, что вы имеете в виду.

— Я имею в виду, что прошлой ночью вы дали мне полное представление о своих способностях. И с большим знанием дела.

— Мадам и сама довольно, быстро овладела некоторыми навыками. Но она ведь вообще хорошая ученица.

— Верно... Но мне потребуется повторный курс по крайней мере раз в два дня.

— Ну, нет. Не думаю, чтобы этого было достаточно.

— Не думаешь?

— Конечно. Пропусти только один день-и потеряешь все навыки.

— Вот как? Я я-то думала, что это похоже на езду на велосипеде. И раз научившись, уже...

— Мадам! Ну что вы такое говорите. Вы меня даже заставили покраснеть.

Он взглянул на нее, и оба расхохотались. День оказался просто славным. Безумным и чудесным! Один раз они занялись сумасшедшей любовью на балконе. Но ледяной зимний воздух прогнал их, и они поспешили назад в комнату на пушистый ковер, где их согрели лучи солнца, проникавшие в широкое окно. Одри оставалась обнаженной, и они продолжали разыгрывать свои придуманные роли, изображая манерные отношения между хозяйкой и слугой. И она решила про себя, что такой слуга ее вполне устраивает.

Чего нельзя было сказать о его поварских способностях. В основном они обходились легкими закусками, разогретыми в микроволновой печи.

В четыре часа они неохотно забрались в машину, чтобы вернуться в Сидней, и их возвращение совсем не было похоже на вчерашнее вечернее путешествие. По пути назад они играли в дурацкие детские игры, составляя некие комбинации из номеров встречных машин. В Гулберне они посетили кафе «Мак-Дональдз» и объелись котлетами, жареной картошкой и густыми молочными коктейлями.

— У меня здорово разыгрался аппетит, — проговорил Эллиот со смешком, поглощая второй «Биг Мак».

— Отчего бы это?-отпарировала Одри с притворной невинностью.

— Даже не спрашивай меня. Я провел почти весь день на спине, — он поднял одну бровь, и Одри порозовела.

— Разве я виновата, что тебе не нравится «положение миссионера»?

— Это потому, что я не миссионер. Она неудержимо расхохоталась, и Эллиот присоединился к ней. Все еще смеясь, они загрузились в ожидавший их «сааб».

— Не провожай меня, — сказала она ему, когда уже в одиннадцатом часу они остановились у чудовищных ступенек дома Фарнсуортов.-Я сама хочу преподнести новость.

— Я буду здесь. и семь тридцать утра для следующего урока вождения. Загрузи свой багаж в «магну». Я приеду на такси.

— К этому времени я буду готова. — — Не позволяй Лавинии отговорить тебя! — крикнул он ей

вдогонку.

— Ни за что!-уверенно ответила она.

Но она чувствовала себя далеко не уверенно, когда Эллиот отъехал и оставил ее одну. Вся ее новообретенная храбрость, казалось, покинула ее вместе с ним.

Отец и Лавиния еще не ложились, а смотрели телевизор. Одри вошла к ним и нервно произнесла:

— Привет!

— Мне показалось, что кто-то открывал дверь, — сказала Лавиния.

Ее глаза расширились при виде кремового шерстяного платья Одри.

— О небо, ты в том же наряде, что была и вчера. Уж не хочешь ли ты сказать, Одри, что не приходила ночевать домой? Я поняла это из твоей беседы с Элси...

— Я провела ночь с Эллиотом, — прервала она ее с вновь обретенной решимостью. — Не считаю нужным скрывать это.-Она скорее обращалась к отцу, чем к Лавинии.

— Я люблю его, папа, и он... хорошо относится ко мне. Он предложил мне пожить с ним, и я собираюсь быстрее переехать к нему. Пожалуйста, не устраивайте из этого истории. Мне уже двадцать один и ты не сможешь остановить меня.

Варвик Фарнсуорт долго молчал, потом медленно кивнул и произнес:

— Если ты этого хочешь, дорогая... Одри задрожала от облегчения и радости. — Варвик!-взорвалась Лавиния.-Как ты можешь так спокойно говорить об этом? Этот мужчина намного старше Одри. Мы его совсем не" знаем. Он может оказаться мошенником, охотником за наследством...

— Он вполне уважаемый адвокат. Не говоря уже о Том, что он всемирно известный спортсмен, — спокойно ответил Варвик.-К тому же он значительно богаче моей дочери. Неужели ты думаешь, что я не навел соответствующих справок?

Он встал, подошел к дочери и взял ее руки в свои.

— Поступай так, как считаешь нужным, Одри. После Расселла ты заслуживаешь немного счастья. Эдуард рассказал мне о нем. Хотел бы я знать раньше, что он за змея. Но он всегда смотрелся неплохо, нужно признать. Хотя, конечно, не идет ни в какое сравнение с твоим Эллиотом...

— Я в это не верю!-пробормотала Лавиния.-Он не женится на ней, ты же знаешь! Раз он богат...

Одри заметила раздражение в глазах отца, когда он повернулся к жене и резко бросил:

— Некоторые люди женятся не только из-за денег, Лавиния.

— Разве?-ядовито спросила она. Щеки отца покраснели, и Одри захотелось ударить эту сучку Лавинию.

Однако отец промолчал. Но в его глазах промелькнула боль. Он горделиво выпрямился, вызвав у Одри прилив не испытанного ранее уважения, и спокойно проговорил:

— Да. Беда в том, что это мы узнаем не всегда вовремя. Иногда слишком поздно...

На секунду наступила наэлектризованная тишина.

— Но мы отвлеклись, — продолжал он. — Будучи взрослым человеком, Одри вправе искать любви там, так, где и как она считает нужным. По моему же мнению, Эллиот Найт вполне достойный человек. Не думаю, чтобы он преднамеренно причинил ей боль.

— Вот как! — фыркнула Лавиния. — Это говорит только о том, какие вы оба наивные и глупые! Этот человек просто волокита, просто плут! Одри для него всего лишь очередная новенькая. Он наслаждался, играя с ней роль Пигмалиона. Нет сомнений в том, что он...

— Хватит! — проревел Варвик. — Я был бы рад, если бы ты держала свой отвратительный язык за зубами. Благодарю тебя, Лавиния. Я хотел бы поговорить с дочерью, наедине!

Лавиния покраснела.

— Очень хорошо, — проворчала она. — Но не говори потом, что я тебя не предупреждала, Одри. Как только ты наскучишь Эллиоту в постели, он сменит тебя на более опытную женщину. Запомни мои слова!

И, наградив их обоих презрительным взглядом, она со злым видом поспешно покинула комнату, громко хлопнув дверью.

Одри чувствовала себя ужасно.

— Я очень сожалею, папа, — начала она дрожащим голосом... — Я... я не хотела вызвать проблемы. Он устало покачал головой.

— В этом нет твоей вины, моя дорогая. Виновата Лавиния... В последнее время она чувствует себя несчастливой. У нас с ней были трудности. Но тебе не о чем беспокоиться. Однако... — он заколебался, и у Одри екнуло сердце.

— Ты совершенно уверена, что хочешь жить с этим человеком? Лавиния не совсем права, когда говорит, что определенные проблемы могут возникнуть из-за того, что он значительно старше тебя. И значительно опытней...

— Я уверена, — солгала она.

— Пусть будет так, — вздохнул отец. — А теперь иди спать, моя девочка. Ты выглядишь немного... усталой, — закончил он с застенчивой улыбкой.

Она почувствовала, как зарумянились ее щеки.

— Да, пожалуй. К тому же мне нужно упаковать вещи.

Отец удивился.

— Так скоро?

— Я перееду завтра утром. Он вздохнул.

— Мне будет не хватать тебя... Ее тронула искренность отца. Она крепко обняла его и пообещала.

— Я буду навещать тебя.

— Надеюсь...

Одри легла спать со смешанными чувствами и эмоциями, совсем не уверенная в том, что поступает правильно. Почему другие люди способны поселить в ее душе такие сомнения? Она понимала, что Лавиния ревнует, и все же слова мачехи сильно подорвали ее оптимизм, надежду на будущее.

Неужели только секс будет преобладать в ее отношениях с Эллиотом?

И надеялась, что нет. Как только они начнут жить под одной крышей, как только в совместной жизни будут проходить день за днем, неделя за неделей, у них будет гораздо больше времени, больше возможности, чтобы поговорить, лучше узнать друг друга. Их отношения как бы разрастутся, пустят корни, и когда это произойдет, Эллиот поймет, наконец, всю глубину их взаимной привязанности.

Когда Одри собирала свои вещи, ее мысли снова обратились к событиям завтрашнего дня. Завтра Эллиот приедет за ней. Завтра она станет частью его жизни. Завтра...

... Но когда она, наконец, легла, предупреждения Лавинии вновь вызвали в ней тревогу. А когда заснула, ей стали сниться кошмары, в которых центральное место занимали ужас и неуверенность. В одном из снов Эллиот стоял рядом с кнутом, а издалека доносился смех Лавинии, подтрунивающей над ней, пока она отползала от Эллиота как напуганное животное, и страх ощутимо пробежал по ее коже. Эллиот смеялся над ней, говорил, что она маленькая наивная дурочка, что юные женщины навели на него скуку, и что она-Одри-не соответствовала его потребностям. Потом он сказал ей, что хочет «настоящую женщину», и повернулся, чтобы заняться любовью с Лавинией на глазах Одри.

Одри проснулась, дрожа и чувствуя себя несчастной. Но когда Эллиот приехал точно в назначенное время, улыбнулся ей и нежно поцеловал в губы, все ее сомнения развеялись, и на смену им пришло ощущение прекрасной любви и доверия. Он был ее Эллибом, ее рыцарем в сверкающих доспехах. Он никогда не предаст ее!..

... Может быть, это и хорошо, что наше будущее спрятано от наших глаз...

12

— Мне казалось, ты говорила, что у вас с Эллиотом ничего серьезного, — заметила Ивонна, приведя Одри на кухню. — Разве совместная жизнь в наши дни означает «ничего серьезного»?..

На неделе Найджел позвонил Эллиоту по какому-то делу и пригласил его отобедать в воскресный вечер. Узнав, что Одри живет теперь у Эллиота, он пригласил и ее.

— Прошла всего неделя, — увильнула Одри от прямого ответа. — К тому же мы не намереваемся жениться.

Ивонна начала накладывать картофельные чипсы в принесенное блюдо.

— Должна сказать, что все же немного удивлена, — сказала она, — хотя, когда увидела вас на

бегах, мне стало ясно, что Эллиот очень привязался к тебе.

Она рассмеялась.

— Кто знает? Может, он наконец поборет свою склонность к более старшим женщинам! Одри неохотно усмехнулась.

— Я-то очень на это надеюсь. Ивонна острым взглядом посмотрела на нее и вздохнула.

— Ты здорово в него влюбилась, дорогая, не так ли?

Одри порозовела, бросила нервный взгляд через плечо, чтобы посмотреть, где в этот момент находился Эллиот. Он был занят оживленной беседой с Найджелом в гостиной.

Ивонна похлопала ее по руке. — Не надо смущаться. Эллиот очень видный мужчина. Я только надеюсь... О, ничего особенного. Молодость бывает только один раз. Так что наслаждайся с ним, пока это длится.

Чувство обиды сжигало внутренности Одри. Почему все думают, что ее отношения с Эллиотом не продлятся долго?

А затем пришли пессимистические мысли. Может, и в самом деле все быстро кончится? Хотя они жили вместе уже целую неделю, не было никаких признаков углубления их отношений, на которое втайне надеялась Одри, никаких глубоких и значимых бесед, никакого дружеского общения.

Интерес Эллиота к ней оставался чисто физиологическим. Он, казалось, никак не мог насытиться ею. Эллиот привозил ее на работу каждое утро, заезжал за ней в перерыв на завтрак и привозил ее домой, где они обязательно целый час занимались любовью. Пострадали даже ее уроки вождения, от которых их отвлекали частые любовные игры. Она даже не помнила, как сдала экзамен по вождению, но сдала его без единого замечания.

Их ночи были столь же лихорадочными, что и дни. Но по крайней мере Эллиот старался создать иллюзию настоящего романа. Вечера он проводил за приготовлением обеда, блюда подавал при свечах с большим щегольством и заставлял ее специально одеваться к обеду.

А потом...

Одри вздохнула. Она ведь была такой же неистовой, как и он. Она постоянно желала его, всякий раз была страшно возбуждена к концу обеда, когда Эллиот начинал медленно раздевать ее.

Но она была недовольна тем, что каждый свободный час их жизни отдавался удовлетворению их взаимного ненасытного желания. Она хотела большего. Беда была в том, что этого не хотел Эллиот. Она понимала это, как понимали это все остальные.

При этой мысли она глубоко и опечаленно вздохнула...

— Означает ли твой вздох, что не все прекрасно в райском саду, — осторожно поинтересовалась ее хозяйка.

Одри бледно улыбнулась.

— Хотелось бы мне, чтобы Эллиот хоть изредка пускал меня в свои мысли. Я совсем не знаю, о

чем он думает.

— Господи, если бы я получала хотя бы один доллар за каждый раз, когда Мойра говорила то же самое!-Ивонна остро взглянула на Одри. — Ты не против, что я говорю о Мойре? Пожалуйста, скажи, если это так.

— Да нет, вовсе нет, — раздалось вполне искреннее признание.-Судя по всему, она была удивительным человеком.

— У нее были и недостатки. Впрочем, как у каждого. Иногда она бывала слишком упрямой. И грубой в своих оценках. Но она была слишком требовательной к людям и не принимала оправданий их плохого поведения. Все ее друзья старались соответствовать ее требованиям, ибо иначе возникало ощущение, что в чем-то подводишь её.

Ивонна рассмеялась.

— Она обвиняла меня в том, что я прирожденная сплетница. И я действительно такая! Но, можешь мне поверить, о ней я не сплетничала!..

— А что она думала об Эллиоте?:

Ивонна опять засмеялась.

— Что он слишком любит поступать по-своему и нуждается в женщине, которая могла бы противостоять ему!

Это беспечное замечание заставило Одри задуматься. И она все еще размышляла об услышанном, когда они с Эллиотом приехали домой.

Едва успев закрыть дверь, он заключил ее в свои объятия. Она замерла.

— Что-нибудь не так, моя сладкая?-нахмурился он.-Я уже обратил внимание на то, как тихо ты вела себя сегодня. Я-то думал, что ты уже перестала нервничать в обществе других людей...

Она высвободилась из его соблазнительных объятий и пошла в сторону спальни.

— В общем да. Но у меня... жуткая головная боль.

Она не увидела, а скорее почувствовала, как он изумился.

— Уж не старая ли это хохма о головной боли?-наконец поинтересовался он, последовав за ней в спальню.

Она достала ночную рубашку из ящика, в котором лежало ее нижнее белье, и повернулась к нему.

— Нет, действительно болит. Сожалею, Эллиот, но я не в состоянии заниматься сегодня любовью.

Одри постаралась не выглядеть виноватой, ибо голова у нее не болела, хотя мозг ее и испытывал стресс. Но ей просто было необходимо посмотреть, как поведет себя Эллиот, если придется оставить секс на день или два, если попытаться заставить его просто поговорить с ней.

Он посмотрел на ночную рубашку, которую она судорожно прижимала к груди. Всю неделю она спала голой.

— Если хочешь, я могу лечь в соседней комнате, — предложила она и с трепетом стала ждать его ответа.

— Пожалуйста, не позволяй мне делать это, Эллиот, — мысленно попросила она. — Пожалуйста, скажи, что ты хочешь, чтобы я была рядом.

Она пристально следила за его глазами и заметила, как они подтвердили.

— Ты лжешь мне, Одри? Почему?

— Я... я не лгу. Несмотря на все свои усилия держать под контролем свои эмоции, жар от испытываемого чувства вины окрасил ее щеки.

— У меня действительно болит голова, — настаивала она на своем, отдавая себе отчет в том, что ей не удастся провести его. — Что мне сделать, чтобы ты мне поверил!?

— Я тебе не верю, — холодно ответил он. — Ну что ж, наслаждайся одиночеством в комнате для гостей... Не сказав больше ни слова, он вошел в ванную комнату главной спальни, сильно хлопнув дверью.

— Вы сегодня выглядите осунувшейся, совсем не так, как в прошлый понедельник, — сказал Эдуард утром, когда она пришла в контору. — Господи, когда вы тогда вошли, сияя как новая вселенная, я чуть не свалился со стула. Однако сегодня...

Он неодобрительно сморщил губы.

— Так что очень даже хорошо, что сегодня утром вы проходите диспансеризацию. Может, доктор обнаружит, в чем с вами дело.

— О небо, я и забыла о ней, — простонала Одри, размышляя, как бы помириться с Эллиотом в обеденный перерыв.

Она провела жуткую ночь в комнате для гостей, а завтрак был еще ужасней. Эллиот попытался помириться, а она, маленькая идиотка, обвинила его в том, что он совсем не питал к ней интереса и хотел ее только ради секса.

Он наградил ее своим типичным долгим, непроницаемым взглядом, потом попытался убедить ее, что это неправда. Если бы он хотел женщину «только ради секса», он выбрал бы кое-кого получше, какую-нибудь более зрелую особу, а не «надутого, мрачного, неразумного ребенка, которого следовало бы отшлепать по одному месту».

Она возразила в том духе, что он был всего лишь эгоцентричным, эгоистичным, тупым сексуальным маньяком, который просто обязан хорошенько посмотреть на себя прежде, чем превратиться в старого холостяка. После этого она с намеренным шумом выскочила из дома, впрыгнула в машину и в час пик с дрожью в коленках вполне самостоятельно (что было нелегко) доехала до работы, едва не врезавшись по дороге в автобус.

— В какое время у меня диспансеризация? — спросила она Эдуарда.

— В одиннадцать тридцать.

Это означало, что она не сможет увидеться с Эллиотом в обеденный перерыв. Одри даже застонала. Он может подумать, что она придумала себе оправдание, чтобы не встречаться с ним. Ее рука дрожала, когда она потянулась к телефону, чтобы позвонить ему. О небо, в какую же передрыгу она попала!..

Но когда она сообщила Эллиоту о диспансеризации, тот воздержался от каких-либо обвинений, и его безразличный голос расстроил ее еще больше, чем если бы он рассвирепел.

— Я в самом деле очень сожалею, Эллиот, — продолжала она лепетать в трубку. — Но ничего не поделаешь. Все работники конторы проходят диспансеризацию раз в два года, и запись на нее производится заблаговременно. Так что я не могу...

— Ради бога, Одри, — нетерпеливо прервал он ее. — Тебе вовсе незачем оправдываться передо мной.

— Как это незачем?

— А зачем?

— Да потому, что мне неприятно то, что случилось, и я хотела бы поговорить с тобой, объяснить, что я чувствую. Я... я не хочу, чтобы ты думал, что я больше не хочу тебя.

— Я так не думаю, — вздохнул он. — Признаюсь, я здорово рассердился прошлой ночью. Но теперь я понимаю, что был неправ. Я не имею права требовать от тебя чего-либо.

— Нет, имеешь! — попыталась настаивать она.

— Нет, Одри. Ты была права, а я неправ. Конец спора. Отправляйся на свою диспансеризацию, а увидимся вечером, когда вернешься домой. Годится?

Совершенно расстроенная, она промолчала.

— Одри?

— Да?..

Он опять вздохнул.

— Теперь у меня головная боль. Может, даже и хорошо, что ты не приедешь сегодня на завтрак.

— Может, и хорошо, — сердито буркнула она и положила трубку.

О, боже, подумала она, закрыв глаза, зачем я это сделала? Она уставилась на свои дрожащие руки. Подняв глаза, увидела, что Эдуард наблюдает за ней с горестным видом.

В контору Одри вернулась около двух часов, вооруженная знанием, что она абсолютно здорова и проживет никак не меньше, чем до ста лет. Так сказал доктор.

— Если я постоянно буду чувствовать себя так отвратительно, как сейчас, — пробормотала она вслух, уронив сумку рядом со своим письменным столом, — я не захочу дожить и до тридцати.

Эдуард рывком поднялся из-за своего стола и вышел из застекленного кабинета.

— Вот-вот! Нет никакой надежды сосредоточиться на бюджете, пока вы бормочете что-то про себя.-Он подошел ближе и постучал по ее столу.-Кроме того, жизнь слишком коротка, чтобы губить то небольшое, что имеешь. А теперь убирайтесь отсюда. Возвращайтесь домой или куда там еще, где находится ваш возлюбленный, и помиритеcь с ним. Это-приказ!..

Одри сначала удивилась, потом разволновалась. Эдуард прав! Именно это и следовало ей сделать. Поехать домой и помириться. Какое имеет значение то, что сейчас Эллиот хочет от нее только секса? Может быть, со временем все переменится?.. Зачем портить то, что они имели, подгоняя ход вещей?...

Поблагодарив Эдуарда и попрощавшись с ним, Одри поспешила к своей красной «магне», припаркованной на улице. Ей пришлось остановиться как вкопанной, когда она заметила Расселла, стоявшего с грозным видом, облокотившись на дверцу ее машины со стороны водителя.

— Я надеялся увидеть тебя здесь, — свирепо прорычал он, когда она приблизилась к нему с бьющимся сердцем.

Его рот искривился в усмешке.

— Какое бы очарование ты ни пыталась себе придать, золотце, все равно ты останешься самой скучной клячей в мире!

Гневный жар опалил ее щеки, а злость вытеснила ощущение испуга.

— Убирайся, Расселл! Я не намерена выслушивать твои оскорбления.

— Вот как? А что ты можешь сделать? Потребовать, чтобы меня уволили еще раз?

— Я не требовала твоего увольнения, — огрызнулась она.

— Еще как требовала, золотце. Однако знаешь что? Ты оказала мне услугу. Я получил фантастическую перспективную работу управляющего в Новой Гвинее и приступлю к ней уже на следующей неделе. Но я просто не мог уехать, не посвятив тебя в мою маленькую тайну.

Его рот оскалился в злобной ухмылке.

— Диана не была единственной, кого я поимел на стороне. Я попробовал и твою мачеху. Ага... Сексуальную Лавинию... Эта-то женщина знает, как ублажить мужчину. О, чего это ты побледнела, дорогуша. Уж не посматривает твой новый любовник в том же направлении?

Он издал ехидный смешок.

— Могу поспорить, что да. Почему бы тебе не спросить, чем он занимается, пока ты на работе?..

— Убирайся!-воскликнула Одри и сильно толкнула его в сторону.

Он даже не попытался помешать ей сесть в машину и отъехать от тротуара. Взглянув в зеркало заднего вида, она увидела, что он остался стоять на том же месте и продолжал хохотать.

Всю дорогу домой руки Одри тряслись на руле. Она едва не разрыдалась, когда машина поднялась, наконец, по крутой подъездной дорожке к дому Эллиота. Она мечтала лишь о том, чтобы он сжал ее в своих объятиях, утешил ее, успокоил. Но это продолжалось недолго, ибо тут

же она испытала сильнейший шок, увидев розовато-лиловый «фиат», припаркованный рядом с черным «саабом» в гараже Эллиота. Вся кровь отхлынула от ее лица, когда она врубилась по тормозам.

На розовато-лиловом «фиате» ездила Лавиния... Машины такого цвета попадались не так уж часто.

Не может быть, подумала она. Ее чуть не стошнило. Нет...

... Она не помнила, как выбралась из машины, прошла мимо «фиата», затем посмотрела на внутреннюю винтовую лестницу и закрытую дверь наверху. Но она не могла войти через нее из опасения того, что могло ожидать ее, когда она войдет вот так, без предупреждения. Поэтому она прошла к наружной деревянной лестнице сбоку дома. Каждый шаг давался ей с жутким мучением.

Остановившись перед тяжелой деревянной дверью, Одри нажала кнопку звонка, потом оперлась на поручень лестницы, чтобы удержаться на ногах в течение долгих секунд ожидания. Что там делает Эллиот?-мучилась она. Что он-не желает или не может сразу открыть дверь?

Но в конце концов дверь распахнулась и в ней появился ее Эллиот-со спутанными волосами, в алом шелковом халате, одетом поверх алых. же шелковых пижамных брюк.

Ее мозг лихорадочно искал какое-то оправдание его виду. Но когда она увидела виноватый румянец на лице Эллиота, ее охватило жуткое отчаяние.

— О боже, Одри, ты же сказала, что не приедешь домой до вечера.

— Одри?...-послышался сзади него задыхающийся голос Лавинии.

— Как ты здесь оказалась?! —почти зло спросил он.

— Я приехала домой пораньше, чтобы помириться, — глухо произнесла она.-Теперь я вижу, что мне не следовало этого делать...

— Черт побери, это совсем не то, о чем ты думаешь!

Она засмеялась.

— У папы есть поговорка: «Если животное выглядит как собака, лает как собака и пахнет как собака, можно быть вполне уверенным, что это и есть собака».

Ее опустошенные глаза оглядели его еще раз, она убедилась, что они ее не обманывают-Эллиот был действительно раздет. А затем она резко развернулась и сбежала вниз по ступенькам.

— Вернись?-отчаянно закричал он.

Но она бежала слишком быстро, даже для него. Слишком быстро. Хорошо еще, что ключ остался в замке зажигания. Она запрыгнула в «магну», мгновенно завела мотор, подала задом, весьма удачно развернулась, и машина с визгом тронулась и поехала по подъездной дорожке.

Слезы застилали ее глаза, но на улице было мало машин, и она быстро удалялась от возможного преследователя. Так она думала. Но когда она притормозила у красного светофора

внизу холма, то заметила, как черный «сааб» Эллиота появился на вершине холма и стал стремительно приближаться к ней.

Красный свет сменился зеленым, и она рванула вперед, но тут водитель другого автомобиля решил, нарушив правила, проехать на красный в поперечном направлении. Столкновение было неизбежно. Карие глаза Одри широко распахнулись от страха, и она громко крикнула, увидев, как другая машина приближалась к ней...

Кричала она недолго-удар бросил ее вперед, она стукнулась лбом о рулевое колесо. Череп ее, казалось, раскололся, и в тот же миг наступило черное безболезненное забытие...

... Оказавшиеся при этом свидетели потом будут рассказывать, как через несколько секунд после столкновения рядом затормозил черный «сааб» и из него выскочил сумасшедший мужик в алом халате и подбежал к красному «седану». Расскажут и о том, что никогда не забудут его взгляд, когда он не смог открыть смятую дверцу, и о его отчаянии, когда он вопил, чтобы кто-нибудь вызвал по телефону спасательную команду и скорую помощь, а потом опустился на колени на землю рядом с дверцей разбитой машины и заплакал, как ребенок...

13

— Нет, — Одри отвернулась от отца и безучастно уставилась в стену больничной палаты.

— Одри, послушай наконец! Между Эллиотом и Лавинией ничего не было в тот день. Даже я этому верю. Нет, я не говорю, что она не легла бы с ним в постель, если бы ей удалось соблазнить его. Она признает это. Но Эллиот-то не хотел иметь с ней ничего общего?

Голова Одри медленно повернулась на подушке, и она посмотрела на него мертвыми глазами.

— Конечно же... Поэтому он и был полуодет...

— Он говорит, что может объяснить это, если только ты позволишь ему. Почему ты не хочешь его видеть?..

Одри закрыла глаза. Ее мысли неохотно вернулись к тому дню, уже неделю тому назад, когда она была уже в состоянии принимать посетителей, и в ее палату вошли вместе Эллиот и Лавиния. Увидев их, она испытала невыносимую боль. Ее голова, казалось, взорвалась, и она впала в жуткую истерику, после чего ее лечащий врач запретил им приходить.

Лавиния и не пыталась больше навещать ее. Но с Эллиотом все было не так-то просто.

Он вернулся на следующий день и сумел убедить доктора. Его пустили к ней, правда, только в присутствии врача. Одри слышала их спор в коридоре у двери палаты, и это дало ей время, чтобы облечь свое страдание в непроницаемую броню горькой решимости. Но когда Эллиот все же вошел, она на какой-то миг поразилась его мертвенной бледности. Мой бог, он выглядел так, словно не спал всю неделю!

Но она быстро оттринула всякую жалость, решив для себя, что он страдал лишь от сознания своей вины. Когда он заговорил, Одри поглядела сквозь него и сказала врачу, что, если ее непрошенный посетитель не уберется сейчас же, она встанет с постели и уйдет сама. Поскольку ей залечивали сломанное бедро и несколько помятых ребер, угроза возымела действие.

Когда она начала под простыней перемещать ноги к краю кровати, Эллиот вышел. Но отнюдь не отказался от своего намерения.

Он пытался звонить ей. Она клала трубку, не говоря ни слова.

Он присылал цветы и письма — она пересылала цветы в детское отделение и сжигала письма, сосредоточенно наблюдая, как бумага свертывалась в черный пепел.

Она знала, что никогда не поверит в то, что он намерен ей сказать. Она же своими глазами видела его раздетым. А как он виновато покраснел? Да и было ли случайным, что Лавиния оказалась там в его доме в тот единственный день, когда она не приехала на обеденный перерыв?..

Единственное, что удивляло ее, так это то, что он пытался добиться ее понимания и прощения. Если он был готов лечь в постель с такой, как Лавиния, тогда у него действительно не было и намека на совесть.

— Одри...

Она вернулась в настоящее, сообразив, что отец все еще сидел рядом с ней.

— Да?..

— Выслушай все же мужика...

— Нет!

Ее тон был непреклонным, и отец устало поднялся на ноги.

— Ты похожа на свою мать. Она тоже была упряма и не желала даже слушать меня, когда я пытался разубедить ее, что неправда была та старая сплетница, которая убедила ее, что я женился на ней из-за денег.

— Разве нет?—резко спросила Одри.

— Да... Но твоя мать не знала этого. К тому же времени, когда этот слух дошел до нее, я уже давно был влюблен в нее по-настоящему. Мы были отличной супружеской парой и были счастливы, особенно, когда появилась ты. Но она не желала меня слушать, не хотела видеть настоящую правду. Она испортила остаток нашей совместной жизни, превратив ее для меня в ад. Она отказывалась спать со мной, и в конце концов я обратился за утешением к Лавинии'. Не поступай так, как она, Одри. Не отрезай собственный нос только для того, чтобы досадить своему лицу. Эллиот любит тебя.

То же самое говорила ей и Ивонна, посетившая ее на следующий вечер.

— Я могу понять, что ситуация с Эллиотом и этой женщиной выглядела достаточно недвусмысленно, — прямо высказалась она.—Но, Одри... Эллиот заверяет меня, что он невиновен, и я ему верю. Моя дорогая, если бы ты могла только видеть его в дни, последовавшие за твоей аварией, когда ты лежала в коме от сотрясения мозга. Он был вне себя! Не спал, не ел. Знаешь, что ты с ним делаешь, отказываясь видеть его? Он не знает, куда приткнуться, что делать. В отчаянии он упросил меня сказать тебе, что он не Расселл, что бы это ни значило!

Одри вздрогнула. Ну, действительно, разве можно было поставить Эллиота в один ряд с Расселом? Наконец, она вынуждена была представить себе весьма невероятную возможность. Может, она ошибалась относительно Эллиота. Может, он был жертвой обстоятельств или

хитростей Лавинии... Может... \

— Подумай об этом, моя дорогая, — несколько мягче сказала Ивонна. — Если ты не дашь Эллиоту возможности объясниться, не будет ли тебя мучить мысль, что ты совершила большую ошибку? Ты же любишь Эллиота. Но одной любви недостаточно, чтобы построить свое будущее. Нужно еще иметь и веру.

Сердце Одри сжалось.

— Я подумаю об этом, Ивонна. Благодарю тебя. Ты очень добра. Спасибо, что постоянно посещаешь меня.

— Я с удовольствием делаю это. Однако мне пора уходить. Я навещу тебя и завтра, и мы поговорим еще.

— Рада буду видеть тебя. Ты настоящая подруга. Одри лежала очень тихо, размышляя над тем, что говорила Ивонна, когда послышался легкий стук в дверь. Подняв глаза, она увидела, как в комнату входила Лавиния.

Одри сжало грудь, каждая жилка в ней отчаянно забилась. Ее чувства, вероятно, отразились на лице, ибо Лавиния остановилась на большом удалении от кровати и выглядела довольно потерянной.

— Пожалуйста, не выгоняй меня, — выпалила она. — Я... я должна поговорить с тобой. Неподдельные слезы, выступившие на глазах Лавинии, размягчили сердце Одри. Вдобавок Лавиния была совсем на себя не похожа. Она выглядела почти неопрятно-волосы спутались, никакого макияжа, желтый льняной костюм сильно помят.

Одри не нашла в себе сил выгнать ее. Но и говорить она не могла. В конце концов Лавиния робко приблизилась к кровати.

— Не знаю даже... с чего начать, — выдавала она из себя, глядя в пол. Слезы сбегали по ее щекам и капали с ее носа. — Ты, должно быть, ненавидишь меня. Все меня ненавидят. Все, кроме Варвика. Он ведет себя... очень понимающе и заботливо.

— Он тебя любит, — промолвила Одри. — Верно, — кивнула Лавиния. — Я и сама могу это видеть теперь. Никогда не думала, что он меня любит по-настоящему. Мне казалось... В день свадьбы он сказал мне, что не хочет детей. Я была раздавлена. Я хотела родить ребенка. Но Варвик, казалось, интересовался только сексом. Я полагала, это было потому, что он не был способен на любовь после смерти твоей матери. Он даже тебя отослал в школу-интернат. Потом я заметила, с каким нетерпением ждал он твоего приезда на каникулы, и жутко ревновала его к тебе. Мне было ненавистно то, что ты занимала так много места в его сердце, — неохотно призналась Лавиния.

— Тебе не следовало этого делать, Лавиния, — доброжелательно проговорила Одри. — Мне-то казалось, что папа совсем не любит меня. Я только недавно сообразила, что ему трудно показывать свою любовь.

— Верно, он говорил мне об этом. Но и я думала, что он меня не любит, особенно когда по прошествии нескольких лет он как-то отдалился от меня. Секс потерял для него свое значение. У него появились новые интересы-гольф и коллекционирование произведений искусства. Я чувствовала себя покинутой. Я... я вытворяла... такие вещи, о которых глубоко сожалею.

У Одри сжалось сердце. Расселл, подумала она. Лавиния говорит о Расселле.

— Когда ты начала расцветать и особенно когда ты познакомилась с Эллиотом, я просто умираю от зависти. Я... я чуть не свихнулась. Я жаждала нанести тебе удар, тебе и Варвику. Если я заманю Эллиота в постель, думала я, мне удастся потешить дьявола, бушевавшего внутри меня. Но Эллиот даже не притронулся ко мне, Одри. Клянусь! Не сомневайся в его любви к тебе. Он любит тебя. И очень сильно. Я думаю, что он сам не знал, насколько сильно, пока все это не случилось. Во всем виновата я одна. И в твоём разрыве с Эллиотом, и в дорожном происшествии. Ты должна поверить мне!

Одри долго и пристально смотрела в её дикие черные глаза, полные такой боли и раскаяния, пока ей, наконец, не стало ясно: Лавиния говорит правду! И от сознания этого у Одри появилось ощущение физической боли.

— Я верю, Лавиния, верю...

— Ну, и славу богу!-воскликнула она. — Слава богу! Может быть, после этого я смогу наконец жить в мире сама с собой.

— Лавиния...-позвала дрожащим голосом Одри с отчаянно бьющимся сердцем.

— Что?

— Не оставишь ли меня сейчас? Мне нужно кое-что сделать.

— Ну конечно. Еще раз большое спасибо, Одри, за то, что выслушала меня. Надеюсь, что однажды ты сможешь простить меня...

Как только Лавиния вышла, Одри схватила телефон, стоявший на прикроватном столике, и дрожащей рукой стала набирать номер.

— Эллиот Найт слушает, — раздался его голос на третьем гудке.

У Одри перехватило дыхание. Его голос звучал так ужасно... Так безжизненно и тускло... Совсем не похож на голос Эллиота.

Сердце Одри сжалось от раскаяния. И в этом виновата я... Я и мое дурацкое недоверие. Только невинный человек мог так страдать! Только невинный человек мог настаивать на своем, после того, как его так жестоко отвергли! Как же я была слепа!

— Эллиот?..

Тишина на другом конце линий поразила её, как кинжал в сердце. Она почувствовала муки Эллиота как нечто осязаемое, разрывающее её душу.

— Эллиот, я прошу прощения, — воскликнула она. — Я знаю, что ты не сделал ничего плохого. Прости меня за то, что я сомневалась в тебе. Я... Пожалуйста, приходи ко мне в больницу...

Затаив дыхание, она ждала его ответа, но Эллиот молчал. Когда наконец снова раздался его голос, задыхающийся от волнения, она поняла, что он пытался восстановить самообладание.

— Я уже лечу к тебе!..-услышала она. Он доехал за двадцать минут, установив несомненно новый рекорд, ибо больница находилась совсем не близко от Ньюпорта. Одри заранее обдумала, как она его встретит-теплой улыбкой и ласковыми словами. Однако после одного

взгляда на его опустошенное лицо и обведенные темными кругами глаза она разрыдалась.

Какой-то момент Эллиот колебался, потом бросился к кровати, встал на колени и обнял ее.

— Ох, Одри, — простонал он.—Дорогая моя... моя сладкая любовь...

Они долго, очень долго сжимали друг друга в объятиях. В палату заглядывали медсестры, но, улыбнувшись, оставляли их в покое.

— И очень хорошо, что Расселл уехал в Новую Гвинею, — проговорил наконец Эллиот. — Ибо если бы он этого не сделал, я стер бы в порошок этого сукиного сына! Ничего удивительного, что ты сделала столь поспешные выводы. После того, что он тебе наговорил...

— И все же я должна была дать тебе возможность объяснить мне, — прошептала Одри, —как это ты оказался полуодет после того, как слег в постель с головной болью.

Эллиот кивнул.

— Я принял несколько таблеток и заснул как сурок. Меня разбудил стук Лавинии, но я не проснулся окончательно и поэтому впустил ее. К тому же она заявила, что беспокоилась о тебе и хотела убедиться, что ты хорошо устроилась. Но я не звал ее к себе, Одри.

— Теперь-то я это знаю... Но тогда я была ошеломлена таким совпадением: единственный раз, когда я не приехала на завтрак домой, появилась она.

— Никакого совпадения. Эдуард был у Варвика во время уик-энда и упомянул о диспансеризации персонала. Она точно знала, где ты будешь. Когда она попыталась соблазнить меня, я посоветовал ей опомниться, пока Варвик не развелся с ней. Потом я выдал ей все, что думаю о том как она вела себя по отношению к тебе. К тому времени, когда приехала ты, до нее, кажется, начало доходить. Она очень расстроилась. Не после твоей аварии она сильно переменялась. Поверь мне, Лавиния искренне раскаивается.

— Я знаю. Она навестила меня. Но не только она открыла мне глаза. Ивонна тоже...

—А... Она передала тебе мое послание? О том, чтобы ты не считала меня еще одним Расселлом?

— Да. Не знаю, как я вообще могла поверить, что ты можешь поступить, как он.

— Да и я не всегда был благороден, Одри. Но я изменился.

— Мойра изменила тебя, — спокойно констатировала она.

— Почему ты так говоришь?-поразился Эллиот. — Что ты знаешь о Мойре?

— Ивонна многое рассказала мне о Мойре. И о тебе.

— Обо мне? Она мало что знает обо мне.

— Разве? Она же была близкой подругой Мойры, Эллиот. А подруги доверяют друг другу свои мысли. Женщины в отличие от мужчин не боятся что, доверившись друг другу, станут предметом насмешек.

Его серые глаза затуманились, он на минуту задумался, а потом прошептал:

— Это должно быть любопытно...

— Ты вполне мог бы довериться мне, Эллиот, — мягко говорила она. — В этом ведь и заключается настоящая любовь. Нет нужды чувствовать себя одиноким или хранить темные секреты.

Он долго и пристально смотрел на нее задумчивыми глазами. Подняв ее руку, он заговорил тихим размеренным голосом:

— В таком случае, позволь мне объяснить тебе кое-что о моем прошлом отношении к любви.

— Да?..

— Однажды у меня была девушка... Одри постаралась не выглядеть ошеломленной. Девушка? Сейчас он говорил отнюдь не о Мойре.

— Она была богата... красива... сексуальна... В то время мне было двадцать два. Я тогда первый год выступал на лыжных соревнованиях в Европе. Ее звали Фелисити, и все ее занятия заключались в преследовании знаменитостей, на лыжных курортах. Но я этого тогда не знал. И влюбился в нее до безумия. Она уверяла, что тоже любит меня и хотела все знать обо мне. Мне никогда не нравилось говорить о своем прошлом. Она же настаивала на своем, пока я не рассказал ей все... — он пристально посмотрел на нее. — Ивонна рассказывала тебе о моем детстве... о моей матери? Одри кивнула.

— Я знаю, что она была алкоголичкой и бросила тебя, когда тебе было восемь лет. Я знаю также о детских домах и о заведении для малолетних...

С секунду на лице Эллиота было написано раздражение, потом он тоже кивнул, и раздражение сменилось кривой, но мягкой улыбкой.

— Мойра всегда ухитрялась разнюхать чужое прошлое. Она полагала, что прошлое людей предопределяет их будущее, что в прошлом не оправдание, а ключ к их будущему...

Очень умная женщина, эта твоя Мойра, подумала Одри.

— Короче говоря, я был слишком глуп, чтобы заметить отдаление Фелисити от меня после того, как она узнала, что я вырос за счет благотворительности. Когда она не пришла ко мне на следующую ночь, я отправился на ее поиски. И я ее нашел...

В голосе Эллиота послышалась явная циничность.

— В постели с другим?

— Не совсем. В постели с двумя другими. Одри содрогнулась от омерзения.

— Да-да. Неприятная картина. Она даже не заметила, как я там появился и ушел-настолько была занята.

— О, Эллиот. Я понимаю, как это. повлияло на твое отношение к любви и к женщинам.

— Отчасти. Но суть этой истории в другом.

— В чем же?

— Видишь ли, я скоро сообразил, что вовсе не любил Фелисити, что мое чувство к ней было чисто сексуальным влечением. Она была моей первой женщиной, понимаешь? К несчастью, моя прохладная реакция на неверность Фелисити только укрепила меня в том, что я уже подозревал о себе. Что я был законченным сукиным сыном, лишившимся в свои юношеские годы даже намека на любовь и заботу. После этого началась жизнь, когда я легко рвал одну связь и вступал в другую. И только когда я встретил Мойру, я сообразил, что мог действительно дружить с женщиной.

Он печально улыбнулся, припоминая.

— Знаешь, Мойра даже как-то сказала: если я был таким повесой с черным сердцем, то почему я вступал в связь только со старшими по возрасту женщинами? Только потому, что они не страдали так сильно потом? Я заверил ее, что прогнал весь насквозь. В ответ на это Мойра рассмеялась и предложила переехать к ней, чтобы она могла заняться спасением моей души.

— И она это сделала?.. Эллиот покачал головой.

— Нет, Одри. Мойра вовсе не спасла меня. Пока я был женат на ней, я продолжал делать только то, что хотел и когда хотел. Моей единственной уступкой супружеской жизни было то, что я перестал спать с другими женщинами. Я причинял ей боль, Одри, своим равнодушием, своим безразличием. Ибо Мойра действительно любила меня. Она сказала мне об этом незадолго до своей смерти. Это... довольно сильно расстроило меня. И заставило меня дать обет никогда и никому не причинять больше такой боли...

Он закрыл на мгновение глаза и покачал головой.

— И однако же я сделал это... С тобой...-он тяжело вздохнул.-Черт возьми, я старался не делать этого. Когда я отвез тебя домой в ту первую пятницу и вернулся к себе, то побил рекорд по принятию долгих холодных душей. А что сделала ты? Позвонила мне, уговорила меня повидать тебя еще раз и явилась мне в образе богини. Я убеждал себя держать свои руки подальше от тебя, но мое тело не подчинилось этому приказу. Но в то время, как я жаждал заняться с тобой любовью, я желал одновременно лелеять и защитить тебя, дать тебе все, чего ты заслуживаешь. Но я провел так много лет, не слушая свое сердце, что не обратил внимания на его новое послание. Я слишком много лет прислушивался к своему телу, чтобы игнорировать его привычные потребности.

Он протянул руку и нежно прикоснулся к ее лицу.

— И все же каким-то образом именно секс показал мне отличия моего чувства к тебе в сравнении с другими женщинами. В прошлом я часто пресыщался своими наслаждениями. Но с тобой, Одри!.. Чем больше я занимался любовью с тобой, тем больше я хотел тебя и нуждался в тебе. Благодаря тебе, я почувствовал себя особенным, любимым. Если кто и спас меня, так это была ты... с твоим славным неэгоистичным характером, с твоей доброй и доверчивой душой, с твоей такой естественной красотой.

И он поцеловал ее дрожащими от волнения губами.

— Понадобился шок, когда я увидел тебя без сознания в разбитой машине, чтобы разбудить меня. В тот день я молился за то, чтобы ты жила, Одри. И молился всем сердцем. И я поклялся:

если Бог вернет тебя мне, я никогда в жизни не причиню тебе никакой боли. Я люблю тебя, Одри. Ужасно люблю. И я хочу жениться на тебе и родить детей. Рискни и скажи «да»!

Сердце Одри трепыхалось от счастья. — О, Эллиот... Да... Да... Ты меня. просто осчастливил...

— Надеюсь на это, моя родная. Если кто и заслуживает быть счастливой, так это ты.

... Заиграла музыка, и Одри взяла под руку отца, наградив его нервным, но любящим взглядом. Он смотрелся очень красивым и даже величественным-гордым отцом невесты. Не говоря уже о том, что и отцом будущего ребенка-Лавиния объявила совсем недавно о том, что ожидала его.

— Ты выглядишь такой красивой, — прошептал он, когда они двинулись по проходу церкви вслед за посаженной матерью.-Да и твоя подружка не хуже. Темно-красное ей очень к лицу.

Одри улыбнулась, вспомнив, как Ивонна поначалу отказывалась от ее предложения быть сопровождающей невесты вместе с Найджелом в качестве шафера. Я слишком стара, протестовала она.

— Лучше сделай так, как она хочет, — посоветовал Эллиот Ивонне. — Бог знает, что произошло с милой податливой штучкой, в которую я втюрился!.. Она превратилась в настоящую татарку! Знаешь, что она мне сказала на днях? Что я должен начать снова работать... Сказала, что не потерпит, чтобы отец ее детей целыми днями болтался по дому, как джигало. Ну что скажете на это? Все рассмеялись, и Ивонна согласилась. И вот наступил великий момент. Одри плыла по проходу церкви мимо улыбающихся друзей и родственников. И все награждали ее восхищенными взглядами. Потом вдруг Ивонна повернула в сторону, в конце прохода, и Одри оказалась перед Эллиотом, ожидающим ее.

Глаза ее остановились, и она вновь пережила заново все: тот первый момент в кафе, когда галантный рыцарь поспешил к ней на помощь; их восхитительный уик-энд, занятия любовью на даче; их долгие разговоры, занимавшие теперь добрую часть ночи, а теперь еще и это... Ее глаза прояснились и сфокусировались на Эллиоте... Это был незабываемый миг-они собирались поклясться друг другу в вечной любви.

Она потянулась к нему, и он взял ее за руку и улыбнулся, выражая любовь всем своим видом.

— Ты ведь не нервничаешь?-тихо спросил он.

— Нет.

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя... Священник кашлянул и заговорил.

— Мы собрались здесь перед взором Господа... чтобы соединить, этого мужчину и эту женщину в святом супружестве...

... Свидетели происходящего будут рассказывать потом многие годы о свадьбе необыкновенно красивого жениха и нежной и весьма привлекательной невесты, о том, как они смотрели друг на друга во время церемонии, о том, как едва не плакали все присутствующие в церкви в тот момент, когда священник объявил их мужем и женой...